

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

1/99

Учредитель
Кубанский
государственный
университет

Главный редактор
А.М.Ждановский,
канд.ист.наук, доцент

Редакционная коллегия

Т.Т.Авдеева,
канд.экон.наук, доц.;
Г.С.Курбатова,
отв.секретарь;
Е.В.Морозова,
д-р филос.наук, доц,
зам. гл. редактора;
О.А.Оберемко,
канд. социол. наук, доц.;
Ю.А.Пеницын,
канд.ист.наук, доц.;
З.И.Рябкина,
д-р психол.наук, проф.

Дизайн художников
М.Н.Марченко
С.Г.Аожихина

В подготовке номера
участвовали:

А.Б.Дуненков, Н.А.Синюгина
Н.Б.Зимакова

Адрес редакции:
350040, г.Краснодар
ул.Ставропольская, 149,
комн. 404-н
тел. (8612)33-08-01; 33-62-08

Регистрационное
свидетельство
Р2829 от 16.03.99.

Издаётся с марта 1999 г.

Подписано в печать 30.03.99.

Уч.-изд.л. 10,0.

Усл.п.л. 10,0. Тираж 400 экз.

Человек. Сообщества. Управление
Научно-информационный журнал
№1

Содержание

Приветствия читателям.....	2
Слово редактора.....	3
Местные сообщества.....	5
Филиппов Ю.В. Управление развитием мест- ных сообществ: функция, профессия или при- звание? (Взгляд на опыт США из России).....	5
Авдеева Т.Т. Институты и инструменты управления развитием местного сообщества (зарубежный опыт).....	24
Говоренкова Т.М. Городская власть в дорево- люционной России.....	44
Человек в мире.....	51
Рябкина З.И. Проблема личности и "лично- стности" в современном мире.....	51
Лузаков А.А. Типология личностей Майерс- Бриггс и управленческое консультирование.....	63
Дзюба М.В., Жданова В.В., Ожигова Л.Н. Семья в рисунках детей.....	75
Гаврилова Е.В., Лузаков А.А. Особенности межличностного восприятия и оценивания у мужчин и женщин (психосемантическое иссле- дование).....	81
Политическая регионалистика.....	90
Юрченко В.М. Управление региональными конфликтами (конфликтный менеджмент).....	90
Морозова Е.В. Региональные политические пар- тии.....	104
Кафедра.....	111
Колесник В.С. Предмет и задачи политической антропологии.....	111
Воронкина С.И. К профессиональному и лич- ностному становлению через самоанализ.....	122
Наши выпускники.....	137
Международные связи.....	140
Студенческая страничка.....	145
Жизнь факультета.....	149
Язык мой – друг мой?.....	152
Рецензии.....	154
Реклама.....	168

ПРИВЕТСТВИЯ ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые читатели!

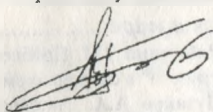
Рад приветствовать вас по случаю выхода в свет первого номера журнала "Человек. Сообщество. Управление". Уверен, что журнал станет настоящей визитной карточкой факультета управления — одного из самых динамично развивающихся подразделений Кубанского госуниверситета.

Несмотря на то, что факультет молод (образован в 1996 г.), он быстро нашел свою "нишу" в университетских делах. Специальности, по которым здесь ведется подготовка специалистов, без сомнения относятся к самым престижным и высококонкурсным.

В преподавательском коллективе работают 3 доктора наук и 30 кандидатов наук, многие практические работники управления. Факультет активно участвует в международных программах.

Можно смело сказать, что заложен хороший фундамент для дальнейшего движения вперед дорогой знаний и научного поиска.

Желаю вам больших творческих успехов!

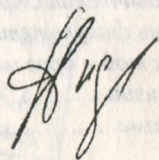
В.А.Бабешко, ректор
Кубанского госуниверситета,
академик РАН

Уважаемые читатели!

В 1992 году группа энтузиастов, одержимых идеей перестройки гуманитарного образования, создала Институт управления при Кубанском государственном университете. Сначала в институте было два отделения — психологии и политологии, затем добавилось отделение государственного и муниципального управления. В 1996 г. Институт преобразовался в факультет управления, сохранив сложившиеся традиции и хороший темп развития. Нынешним летом факультет проведет уже третий выпуск специалистов.

В КубГУ складывается своя управленческая школа. Отрадно заметить, что достижения этой школы не сводятся к защите диссертаций, публикациям и пр. Факультет управления — полноправный участник процесса государственного и муниципального управления. Через экспертизу и консультирование, переподготовку кадров, Агентство по развитию местных сообществ ученые помогают практикам. Издание журнала "Человек. Сообщество. Управление" — новый, очень важный и ответственный шаг в этой работе.

Убежден, что наш журнал найдет заинтересованного и благодарного читателя. Новому кораблю, входящему в океан периодики, — семь футов под килем!

А.А. Андреев, депутат
Государственной Думы
Российской Федерации,
зам. председателя Комитета
по международным делам,
доцент кафедры политологии

СЛОВО РЕДАКТОРА

Вы держите в руках первый номер журнала. Думаю, **вас** привлекли цвета обложки, не совсем обычное словосочетание в названии и удобный формат. Во всяком случае **мы** на это **рассчитывали**.

Мы – это команда людей, которые задумали, собрали и выпустили этот журнал.

Мы – это преподаватели, сотрудники, выпускники и студенты факультета **управления** Кубанского госуниверситета.

Мы **молоды**, потому что факультет существует с 1996 г., потому что в команде много молодежи по возрасту и духу, потому что среди нас есть молодые кандидаты и доктора наук...

Мы **опытны**, потому что среди нас есть люди с солидным научным, преподавательским, управленческим и жизненным багажом, потому что у нас был предшественник – институт управления, потому что у нас есть опыт преподавательской деятельности с самыми разными категориями населения, потому что у нас солидная практика международного сотрудничества.

Мы **динамичны**, потому что мы умеем заметить новое, воплотить его в жизнь, потому что факультет управления сначала родился в наших головах и нами же превращен в реальность, потому что мы **уже даем** не только первое, но и второе высшее образование и разные формы дополнительного.

Мы **разные**, и нас это не пугает. Перевернув обложку нашего журнала, **вы** встретитесь с психологами и политологами, юристами и экономистами, управленцами и филологами, et cetera. **Вы** узнаете, чем “дышат” студенты нашего факультета, где работают наши выпускники и с кем мы сотрудничаем за рубежом.

Нас объединяет **наша миссия**: удовлетворение потребностей жителей местного сообщества в понимании жизни и личном участии в ее изменении к

лучшему, через непрерывное, эффективное образование и разнообразные консультационные услуги в социальной, политической, психологической и управленческой сферах.

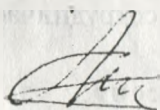
Итак, мы пишем для вас, дорогие читатели!

А кто же наш читатель? Как мы его представляем?

Прежде всего это человек с разносторонними интересами, человек, которому доставит удовольствие заглянуть в статьи о человеческой личности или полистать политические исследования, человек, который постарается разобраться в нашей новой специальности “социальная работа” и не обойдет вниманием материалы по управленческим технологиям, расскажет своим сослуживцам о заинтересовавшей его информации об опыте работы местного самоуправления в других странах, поделится в семье обнаруженными в журнале наблюдениями психолога.

Нам бы хотелось, чтобы журнал читали **разные люди**. Мы уверены, что среди читателей будут студенты в первую очередь нашего факультета: мы будем публиковать материалы, полезные в учебе. Мы надеемся, что журнал окажется полезным специалистам, работающим в народном образовании, в органах местного самоуправления и государственной власти, в мэриях и муниципалитетах края. А если среди наших читателей окажутся просто любопытные люди, мы будем этому рады тоже.

С верой в нашего читателя и надеждой на сотрудничество уже любящий вас

главный редактор, декан факультета
управления, доцент, кандидат
исторических наук

А. М. Ждановский

Ю.В. Филиппов

УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ: ФУНКЦИЯ, ПРОФЕССИЯ ИЛИ ПРИЗВАНИЕ? (ВЗГЛЯД НА ОПЫТ США ИЗ РОССИИ)

Гоголь одной ногой стоял в
прошлом, другой приветствовал
светлое будущее.

Из школьного сочинения

Эта курьезная фраза, вынесенная в эпиграф статьи, невольно приходит в голову, когда задумываешься о том, почему не реализовался замысел реформаторов - одним прыжком преодолеть пропасть между прошлым и будущим. Почему вместо “большого скачка” длиной в “500 дней” мы оказались в состоянии “застоя на одной ноге”, длящегося уже вторую пятилетку? Будет ли продолжение? Или судьба второго тома гоголевских “Мертвых душ”, сожженного собственноручно автором, символизирует уникальность российского пути?

Что происходит?

Социально-экономическое развитие означает прежде всего изменения. Чем глубже и масштабнее программа развития, тем большие перемены она приносит. Американский специалист по развитию Кеннет Вагнер утверждает: “Перемены, когда они происходят или просто говорят о них, пугают людей. Поэтому сопротивление переменам - почти всеобщая закономерность” [6, с.49].

В этом отношении россияне отнюдь не уникальны. Особенностью современных реформ в России можно считать лишь то, что их необходимость признавалась достаточно узким кругом лиц. При этом, по-видимому, в высших эшелонах власти обращали больше внимания на техническую сторону дела, а не на реакцию людей.

Способ проведения реформ “сверху вниз” в России не мог не привести к расслоению реформирования на два асимметрично и с разной скоростью развивающихся процесса.

Одна сторона реформирования – это процесс изменения условий жизни и деятельности человека, направленный на формирование принципиально новой социальной среды, с которой реформаторы связывают перспективы развития общества. Заметим, однако, что сами изменения не являются синонимом понятия “развитие”. «Сама идея развития, – подчеркивают авторы книги “Перспективы теории и практики развития сообществ”, – охватывает три понятия – “улучшение”, “рост” и “изменения”. Тем не менее изменения, которые улучшают многое для некоторых, совсем не обязательно улучшают многое для всех. Изменения – не нейтральное понятие, и люди подходят к их оценке в зависимости от своего места в социальной структуре, доступности для них ресурсов, своих организаторских умений» [2, с.307].

Вторая сторона российских реформ – это процесс изменений в поведении основной массы людей, которые по субъективным и объективным причинам не могли воспринимать происходящие перемены как “улучшение и рост”. Обнаружилось противоречие между возможностями изменения условий инициаторами реформ и способностями основной массы людей адаптироваться к ним. Если человек не хочет или не успевает адаптироваться и в силу этого не может воспользоваться открывающимися возможностями, то формирующаяся социальная среда становится агрессивной по отношению к нему. В жизни это

проявляется в неверии в возможность что-то изменить в лучшую сторону, в неверии в свои силы, в стремлении переложить ответственность за происходящее на других.

Этот краткий экскурс в теорию развития дает основания сделать вывод, что успех любой программы развития зависит от заранее разработанного плана преодоления сопротивления. Нет сомнений и в том, что, решая старые проблемы, социально-экономическое развитие создает новые. Однако лучше иметь проблемы развития, чем социально-экономический застой.

Что делать? (Вариант ответа)

Сторонники уникальности российского пути, очевидно, скажут: на исконно “русский вопрос” можно дать истинно “наш ответ”. Мне же кажется, что иногда не зазорно обратиться к общечеловеческому опыту, в частности, к теории и практике развития местных сообществ. Странам мирового сообщества уже не раз приходилось искать и находить ответы на подобные вопросы, которые приобрели особую остроту в динамичном XX в. Глубокие и частые перемены в социальном и экономическом облике общества, характерные прежде всего для сегодняшних развитых стран, привели к появлению новой профессии – **специалиста по развитию местных сообществ**, а затем и возникновению соответствующего направления в мировой социальной науке.

Эдвард Дж. Блейкли связывает появление этой профессии в США с “длительным и бурным периодом индустриальной трансформации общества”, который страна переживала с начала нынешнего столетия [2, с.307]. “Своим возникновением, – пишет он, – **профессия обязана трудностям переходного периода** (выделено нами. – Ю.Ф.), с которыми столкнулись миллионы людей, а также неспособности существующих социальных институтов справиться с проблемами, рожденными этим периодом” [2, с.307]. На этом поворотном пункте истории профессионалы решали не только задачи технико-

экономического характера, связанные с перестройкой сельского хозяйства на основе механизации и внедрения научных методов производства. Не менее важным аспектом их деятельности, как отмечает Э.Блейкли, была помощь людям в освоении новой системы социальных ценностей, в приспособлении новых горожан, прибывавших из американского села и из-за границы, к новой производственной деятельности, новому этническому составу соседских общин, к концентрации экономической и политической власти в растущих городах Америки. Таким образом, профессия специалиста по развитию местных сообществ “возникла прежде всего из общественных потребностей в профессии, связанной с практическим применением социальной технологии, а не по каким-либо глубоко интеллектуальным или теоретическим пропозициям относительно социальных перемен или развития” [2, с.307].

На пороге XXI в. мировое сообщество вновь переживает период преобразований, по своему воздействию на экономическое, экологическое, социальное окружение человека более глубоких, чем в эпоху индустриальной трансформации общества. Индустриальная социально-экономическая система, выработавшая свой “энергетический ресурс”, уступает место обществу, в котором информация, ее полнота и доступность становятся важнейшими факторами экономического, национального и личностного развития. Складывается принципиально новый экономический порядок, связывающий местную экономику уже не только с региональной и национальной, но и с мировой экономикой. Эти процессы являются предвестниками глубоких перемен для самых маленьких сообществ во всем мире. Наступает время, когда местные сообщества, если они хотят выжить, вынуждены будут искать свою нишу в региональной, национальной и мировой экономике на основе использования уникальных ресурсов территории. Тем из них, которые смогут воспользоваться открывающимися возможностями, складывающаяся

ситуация сулит период процветания. Для других она чревата негативными последствиями, с которыми им придется справляться.

В этом новом контексте роль специалиста по развитию, профессионала, призванного помочь людям адаптироваться к многоплановым воздействиям внешней среды, становится одной из центральных ролей в развитии общества.

Как готовят кадры развития?

Введение специальности “развитие местных сообществ” в университетскую систему образования американские авторы связывают с именем Вильяма Биддла, который в 1947 г. начал читать курс “динамика сообщества” в Эрлхэмском колледже (Ричмонд, штат Индиана).

Сегодня подобные учебные курсы читаются более чем в 80 американских университетах и колледжах. В “Справочнике: учебные и образовательные программы по развитию местных сообществ”, составленном в 1987 г. У.Робертсоном, указываются 39 высших учебных заведений, которые выдают дипломы по специальности “Развитие местных сообществ” [4]. У.Робертсон называет 52 программы, часть из которых непосредственно ориентирована на подготовку специалистов данного профиля, часть – на углубленное изучение курса “развитие местных сообществ” по смежным специальностям. Растет число вузов, осуществляющих подготовку магистров по этой специальности. В 1977 г. их было всего пять. В 1987 г. семь вузов США присваивали своим выпускникам степень магистра непосредственно по данной специальности, и 17 американских и канадских вузов – по смежным профессиям, но с углубленной подготовкой в области развития местных сообществ.

Программы подготовки магистров включают не только учебные дисциплины специализации, но и такие базовые учебные предметы, как антропология, социология, психология, экономика, география, социальная

работа (social work) и взрослое образование (adult education).

Наблюдается тенденция специализации в подготовке специалистов по развитию местных сообществ. Наиболее широкое распространение получили пять направлений специализации:

- планирование развития местных сообществ;
- экономическое развитие местных сообществ;
- проблемы города (urban affairs);
- развитие села (rural development);
- местное управление (administration).

Называются также и другие направления специализации: социальное развитие, разработка и оценка программ развития местных сообществ (program development and evaluation), организация местного сообщества (community organization), образование в местных сообществах (education), исследование местных сообществ (research), работа с молодежью, работа с пожилыми (aging), международное развитие местных сообществ (international development).

Х. Нейлор выделяет шесть основных структурных компонентов учебных планов по специальности “развитие местных сообществ” [3]:

- 1) введение в специальность (вводные курсы);
- 2) теоретические основы развития, включая социальные теории, описывающие процесс развития (изменений – changes);
- 3) процесс и программирование развития местных сообществ;
- 4) групповая динамика и групповые процессы (group dynamics and group processes);
- 5) исследование местных сообществ и статистический анализ;
- 6) профессиональная практика (field experience) или интернатура.

Вводные курсы предназначены дать общее представление о развитии сообществ в историческо-философском плане. Изучение теорий, ценностей и принципов развития рассматривается как необходимая предпосылка гуманистического осмысления развития местных сообществ и определенная профилактика от технократического вируса, который в ходе изучения конкретных дисциплин способен, “ослепив” студента очарованием графиков, таблиц, диаграмм и моделей, затушевать человеческое содержание категорий развития.

Цель второго блока дисциплин, раскрывающих теоретические основы развития, заключается в том, чтобы сформировать целостное представление о способах воздействия на развитие человека, социальное, экономическое и политическое развитие сообществ. Этот блок представляет широкий спектр интерпретаций процесса изменений развития с точки зрения различных дисциплинарных подходов. Таким образом достигается теоретическое освоение механизма планируемых изменений на уровне местного сообщества.

Третий блок (процесс и программирование развития) призван помочь студенту овладеть способами и умениями применения теории развития сообществ в конкретных ситуациях через разработку программ и проектов, обеспечивающих организацию и управление процессом развития.

Четвертый блок (групповая динамика и групповые процессы) включает и теоретические, и практические занятия с акцентом на такие вопросы, как межличностная компетентность (interpersonal competence) и поведение малых групп (small group behavior), работа малыми группами (working in small group situations), применение методов групповой работы (using group technique).

Пятый блок (исследование и статанализ) предполагает ознакомление студентов с научными методами и техникой социальных исследований, включая основные инструменты и организацию исследования на уровне

местного сообщества. Эти занятия призваны помочь студентам в планировании самостоятельных исследований.

Шестой блок (профессиональная практика или интернатура) дает возможность студентам продолжить освоение специальности в профессиональной среде, в которой они могут проверить на практике и развить профессиональные навыки и умения под руководством опытных наставников.

В целом эти шесть блоков обеспечивают подготовку студента к профессиональной деятельности, помогая ему приобрести теоретические знания, практические навыки и умения в области развития местных сообществ.

Как складывалась система поддержки развития местных сообществ?

Зарождение системы, которую американцы называют коротким словом “икстеншн” (extension), связывается с двумя событиями.

Первое событие – принятие в 1914 г. Конгрессом США Акта Смита-Левера. Этим законом предусматривалось создать в масштабах страны такую систему, при которой “в каждом сельском графстве действовал хотя бы один обученный инструктор или странствующий (intinerant) учитель, который по существу дела должен обеспечить руководство и консультирование по всем направлениям сельской деятельности – социальной, экономической и финансовой...” [5, с.15]. Речь шла о специалистах по развитию, а не об узких специалистах. Сегодня в каждом графстве работает несколько таких профессионалов, официально именуемых “агент по развитию местных сообществ”.

Второе событие, сыгравшее важную роль в соединении университетской науки с практикой развития местных сообществ, по времени почти совпало с первым. В 1915 г. состоялась первая конференция Национальной ассоциации университетской поддержки развития местных

сообществ (National University Extension Association – NUEA), на которой первый ее президент Чарльз Ван Хайз заявил, что ее **главная цель — “неформальная помощь” именно сообществам людей, а не географическим районам, территориям.**

С начала нынешнего столетия развитие местных сообществ получает признание и в качестве предмета научных исследований. Одним из первых в США печатных изданий, посвященных проблемам развития местных сообществ, была книга Фрэнка Фаррингтона, вышедшая в свет в 1915 г. Очень содержательно, хотя и необычно по современным понятиям, звучит ее пространное название: “Развитие сообщества: как сделать маленький город лучшим местом для жизни и лучшим местом для занятия бизнесом” (Community Development: Making the Small Town a Better Place to Live and a Better Place in which to Do Business). Это руководство по организации местного сообщества, в котором автор основное внимание уделяет экономическим аспектам развития местного сообщества, подчеркивая главную роль местной инициативы в этом развитии, Фаррингтон адресовал маленьким городам с населением менее 10 тысяч человек, однако его идеи оказались плодотворными и для более крупных сообществ.

С тех пор в США, как и в Западной Европе, “развитие местных сообществ” превратилась в одно из наиболее престижных направлений научной мысли. Достаточно сказать, что список авторов, на произведения которых ссылаются создатели книги “Развитие сообществ в перспективе”, занимает шесть страниц, на которых в алфавитном порядке, под 24 буквами английского алфавита из 26 приводятся сотни фамилий [2, с.387–392].

С начала 1970-х гг. эта отрасль научных исследований переживает период бурного развития, что можно объяснить как важностью проблематики развития в период перехода общества в принципиально новое состояние, так и

организационным оформлением ученых, занимающихся этими проблемами. В 1995 г. отмечали свой четвертьвековой юбилей международное Общество развития сообществ (Community Development Society), членами которого являются более тысячи ученых и практиков, и издаваемый этим обществом в США журнал "Journal of the Community Development Society". Тридцатилетний юбилей отметил профессиональный журнал под аналогичным названием "Community Development Journal", выпускаемый известным издательством "Оксфорд Юниверсити Пресс" в Великобритании.

Труды ученых в области развития местных сообществ не пылятся на книжных полках. Они попадают не только в руки студентов – будущих специалистов по развитию, но и "работают" непосредственно в местных сообществах. В США сложилась отлаженная система переработки университетских знаний в прикладные, их передачи через систему "икстеншн" конечным потребителям.

Таким образом, современная система "икстеншн" сложилась в результате развития нескольких направлений:

- 1) практическая деятельность по оказанию широкомасштабной помощи людям в адаптации к быстрым радикальным переменам в социальной, экономической, культурной, экологической среде, а значит, в образе их жизни;

- 2) подготовка кадров профессионалов с университетским образованием, способных обеспечить процесс развития на уровне местных сообществ;

- 3) формирование научного направления, призванного осмыслить происходящие в местных сообществах процессы и создать инструменты управления развитием;

- 4) развитие структур и каналов передачи научной информации в форме прикладных знаний в целях планируемого развития местных сообществ.

связи с местными сообществами, с одной стороны, и научными и учебными подразделениями университетов, с другой стороны, она не стала структурным элементом ни местных администраций, ни университетов. Система “икстеншн” сохраняет автономию, имеет свой бюджет, свою структуру, самостоятельно определяет свои стратегию и концепцию развития.

Главное действующее лицо в системе – агент по развитию местного сообщества. Он является штатным работником “икстеншн” и получает зарплату в центральном управлении этой службы, но живет и работает в определенном графстве. В своей деятельности он ориентируется на потребности местного сообщества, получая при этом научно-методическую и иную необходимую поддержку от центральных учреждений “икстеншн”.

Чем занимается специалист по развитию?

Являясь сравнительно молодой, эта профессия отличается от других тем, что не имеет жестких границ, очерченных определенной отраслью знания или производства, как, например, профессии архитектора, финансиста, географа. Ее истоки можно искать в таких сферах деятельности, как география, деловое администрирование, общественные финансы, городское планирование, политическая экономия и др*. Однако здесь нужно сделать одну существенную оговорку. Профессия, связанная с развитием местных сообществ, заимствует из этих сфер не целостную систему знаний, умений, навыков, а определенные элементы прикладного характера. В результате появляется некий гибрид, не похожий в целом ни на один из источников, но в какой-то части узнаваемый специалистами, занимающимися названными выше видами деятельности.

Профессионализм в этой сфере деятельности предполагает умение сочетать рациональное планирование с умением “продавать идею”. Одной из важнейших особенностей этой профессии является также отсутствие жестких правил и стандартов, устанавливаемых обычно в других сферах

* В данном случае термин “политическая экономия” употребляется в том смысле, какой ему придается в западной науке, – влияние политических факторов на экономику.

деятельности. Это большое преимущество профессии, поскольку дает возможность специалисту проявлять гибкость в каждой конкретной ситуации. Но есть и обратная сторона медали. Местные органы управления или другие организации, сменив табличку на двери, получают возможность назвать развитием местной экономики свою деятельность, даже если она фактически идет вразрез с интересами местного сообщества.

Э.Блейкли определяет деятельность специалиста по экономическому развитию местных сообществ (СЭР) как функцию пяти групп факторов:

- особенности местного сообщества (МС);
- особенности организации (О);
- функциональные задачи специалиста (З);
- особенности клиентуры (К);
- индивидуальная, профессиональная ориентация специалиста (ИО).

Это можно представить в виде формулы [1, с.313]

$$\text{СЭР} = f(\text{МС}_{a,b,c} \dots \text{О}_{d,e,f} \dots \text{З}_{g,h} \dots \text{К}_{o,p,r} \dots \text{ИО}_{a,t} \dots).$$

Чтобы расширить представление о том, на что ориентируется в своей деятельности специалист по развитию, дадим небольшой комментарий к этой формуле.

Местное сообщество обозначает группу людей в природной среде, имеющей географические, политические и социальные границы, с достаточно интенсивным общением людей друг с другом. Обычно выделяют четыре признака местного сообщества:

1) население/общность людей (историческая, культурная, соседская и т.д.);

2) место/территория/пространство в пределах определенных границ (географических, административных, экономических, информационных и т.д.);

3) социальное взаимодействие (соседские отношения, общие правила и нормы поведения, общие

правительство и общественные услуги, организации, взаимосвязь в производственной деятельности и т.д.);

4) чувство сообщества/психологическая идентификация с сообществом (общность ценностей, чувство принадлежности, чувство сопричастности к событиям в сообществе, чувство ответственности перед сообществом и т.д.).

Простое перечисление этих признаков без какого-либо предварительного их анализа подсказывает, что не существует двух одинаковых сообществ. Поэтому каждый раз специалист по развитию сталкивается с уникальной комбинацией факторов, которая и определяет средства и ставит границы развитию экономики местного сообщества.

Иными словами, специалист постоянно вынужден искать нестандартные подходы к решению экономических проблем, кажущихся на первый взгляд однотипными.

Особенности организации, в которой работает специалист по развитию, существенно влияют на характер его деятельности и способ поведения. Чаще всего специалист работает в муниципалитетах или организациях, создаваемых при местных органах власти. Каждая организация создается для выполнения заранее определенных задач. Какими бы четкими или туманными не были эти задачи, они ставят ограничения полномочиям и возможностям специалиста. В абсолютном большинстве случаев специалист по развитию сам не принимает решения и не наделен какой-либо административной властью. В силу этого ему необходимо как можно лучше владеть искусством “управления без власти”.

Функциональные задачи специалиста по развитию сложны и многообразны.

По объекту и содержанию деятельность специалиста можно рассматривать в двух основных аспектах.

Первый аспект касается работы специалиста с людьми, когда он выступает в роли организатора процесса общения. Эта деятельность включает организацию

людей, продажу идей, поиск и мобилизацию социальных ресурсов экономического развития.

Второй аспект связан с аналитической деятельностью специалиста, техническими методами, которые он применяет.

В функциональные задачи специалиста как организатора процесса общения входят:

- идентификация проблем местного сообщества;
- обеспечение технической и аналитической поддержки процесса разработки и реализации проектов;
- определение комбинации ресурсов, соответствующей потребностям экономического развития в конкретной ситуации;
- развитие социальных сетей и связей между людьми и организациями;
- стимулирование взаимодействия между различными группами людей для достижения общей цели.

Одновременно специалист решает технические задачи:

1) создание организаций развития, сильных и жизнеспособных, имеющих большой внутренний потенциал и прочные связи с внешними организациями местного, регионального, национального и международного уровней;

2) инвентаризация ресурсов местного сообщества, не только природных и человеческих, но и таких, как культура, управление, организация, интегрированность местного сообщества и др.;

3) выбор стратегии развития. Ценным считается умение специалиста не навязывать или “продавать” конкретную стратегию, а помочь членам местного сообщества самим выбрать стратегию;

4) маркетинг территории. Он принципиально отличается от маркетинга продукции. Конкретные продукты не меняются. Сообщества изменяются постоянно. Поэтому, каким бы конкретным делом ни занимался специалист по развитию, маркетинг остается постоянным компонентом его деятельности;

5) сбор, анализ и обновление данных. Данные, получаемые специалистом из официальных источников, чаще всего сложны для восприятия непрофессионалами. Во многих случаях эти данные не годятся для идентификации проблемы местными жителями. Поэтому перед специалистом встает задача переработать и представить сложную информацию в доступной форме.

Особенности клиентов - это тот фактор, который играет решающую роль в профессиональной деятельности и карьере специалиста по развитию. Он должен уметь работать с различными клиентами, учитывать не только их профессиональный или социальный статус, но и личностные характеристики. Его клиентами могут быть отдельные лица, коллективы. В широком плане клиентурой специалиста по развитию является все население местного сообщества. Среди них могут быть как профессионалы, так и простые люди, которые стремятся поработать на благо местного сообщества, но не имеют специальных знаний. Важно учитывать, что местные должностные лица – это те, кто предоставляют работу специалистам по развитию. И, поскольку специалист каждый раз берется за новое дело, ему приходится постоянно доказывать свою компетентность.

Индивидуальная профессиональная ориентация также накладывает отпечаток на деятельность различных людей, работающих в качестве специалиста по развитию.

В зависимости от личных предпочтений и особенностей организации специалист может выступать в различных ролях: консультанта, инициатора развития, организатора местного сообщества.

Как *консультант* специалист по развитию предоставляет точную техническую информацию, обеспечивает распространение знаний и умений, необходимых для решения проблемы в той или иной ситуации, предлагает варианты возможных решений.

Как *инициатор* экономического развития местного сообщества он выполняет роль катализатора перемен, стремится объединить людей и придать их объединению наиболее подходящую организационную форму. Он выступает не столько в роли эксперта, сколько в роли посредника между местным сообществом и бюрократическими структурами, которые могут оказать техническое содействие в реализации конкретного проекта.

Как *организатор местного сообщества* специалист выступает от имени определенной группы людей или организации, например, корпорации по развитию местного сообщества. Он пропагандирует экономическую и политическую деятельность этой организации, способствуя укреплению ее позиций.

Следует отметить, что границы между этими ролями зачастую оказываются размытыми. Специалист может начать действовать как организатор местного сообщества, а затем по мере укрепления позиций представляемой им группы (организации) сменить эту роль и действовать как консультант.

Приемлем ли этот опыт для России?

Этот вопрос постоянно возникает, когда мы обращаемся к “чужому” опыту.

Конечно, в определенной степени любой опыт, накопленный в иной исторической, социальной, культурной среде, просто необходимо пропускать через “культурный фильтр” нации – реципиента.

Тем не менее ни одно общество, особенно в переломные моменты истории, не обходилось и не может обойтись, если оно стремится к самосохранению и развитию, без определенных институтов, механизмов и технологий адаптации своих граждан к происходящим переменам в их образе жизни. При этом

адекватны именно его природе. Для тоталитарного режима главной задачей является “мобилизация масс” на выполнение уже принятых решений. Отсюда вытекает и главная функция “приводных ремней” – “довести до сознания каждого” значение уже поставленных задач. Демократической альтернативой тоталитаризму является идея “участия граждан” в принятии решений и их реализации при “опоре на собственные силы”. Выбор есть. Нужно его сделать.

Post Scriptum

Факультет управления Кубанского госуниверситета свой выбор сделал. Первые шаги на пути к созданию системы университетской поддержки развития местных сообществ были сделаны еще в первой половине девяностых годов. Эта работа продолжается, о чем вы сможете прочитать в этом и последующих выпусках журнала “Человек. Сообщество. Управление”.

Хронология

1995, февраль-июль

Изучение опыта работы системы “исктенши” в США, поездка трех преподавателей в штат Висконсин

1995, октябрь

Начало разработки программы по определению перспектив развития Красноармейского района Краснодарского края

1995, ноябрь

Всероссийская научно-практическая конференция “Региональная политика в современной России”, выступление по проблемам развития местной экономики

1996

Опубликованы: информационно-рекламный проспект

“Красноармейский район: история, экономика, жизнь”, методическое руководство по стратегическому планированию развития муниципальных образований, две статьи по теории и опыту развития местных сообществ в журналах “Вестник Московского университета” (№4) и “Человек и труд” (№9), коллективная монография “От исполнительства к стратегии развития местного сообщества”

1996, май

Участие во Всероссийской конференции по проблемам реструктуризации экономики и перехода к адресной помощи населения, организованной мэрией г.Краснодара

1996, октябрь

Создана кафедра государственного и муниципального управления; разработана программа и начато чтение учебного курса “Основы развития местного хозяйства”

1996, осень

Начато двухлетнее сотрудничество по программе TACIS EDRUS 9409 “Совершенствование государственного управления на юго-западе Российской Федерации”

1997, февраль

Подписан договор о сотрудничестве факультета управления КубГУ с мэрией г.Краснодара

1997, май

Участие в работе Всероссийской конференции “Новая Россия: межрегиональная финансово-экономическая политика”, организованной АГЮР, мэриями г.Краснодара и г.Москвы

1997, май-июнь

EDRUS 9409 пяти преподавателей факультета в Голландию и Францию

1997, сентябрь

Приезд профессора университета Висконсин/Икстеншн Т.Гейгера (США) для чтения лекций студентам отделения государственного и муниципального управления факультета; встреча с мэром г.Краснодара В.Самойленко; проведение конференции совместно с мэрией по перспективам развития межмуниципальных связей между г.Краснодаром и штатом Висконсин

1998, февраль

Визит ректора КубГУ академика В.А.Бабешко в университет Висконсин/Икстеншн, переговоры о развитии межвузовских связей в сфере поддержки местных сообществ

1998, май

Участие в подготовке и проведении первой муниципальной общевузовской научной конференции г.Краснодара "Муниципальные проблемы в исследованиях вузовской науки"; два студента отделения государственного и муниципального управления награждены премиями мэрии

1998, сентябрь

Включение факультета управления в европейскую программу TACIS EDRUS 9604 "Муниципальный менеджмент"

1998, октябрь

Проведение регионального семинара по программе TACIS EDRUS 9604 "Стратегическое развитие муниципального менеджмента", в котором участвовали семь преподавателей кафедры ГМУ

1999, январь

Подписан приказ о создании Центра университетской поддержки развития местных сообществ при факультете управления КубГУ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Blakely E. Planning Local Economic Development: Theory and Practice. Thousand Oaks, California, 1994.
2. Community Development in Perspective / Ed. by J.A.Christenson, J.W.Robinson. Second printing. Ames, Iowa, 1994.
3. Naylor H.L. Working Paper on Core Curricula in Community Development. Columbia, 1994.
4. Robertson W.E. Directory: Community Development Education and Training Programs. Columbia, 1987.
5. U.S. Congress, House. 1915. Committee on Agriculture. Cooperative Agricultural Extension Work: Report to Accompany H.R. 7951. 63rd Congress, 2nd Session, House of Representatives 110.
6. Wagner K.C. Economic Development. Manual // Univ. Press of Mississippi for the Mississippi Research and Development Center. Jackson, 1972. P.49.

Т.Т.Авдеева

ИНСТИТУТЫ И ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

Процесс становления местного самоуправления в России по сути дела означает переход от системы государственного управления к системе государственного и *муниципального* управления.

Чаще всего проблемы, связанные с этим процессом, рассматриваются в плоскости разграничения полномочий между уровнями власти – федеральной, субъектов федерации и муниципальной. Однако вопрос об управлении развитием местным сообществом гораздо глубже.

Кардинальные изменения затрагивают не только властные полномочия, внешние отношения новой местной власти, но, что более важно, всю систему отношений *внутри* местного сообщества:

- местные администрации становятся в определенной степени автономными в отношениях с государственными властными структурами;

- изменяются отношения местных администраций с населением – из простых проводников политики государства она становятся органами, ответственными за благоустройство местного сообщества (обустройство жизни местных жителей);

- возникает необходимость строительства новой системы отношений местной власти с производителями товаров и услуг, которые в большей своей части представлены нарождающимися частными предпринимательскими структурами;

- в связи с этими изменениями усиливается роль и меняется характер управленческой деятельности местных властей.

В предлагаемой статье делается акцент на изменения отношений внутри местных сообществ и предлагается некоторый опыт зарубежных стран в управлении развитием местных сообществ.

Управление территорией или управление развитием?

Обычно местное правительство, занимаясь текущими делами, думает, что построенные магазины или “введенные квадратные метры жилья” и т.д. – это и есть развитие. Практически мало кто различает “текучку” и развитие. Управление развитием требует особого подхода. Оно далеко не всегда связано с конкретными показателями, достижимыми к какому-то определенному моменту времени. В отличие от текущего управления оно является стратегическим и ориентировано из настоящего в будущее. Современное понятие “**развитие**” включает три взаимосвязанные характеристики – **изменения, рост, улучшение**, главной из которых является последняя [2, с.9–10].

Административное мышление ставит знак равенства между развитием и ростом. Однако развитие может сопровождаться не только ростом, но и уменьшением количественных показателей. Например, развитие происходит в том случае, когда в местном хозяйстве появляется вместо крупной “грязной” отрасли промышленности мелкая “чистая” отрасль, хотя общая занятость уменьшается. Развитие как рост означает такие структурные изменения, которые ведут к технологическому прогрессу, повышению качества продукции и улучшению распределения товаров и услуг.

Развитие как социальные изменения не происходит само по себе, а связано с разработкой политики определенной мировоззренческой направленности. Развитие влечет за собой разноплановые структурные изменения. Наиболее типичными из них являются:

- модификация факторов производства и сдвиги в структуре экономики;
- лучшее использование имеющихся ресурсов;
- изменение структуры и функций имеющихся институтов;
- изменение ценностных ориентаций и отношений членов местного сообщества.

Эти и другие перемены фактически означают изменение образа жизни большей или меньшей части населения. Поэтому изменения не нейтральное понятие. Изменения, улучшающие многое для некоторых, совсем не обязательно улучшают многое для всех. В связи с этим люди подходят к их оценке по-разному, в зависимости от своего места в социальной структуре, доступности для них ресурсов, своих способностей.

Развитие как улучшение означает такие социальные перемены, которые обеспечивают равные возможности более широкому кругу людей использовать общественные блага — образование, здравоохранение, жилье, участие в принятии политических решений и др.

Вот почему в современной трактовке развитие рассматривается прежде всего с позиций социального результата — улучшения качества жизни. Последнее понятие включает широкий спектр ценностных ориентаций: от улучшения питания и здоровья до обеспечения большей степени равенства возможностей, личной свободы и богатства культурной жизни.

Развитие тесно связано с понятием “жизнеспособность”, поскольку оно в конечном счете должно вести к “снижению уязвимости сообщества к внезапным изменениям в производственной технологии или рыночной среде”[4, с.6].

Цель политики развития как раз и заключается в том, чтобы повысить способности адекватно реагировать на внешние изменения, а не в том, чтобы защитить сообщество от их воздействия, что в большинстве случаев оказывается практически невозможным.

Поэтому управление развитием местного сообщества связывают с достижением местным сообществом такого уровня жизнеспособности, которое отвечает следующим критериям:

1) гибкость — способность эффективно реагировать на изменения в окружающей среде;

2) изобретательность и новаторство — способность и стремление к экспериментированию и введению новшеств;

3) инициативность — способность, желание и наличие ресурсов для принятия самостоятельных решений и их реализации;

4) диверсифицированность экономики — наличие в местной экономике хотя бы одного сектора, на который изменения в отдельной отрасли или на рынке определенного товара не оказывают сколь-либо заметного влияния [2, с.26].

Кто управляет развитием?

Ответ на этот вопрос связан с определением в первую очередь места и роли местного правительства как субъекта экономической деятельности, что

представляется довольно сложным и дискуссионным по целому ряду причин.

Во-первых, местное правительство, как и правительства других уровней, многолико. Его роль выходит далеко за рамки хозяйственной деятельности. Порой бывает трудно определить, где кончается собственно хозяйствование, а где правительство начинает действовать в ином качестве.

Во-вторых, в разных странах существуют различные варианты распределения функций общественного управления между уровнями власти. Одни и те же функции могут выполняться исключительно центральными органами, могут быть предметом совместного ведения центра и местных правительств и, наконец, могут входить в исключительную компетенцию местного правительства.

В-третьих, ряд услуг общественного характера берут на себя частные структуры или организации третьего сектора.

Этот сектор именуют по-разному: некоммерческий сектор, бесприбыльные организации, неправительственные организации и даже ассоциации сообществ. Однако суть его заключается в том, что третий сектор "образуют организации, находящиеся в собственности и управлении частных лиц, но функционирующие с целью удовлетворения общественных или социальных нужд, а не накопления частного богатства" [3, с.44]. Это главный критерий отнесения организации к третьему сектору. Поэтому, если, допустим, основной целью крупной бесприбыльной фирмы является накопление частного богатства, то она не относится к третьему сектору. Примером такой организации может служить консалтинговая фирма, созданная предпринимателями и оказывающая им же соответствующие услуги (аудит, маркетинг, обучение персонала и т.п.) безвозмездно. К третьему сектору относятся и специальные банки развития, функционирующие в местных сообществах США. Они хотя и получают прибыль, но ставят целью удовлетворение местных потребностей (строительство дорог, реконструкция центра города и

т.п.). Естественно, к третьему сектору относятся различного рода благотворительные, добровольческие организации, церковь, институты соседских общин и т.п.

Эти три сектора скорее являются партнерами, каждый из которых имеет свои сильные стороны.

Общественный сектор по своей природе лучше других справляется в таких сферах деятельности, как разработка и проведение политики развития, обеспечение справедливости, борьба с различного рода дискриминацией, поддержание стабильности в предоставлении услуг населению.

Предпринимательский сектор лучше справляется с экономическими и инновационными задачами, легче адаптируется к быстрым переменам и отказывается от устаревших форм и способов деятельности, эффективнее решает технические задачи.

Третий сектор имеет наибольший потенциал в решении задач, не связанных с извлечением какой-либо значительной прибыли, но требует от тех, кто занимается ими, проявления сострадания и личностного внимания к конкретным людям, а со стороны получающих помощь и поддержку – максимального доверия к тем, кто ее оказывает. Это такие сферы деятельности, как услуги людям с физическими недостатками, уход за детьми или больными, семейное консультирование и другие сферы, где соблюдение принципов морали и личная ответственность за свое поведение являются главными условиями успешного решения задачи [3, с.45–46].

В 1970–1990-х гг. во многих странах проявилась тенденция к развитию партнерских отношений между местными правительствами и частным сектором. И как правило, она проявлялась тем сильнее, чем меньше государство субсидировало развитие городов, особенно в периоды кризисов и финансовых затруднений. В результате большинство местных органов управления вступили в 1990-е гг., имея значительный предпринимательский опыт. В сущности города

изменили свою традиционную роль, отказавшись от управления и регулирования “сверху” и заняв позиции инвесторов-партнеров [1, с.54].

Как управляют развитием?

Остановимся подробнее на деятельности тех институтов местного сообщества, которые стимулируют развитие в нем делового климата, привлекают капитал, способствуют активизации предпринимательства, удерживают расходуемые населением деньги в данной местности.

Земельная политика местного самоуправления, создание привлекательного образа местного сообщества с целью привлечения покупателей из других регионов, использование “представительских характеристик” территории в условиях мировой конкуренции за привлечение выгодных инвесторов, местоположение корпораций – это те основные направления, на которых сосредоточиваются усилия местных правительств в интересах развития местных сообществ.

Каждый из используемых инструментов выступает как средство достижения определенной стратегической цели.

Достижение этих целей может быть осуществлено с помощью использования ряда взаимосвязанных инструментов (см. таблицу) [1, с.156].

Передел муниципального земельного фонда

Местные организации по развитию используют этот инструмент в муниципальном управлении для обеспечения комфортности проживания населения, с одной стороны, и улучшения условий предпринимательства – с другой. Нельзя забывать, что земля – один из четырех ключевых факторов производства наряду с трудом, капиталом и предпринимательской способностью. Земля – естественный ограниченный ресурс, поэтому исключительную важность приобретает организация движения

Инструменты и цели развития местного сообщества

Инструменты	Цели развития		
	Создание имиджа местного сообщества	Улучшение удобств и повышение комфортности проживания местного населения	Улучшение условий для предпринимательской деятельности
Передел муниципального земельного фонда		X	X
Развитие инфраструктуры		X	X
Резервирование муниципальных зданий			X
Стимулирующее зонирование		X	X
Совершенствование правил	X		X
Планирование развития туризма	X	X	X
Формирование городского ландшафта	X	X	X
Поддержание деловой активности в торговых зонах	X		X
Улучшение облика соседских общин через жилищное строительство	X	X	
Расширение и повышение качества услуг, предоставляемых населению в местном сообществе	X	X	X

земельного фонда для успешного функционирования рынка недвижимости как важнейшей составляющей местного рынка капитала. Передел муниципального земельного фонда – один из инструментов его организации.

Передел муниципального земельного фонда в местном сообществе – это деятельность, связанная с приобретением свободных земель, а чаще с их перераспределением или передачей в аренду тем или иным предпринимателям.

Например, несколько свободных участков земли могут быть при необходимости объединены, чтобы удовлетворить запрос предпринимателей в открытии нового дела или в развитии новых рынков. Во многих городах широко используется аренда. Так, в аренду может быть сдана земля, приобретенная в результате расширения улиц, или земля, расположенная под автомагистралями, ведущими к новым предприятиям.

Неиспользуемые здания не способствуют поддержанию хорошего имиджа города. Вполне очевидно, какое впечатление у людей вызывает неприглядный и унылый вид пустующих или заброшенных помещений. Поэтому местные власти стремятся использовать каждое пустующее помещение. Например, свободные складские помещения используют, прежде чем их снесут, как спортивную площадку для катания на роликах или коньках.

Передел муниципального земельного фонда как инструмент развития используется в тех местных сообществах, где количество свободной земли, требующейся для создания новых предприятий, ограничено. Это, как правило, сложившиеся, старые местные сообщества. Но и в молодых сообществах, где земля еще используется не полностью, необходимо отвести в удобном месте площадки для будущего развития. Муниципальный земельный фонд пополняется за счет участков, полученных в дар или через конфискацию, а также путем покупки у частных владельцев (это могут быть самые необычные объекты – от загонов для скота до бывших военных объектов).

Для создания муниципального земельного фонда проводится инвентаризация имеющихся земельных участков с учетом различных категорий собственников, с тем, чтобы выявить неэффективно используемые земли, учесть их размер, местоположение и внести в каталог, а также в компьютерную базу данных с целью быстрого поиска и определения.

Земельные трасты. Другим инструментом управления землепользованием в местном сообществе может быть земельный траст. Его используют как средство контроля за естественными ресурсами. Земельные трасты – это некоммерческие организации, в состав руководства которыми входят: профессионалы (специалисты по планированию, архитекторы, финансисты, брокеры по недвижимости), представители местных деловых кругов, общественные деятели и активисты.

Основные направления деятельности трастов местных сообществ:

- приобретение пустующих домов с помощью займа или передачи собственности на них на условиях дарения, или повторной передачи прав на недвижимость; эта практика применяется в сообществах, отличающихся слабой экономической активностью и испытывающих дефицит капиталовложений;

- выявление семей с низкими или средними доходами и оказание им помощи в приобретении собственности. Траст продает дом, сохраняя собственность на землю, и сдает ее на условиях аренды (надо учесть, что существует четкое разграничение права собственности на землю и на строение на земле). Передача земли на условиях аренды позволяет ограничить цену собственности на дом при продаже. При этом может быть определена фиксированная доля, которую семьи вносят как первоначальный взнос. Одновременно семье может быть предоставлена ссуда под залог организациями, действующими на уровне штата и финансирующими жилищные программы;

– покупка фермерских земель и повторная сдача их в аренду тем фермерам, которые испытывают затруднения, при условии, что они будут продолжать заниматься на этой земле сельскохозяйственным производством.

Вполне очевидно, что использование описанных инструментов на рынке недвижимости в местных сообществах требует значительных вложений капитала. Поэтому местные организации развития, как правило, используют не один, а несколько источников финансирования для приобретения земли. Это могут быть средства национальных программ или программ штата, или местных программ по капиталовложениям, или средства местных фондов, учреждаемых в соответствии с законом США о реинвестировании и др. Однако при ограниченности этих источников могут использоваться средства, позволяющие контролировать движение земельных участков путем покупки опциона и последующей его продажи подходящему инвестору.

Развитие инфраструктуры

Земля или здания как объекты недвижимости пользуются большим спросом на рынке недвижимости, если имеют подготовленную инфраструктуру. К ней обычно относят системы водоснабжения и канализаций, освещение, подъездные дороги, тротуары и т.д.

Наличие необходимых коммуникаций стимулирует деловую активность в данной местности, так как для предпринимателя это означает сокращение расходов времени и денежных средств, связанных с предварительной подготовкой и обустройством приобретенного участка земли или здания.

Не случайно поэтому во многих городах проводится инвентаризация земельных участков и зданий, составляется их опись вместе с полной характеристикой инфраструктуры. Эта маркетинговая работа местного сообщества нацелена на привлечение инвесторов, как новых, так и тех, кто уже

имеет свое дело и намерен его расширять в дальнейшем. Однако при этом речь идет о привлечении таких предприятий, которые в наибольшей мере соответствуют ресурсному потенциалу данного местного сообщества.

Наличие хорошей инфраструктуры способствует более быстрому протеканию процессов реструктуризации экономики, ее реабилитации и возрождению. Существует множество примеров того, как города, используя свои старые ресурсы, придают улицам новый облик. Заводские площади используются под жилье, офисы, художественные студии, рестораны и аллеи с магазинами. Даже вокзалы могут стать музеями!

Примером столь интересного перевоплощения служит известный во всем мире музей современного искусства в Париже — Д'Орсэ. Здание было построено на месте суда, разрушенного Парижской Коммуной, как вокзал в 1900 г. архитектором Виктором Лалу по заказу Компании железных дорог. Его открыли к моменту проведения Всемирной выставки. Здание вмещало 16 платформ, рестораны и уютный отель на 400 номеров. К 1936 г. огромный вокзал был полностью заброшен. Только в 1973 г. президент Франции Ж.Помпиду объявил вокзал национальным памятником и решил создать музей, какого еще не было в Париже, — музей, способный вместить полвека искусства: со времен Второй Империи до начала кубизма. Здание музея стало идеальным соединительным звеном между Лувром — храмом классического искусства и Центром Помпиду — храмом современного искусства.

В ряде городов мира была разработана политика преобразования старой индустриальной инфраструктуры в новых целях. При этом использовались различные налоговые льготы от пяти и более лет (например, в США) на капиталовложения в реструктуризацию инфраструктуры, предоставляемые как на национальном, так и на региональном или местном уровнях.

Резервирование муниципальных зданий

Этот инструмент также служит для привлечения инвесторов. Для этого местные сообщества

предоставляют здания-стены (“скорлупу”), внутренняя часть которых остается необорудованной до тех пор, пока не найдется арендатор. Использование этого инструмента органично увязано с применением двух предыдущих. Местное сообщество предоставляет рабочее пространство, что является ключевым моментом в принятии потенциальным предпринимателем решения о выборе местоположения предприятия.

Этот инструмент эффективно действует в тех сообществах, где пространство ограничивает возможности расширения предпринимательской деятельности, но есть такие преимущества, как подготовленная рабочая сила, транспорт, развитая система общественных услуг, включая коммунальные услуги, безопасность, пожарную охрану.

Один из известных способов создания резерва муниципальных зданий – это строительство складов (или оказание местными органами управления помощи в их строительстве) с обеспечением водой и электроэнергией. Эти помещения часто используются под бизнес-инкубаторы или ремонтные мастерские. Бизнес-инкубаторы в последние годы во многих странах стали наиболее популярной формой оказания поддержки в развитии мелкого и среднего предпринимательства в местных сообществах. Дополняя двуединую функцию производственной, снабженческо-сбытовой инфраструктуры и образовательного и консультативного центра, они действительно эффективно способствуют развитию самых разнообразных видов мелкого предпринимательства, а также самозанятости.

Правила зонирования

Политика зонирования – самостоятельное средство стимулирования экономического развития. Во многих странах в практике регулирования городского развития широко используются четко определенные правила и местные нормы зонирования. Обычно они содержат ограничения относительно пределов высоты или плотности застройки

земельных участков. Однако, как отмечают авторы современных исследований, нормы, однажды установленные в целях ограничения частного права публичным интересом, все-таки не обеспечивают гибкости зонирования. Возникает необходимость их изменения. В этих целях используют следующие методы:

- стимулирующее зонирование;
- перекрывающее, или плавающее, зонирование;
- образование специальных дистриктов (районов).

Эти методы взаимосвязаны между собой и могут дополнять друг друга. Учитывая, что правила зонирования полностью находятся в компетенции местных органов власти, местные руководители и должностные лица имеют возможность оказывать серьезное влияние на пространственное планирование территории населенного пункта.

Стимулирующее зонирование используется в тех случаях, когда правила, ограничивающие высоту или габариты зданий, препятствуют реализации новых проектов, имеющих высокую общественную значимость. Примером может служить премиальное зонирование. Застройщикам разрешается увеличение площади или плотности застройки, превышающее допустимые нормы, если это приносит общественную выгоду, например, открывается доступ к средствам общественного городского транспорта, увеличивается свободное пространство и т.д.

Перекрывающее (или плавающее) зонирование ослабляет недостатки традиционного зонирования, устанавливающие жесткие правила для участков земли особого использования. Плавающие зоны способствуют более динамичным процессам пространственного развития местных сообществ. Они модифицируют существующие условия и правила землепользования, допуская определенные исключения по плотности застроек или других правил зонирования в установленных пространственных границах внутри зоны. Примером могут служить исторические жилые

районы городов, в которых могут быть размещены современные офисы, банки, магазины, ресторанчики, не нарушающие стиль старого центра. Это способствует более эффективной работе рынка: производители размещают оборудование там, где существует спрос, а не там, куда его думают поместить плановики. И наконец, в развивающихся районах описанный метод способствует увеличению поступлений средств, необходимых для финансирования развития, не прибегая к увеличению налогов с населения.

Образование специальных дистриктов (районов).

Примером использования этого метода служит образование в центре Чикаго в 1988 г. производственного дистрикта с целью сохранения в пределах города связанных с производством различных сфер деятельности. Стимулы в этой зоне имели целью привлечение различных производителей и ограничивали строительство жилья, школ и других учреждений, не соответствующих профилю района.

Упрощение процедур и правил

Серьезные препятствия для развития возникают в случаях длительных оформительских процедур, связанных с получением разрешения на строительство или открытие дела. Для того чтобы увидеть, как разрешительные процедуры влияют на развитие предпринимательства, применяется метод самооценки, когда должностному лицу из местных органов управления поручается побывать в роли предпринимателя. При этом ему необходимо пройти через типичную рутину получения разрешения или исполнения какого-либо решения. Это позволяет лучше понять любые изъятия, связанные с получением одобрения, причины затяжек и проволочек в решении вопросов или испытать на себе негативное отношение тех, от кого зависят многие процедуры согласований. В результате оценки ситуации местное сообщество меняет свои правила и упрощает процесс получения одобрения.

В последнее время во многих местных сообществах создаются межведомственные группы специалистов, конторы, помогающие клиентам в получении разрешений, или комитеты развития, занимающиеся в том числе и анализом возможных отрицательных последствий и неопределенности, связанных с оформительскими процедурами.

Планирование развития туризма

Развитие туризма, особенно в небольших городах, считается важнейшим средством формирования спроса на товары местного производства через привлечение новых покупателей, а следовательно, средством поддержки местной торговли, а также потенциальных инвесторов. Поэтому многие небольшие города занимаются туристической рекламой и пропагандируют свои преимущества и ресурсы в приоритетных направлениях развития. Для этого создаются туристские центры или комитеты по развитию туризма в местном сообществе, разрабатывается специальная программа, проводятся различного рода организационные мероприятия по улучшению внешнего вида города и подготовке соответствующих условий для приема туристов. Однако развитие туризма не должно сопровождаться ухудшением условий жизни для местных жителей. Поэтому в поле зрения местных руководителей должна быть подготовительная работа, связанная с организацией перемещения туристов в городской среде. Часто возникают проблемы определения открытых и закрытых для посещения туристами мест. Например, участок пляжа или спортивные объекты (бассейны, стадионы и др.), воспринимаемые местными жителями как места их пользования или общения, могут быть закрыты для посещения туристами. В этом случае необходимо ограничить доступ туристов в такие районы, расставляя указатели, информационные щиты. Эти простые средства помогут управлять потоком туристов по хорошо обозначенным маршрутам. В некоторых местных

сообществах используют специально окрашенные знаки, позволяющие туристам определить нужное направление. Это дает возможность избежать перегрузки в движении на местных дорогах.

Существует множество примеров, когда небольшие города смогли с помощью туризма привлечь к себе внимание внешних инвесторов и преодолеть кризисные ситуации.

Формирование городского ландшафта

Формирование привлекательного городского пейзажа считается важным фактором развития не только с точки зрения привлечения средств туристов. Хотя спрос со стороны туристов поддерживает местный рынок, тем не менее он часто носит непостоянный, циклический характер. Поэтому местные сообщества уделяют внимание оформлению своих центральных улиц и площадей с тем, чтобы поддерживать в них постоянную коммерческую активность.

Как правило, местные сообщества разрабатывают специальные программы типа “Программа развития центральной улицы”. Они направлены на формирование определенного стиля, отражающего либо историческое прошлое, либо характер и самобытность местного сообщества. Как показал опыт развития небольших городов, создание привлекательного городского пейзажа способствовало привлечению туристов, активизации деловых визитов и встреч. Сохранив, например, сельский стиль или характер небольшого города, но улучшив свой внешний вид, они добились повышения деловой активности.

Обновление и реконструкция магазинов

Обновление и реконструкция магазинов используется как один из новых способов поддержания деловой активности в торговых зонах и оздоровления экономики местного сообщества. Его применение дает хорошие результаты и оправдывается в двух случаях:

во-первых, когда муниципалитет имеет в достаточном количестве свободную площадь, пустующие здания и располагает потенциалом для оздоровления экономики. Это означает, что в районах развития четко определяется потенциальный рынок товаров и услуг. Обычно это территории, где по каким-либо причинам происходят изменения в составе населения. Например, когда новые семьи переселяются в старый район и приобретают или восстанавливают старое жилье;

во-вторых, когда удастся найти и привлечь тех людей, которые имеют средства и желание участвовать в подобных проектах. Есть определенные требования к проектам оздоровления. К ним относят: подтверждение о наличии собственного капитала, подробные технические характеристики проекта реконструкции собственности, соблюдение всех условий по реконструкции, подтверждение обязательств по финансированию. После процедуры обоснования проекта новые владельцы должны начать практическую его реализацию. Через несколько месяцев здание должно иметь вид, соответствующий местным правилам строительства. Через год владельцы должны закончить реконструкцию. Если они этого не сделают, то собственность возвращается городу. В случае осуществления проекта в соответствии с предъявляемыми требованиями владельцы через год должны начать свой бизнес и продолжать его по крайней мере в течение двух лет, прежде чем он будет продан.

Обновление и реконструкция магазинов города имеет целью как сохранение старого бизнеса, так и привлечение нового. Для деловых людей наибольшая выгода заключается в том, что они приобретают собственность по низкой цене или получают здание в бесплатную аренду.

Для города поддержка предпринимательства в сфере торговли одновременно рассматривается как модель более рационального землепользования в коммерческих окраинных районах, как средство стимулирования

частных инвестиций в модернизацию зданий в данных кварталах. Однако, прежде чем начать данную программу, местные органы управления вместе с группами представителей местного сообщества должны изучить возможные альтернативы, сопоставив расходы на обновление и реконструкцию магазинов в сравнении с другими проектами.

Создание облика соседских общин через жилищное строительство

Жилье – это один из ключевых ресурсов развития экономики, хотя редко кто видит его в этой роли. Можно выделить два аспекта во взаимодействии экономика – жилье. Первый связан с решением проблемы обеспечения жильем различных групп населения, второй – с предоставлением услуг, начиная с заботы о детях и заканчивая такими удобствами, как наличие плавательных бассейнов и т.д. Традиционный подход предполагает ожидание определенных действий со стороны властей по решению этих проблем. Однако все больше местные сообщества осознают, что наличие качественного жилья и услуг, предоставляемых домашним хозяйствам, влияет на деловой климат, что способствует развитию местной экономики. Те, кто пришли к подобным “открытиям” раньше, стали развивать жилищное строительство. В США, например, насчитывается свыше 1000 некоммерческих корпораций по развитию жилья, которые строят или реконструируют жилье, предназначенное для продажи и аренды.

Развитие жилищного строительства может стать достаточно недорогим, когда местное сообщество разумно подходит к приобретению земли. Покупая или продавая землю, местные органы управления ставят себя в положение собственников, приглашающих высококлассных проектировщиков для строительства разнообразного жилья.

США относятся к группе тех стран, которые проводят жилищную строительную политику на основе

рыночных принципов регулирования землепользования. Вторая группа стран, в первую очередь европейские страны, осуществляют политику регулирования рынка жилья на основе более жестких административных правил, регламентирующих отношения в цепочке собственник участка – застройщик – владелец жилья на основе ипотеки. Однако независимо от того, как складывались исторически нормы строительного права, регулирующего предложение жилья, они продвигались в одном направлении – улучшение качества жилья.

Услуги, предоставляемые в местном сообществе

Местные органы управления предоставляют широкий круг услуг местному населению – от услуг домашним хозяйствам до услуг коммерческого характера. Это могут быть услуги по организации стоянок автомобилей, реализации проектов летнего отдыха молодежи, написанию истории местного сообщества, содержанию музеев и художественных галерей. Такие услуги часто связаны с большими расходами. Но существуют различные способы их сокращения, а также превращения в источники зарабатывания средств. Например, центры по туризму могут быть переданы в субаренду предпринимателям, которые руководят ими, сочетая с магазинами подарков и информационными центрами.

Услуги, предоставляемые местным правительством домашним хозяйствам, могут также стать сферой его предпринимательской деятельности. Местные органы управления могут, например, через арендные соглашения с частными структурами строить и обеспечивать работу рекреационных и спортивных сооружений, с помощью контрактной системы предоставлять услуги отдельным домашним хозяйствам и местному сообществу в целом.

Описанные современные подходы, которые применяют местные сообщества в управлении развитием, могут быть ограничены только воображением. Традиционная

ресурсов, действуя в соответствии с выбранной стратегией развития

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Blakely E. Planning Local Economic Development: Theory and Practice. Thousand Oaks, California, 1994.
2. Community Development in Perspective / Ed. by J.A.Christenson, J.W.Robinson. Second printing. Ames, Iowa, 1994.
3. Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector. N.Y., 1993.
4. Shaffer R. Community Economics // Economic Structure and Change in Smaller Communities. Ames, Iowa. 1994.

Т.М.Говоренкова

ГОРОДСКАЯ ВЛАСТЬ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В дореволюционной России в канун 1917 г. существовало 24 закона по городскому управлению. Около 50% городов управлялось по Городовому положению 1892 г., определяющему наличие самоуправлений. В этих городах функционировало одновременно два органа власти: Государственное полицейское управление и Городское общественное управление. Первый орган действовал от имени государства, второй – от имени городского общества и был предписан к исполнению интересов этого общества, а не отдельных частных лиц. Власть общественного управления называлась публичной.

Такая двойственность в общей эволюции государственного устройства России имела как минимум два основания. Во-первых, любой город – это часть государства, поэтому на его территории всегда возможны интересы государства, необходимые к исполнению. Во-вторых, общественное управление на начальных этапах его введения в России имело дело с обществом незрелым в гражданском отношении, не

располагающим навыками и умениями и соответствующими специалистами для разрешения вопросов собственной жизни, и к тому же малодостаточным и неустойчивым в финансовом отношении. Потому наряду с исполнением непосредственных государственных интересов на территориях городов государство было вынуждено принять на себя функции своеобразной поддержки и воспитания введенных самоуправлений в сменяющихся формах опеки, надзора и контроля. Опека на первых стадиях введения самоуправлений предполагала прямое руководство и направление самоуправлений, по мере их созревания опека сменялась надзором, предполагающим опережающую проверку всех действий самоуправления и утверждение всех решений. С установлением финансовой устойчивости и гражданского общественного сознания в эволюции тех стран, где самоуправления возникли после длительного централизма, надзор должен был смениться контролем, исключающим вмешательство в содержание или оценку решений и действий.

Таким образом структура власти в городах ставилась в прямую зависимость от богатства и гражданской зрелости населения, она сдерживала опасные опережения самостоятельности при малой готовности к ней населения и отставании хозяйственного развития. Механизмом сдерживания становилось наличие двух органов власти: управления и самоуправления.

Орган государственного управления входил в жесткую полицейскую вертикаль, венчаемую Министерством внутренних дел России, ответственным за благоустройство жизни на территории страны.

В зависимости от важности государственных интересов на территории города полицейские подразделения дифференцировались по уровням. В столицах, Москве и Петербурге, Варшаве, Одессе и временно в портовых городах учреждались градоначальства во главе с генерал-

губернаторами, непосредственно подчинявшимися Министру внутренних дел. Города губернские, уездные и заштатные возглавлялись чинами пониже, типа городничего, которые подчинялись губернаторам и уездным комиссариатам.

Для выполнения этой работы создавались специальные аппараты. Наиболее крупные полицейские системы имели собственные печатные органы. Характер полицейских органов и ответственность их перед вышестоящими объясняет, почему основным способом формирования полицейских служб стало их назначение сверху.

Второй орган Городского общественного управления имел двучастную структуру и состоял из представительной Думы и профессиональной исполнительной управы.

Представительная Дума избиралась населением для формирования своеобразного заказа на деятельность самоуправления и состояла из гласных, т.е. имеющих голос при обсуждении городских проблем и их приоритетов. Депутаты же избирались в городах, не имеющих самоуправления, и имели ограниченное право совещательного характера.

Здесь следует отметить особенности избирательного права России, которое до 1917 г. не было прямым, всеобщим и равным. Как и само введение самоуправлений и их развитие, оно следовало развитию общественного сознания. На начальных стадиях выбор предоставлялся лишь налогоплательщикам. Это объяснялось тем, что заниматься распределением городских средств может лишь тот, кто вложил в них свою долю. Так действовала прусская куриальная система, на тех же основаниях работали последующие цензовые. Пассивное избирательное право жестко ограничивалось цензом оседлости, поскольку считалось, что нужды и проблемы города могут быть доступны лишь коренному жителю. Голос гласных, таким образом, имел свои особенности, ограничивалось его приобретение как люмпенизированными слоями, так и малоимущей интеллигенцией. Но важно, что это был все-таки голос, а не просительная депутация.

Из своего состава гласные выбирали городского голову, первое лицо общественного управления, и товарища городского головы, его заместителя. В их обязанности входило проведение заседаний Думы и другие обязанности, которые будут упомянуты далее.

Гласные формировали подготовительные комиссии, постоянные, временные или чрезвычайные, причем каждый гласный участвовал в нескольких комиссиях. Само их название говорит о том, что основная задача работы комиссий сводилась к сбору материалов и представлению на заседаниях Думы городских проблем. Решение по этим проблемам и тем более их реализация в функции гласных не входили. Причины того заключались в непрофессионализме и временности корпуса гласных, избираемых на 4 года. И то и другое вовсе не рассматривалось как недостатки. Непрофессионализм придавал мнению гласных характер запроса непосредственных потребителей городских услуг и мероприятий, лишенного неизбежного искажения, вносимого оценками специалистов. Временность служила относительной гарантией от коррумпированности и, кроме того, сохраняла престиж наиболее почетных горожан. Однако при таком составе Думы необходимы были профессиональные программы и специальное исполнение для заявленных ею проблем.

Исполнительная управа, подчиненная Думе, имела многоуровневую собственную структуру. Ее верхний ярус представлял особый орган, именуемый управой и состоящий из председателя и членов управы (в Москве с населением 1,2 млн жителей было 8–9 специалистов). Этот орган взаимодействовал с Думой и принимал коллегиально основные профессиональные и технические решения, обосновывая их целесообразность и осуществимость или аргументированно оспаривая предложения и запросы Думы. Члены управы избирались гласными на тот же срок, составляющий 4 года. При их избрании пассивное избирательное право разрешало пренебречь цензом

оседлости или состояния. Главными являлись квалификационные характеристики.

Избранные члены управы становились руководителями уровня департаментов, деливших в случае необходимости на столы и экспедиции. При департаментах существовали специализированные советы по вопросам департамента (Врачебный, Училищный, Попечительский, Санитарно-технический, Строительный и т.п.). Департаментам подчинялись особые участковые управления, своего рода районы, в основе создания которых лежал принцип хозяйственной целесообразности. У каждого департамента он был свой, и потому ни число участковых управлений, ни их границы у разных департаментов не совпадали. В Москве было 17 типов таких районов, при числе районов от 2 до 33. Департаментам, столам и экспедициям подчинялись городские предприятия (водопровод, канализация, городские железные дороги, газовый завод, бойни, механические прачечные и т.д.). Практически ниже коллегиального органа управы лежал слой городских служащих по найму. Управа оплачивала их работу, предоставляла жильё, обеспечивала пенсиями, для чего в статье расходов города выделялась соответствующая статья.

Разделение дел по департаментам существенно отличалось от советских отраслевых традиций. Предпочтительны были установки на конечный целевой результат. Иногда объединяющим служило наличие общей собственности или характер ее эксплуатации. Впрочем, это обстоятельство требует подробного изложения.

Иначе говоря, управа представляла собой развитый хозяйственный орган, тогда как Дума являлась органом, формирующим правила и программы его функционирования и приоритеты деятельности в условиях всегда ограниченных ресурсов. Результат достигался только совместным действием, что требовало организации объединения.

48 Объединяющая роль предписана была городскому

голове, который являлся общим руководителем обоих подразделений, тогда как председатель управы выполнял функции его профессионального заместителя.

Таким образом, Городское общественное управление выступало как единая организация, однако на территории действовало еще и государственное управление. Интересы государства и городского общества требовали согласования. И здесь вновь решающая роль принадлежала городскому голове. Будучи избранным из состава гласных первым лицом самоуправления города, он, единственный из избранных, требовал утверждения МВД (в ряде стран подобное лицо приносит присягу государству). Утверждение превращало его в государственного служащего с соответствующей ответственностью. В такой ситуации согласование и корректировки взаимоотношении между управлением и самоуправлением превращались во внутриведомственную задачу и разрешались особым законодательством. В России в период 1892–1917 гг. полицейский чин получал право приостановления решений самоуправления и даже право “вето”, городской голова имел возможность опротестовать действия полицейского органа в МВД. Именно через него государство передавало обязанности на исполнение управой и получало возможность контролировать исполнение. Ситуация в условиях предписанного полицейского надзора не была симметричной для самоуправления, но вполне определенной в правовом отношении.

Таким образом, российское прошлое определяет демонстрацию системы, в которой дифференцированное государственное управление и общее для всех городов самоуправление объединены в единую целостность — небезупречную, может быть, в отношении демократии или иных высоких идеалов, но вполне непротиворечивую в отношении реального состояния государства и общества. Главную роль в этом объединении играл городской голова, избранный гласными как представителями городского общества,

утвержденный МВД в качестве государственного служащего, имеющий двух заместителей (избранного населением и профессионального советника, избранного гласными), координирующий хозяйственную деятельность и исполнение общественных интересов на территории и согласующий их с государственными интересами. Такая вот странная фигура, объединяющая в себе роли государственного служащего, муниципального служащего и избранника народа.

Современная ситуация также далека от совершенства. В Законе “Об основах местного самоуправления” этим термином обозначен исключительно представительный орган и фигура мэра как главы местной администрации. Исполнительный орган, необходимый для деятельности априори непрофессионального корпуса депутатов, нигде не определен. Отношения с администрацией не описаны, для самоуправления она как будто либо не существенна, либо не существует. В тексте закона целью определено народовластие. Властие чьё, над чем и зачем?

Самоуправление производится не от общества и его интересов, а от административной населенной территории, именуемой муниципальным образованием. К самоуправлению не предъявляется никаких требований ни по количеству населения, ни даже по отсутствию муниципальной собственности, которая только и радуется по тексту Закона. “Счастья всем поровну, чтоб никому не было обидно” – как у Стругацких в “Пикнике на обочине”. Но у Стругацких за “Пикником” последовал “Сталкер”: а не опасно ли все и всем поровну?

З.И.Рябикина

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ И “ЛИЧНОСТНОСТИ” В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Проблема сущности природы человека и его поведения традиционно предстает как важнейшая, волнующая не только исследователей, “натирающих мозоли” в различных областях научного знания, но и обывателей, размышляющих за чашкой чая о том, что движет человеком в совершении некоторых поступков или, напротив, отвращает от них. В который раз с ироничным вздохом можно повторить трюизм: “Ничего нет надежнее хорошей проблемы”. И в этом смысле проблема личности нас никогда не подведет.

Теоретическое осмысление, в котором, отвлекаясь от частных, мыслители пытались создать абстрактный конструкт, претендующий на объяснение появления, развития и функционирования личности (personality), привело к возникновению множества концептуальных схем или теорий личности. Отношения между ними зачастую характеризуются конфликтностью, противостоянием и даже взаимоотрицанием. Многие концепции своим появлением иллюстрируют известный философский закон “отрицание отрицания”. Их появление питали скепсис по отношению к достижениям предшественников и энергия разрушения. Внутренняя (почти партийная) непримиримость придала многим теоретическим текстам, посвященным проблеме личности, несвойственную научному изложению страстность.

Если обратиться к наиболее известным именам в области персонологии, мы увидим сколь неоднозначны содержание понятия “личность” и тот контекст, в котором оно употребляется именитыми авторами. К.Роджерс описывал личность как

организованную, субъективно воспринимаемую сущность (Self), которая является ядром эмоционального опыта человека. Г.Олпорт видел в личности внутреннее “нечто”, определяющее сущность взаимодействия человека с окружающим миром. Для Э.Эриксона личность является функцией результата пережитых ею жизненных кризисов. Дж.Келли рассматривал личность как уникальный путь индивидуума в “извлечении смысла из жизненного опыта”. А. Бандура определял личность как модель, в которой человек, поведение и ситуация непрерывно влияют друг на друга. Отечественные психологи акцентировали внимание на общественно-исторической, деятельностной природе личности.

Особая пристрастность, свойственная оппонентам, отстаивающим в дискуссии свое понимание проблем личности, связана, пожалуй, и с тем, что транслируемый теоретический подход предполагает готовность дискуссанта (впрочем, не всегда вполне осознанную) интерпретировать в его контексте свою собственную личность. Несогласие с другими теоретическими концепциями может свидетельствовать о стремлении защититься от интерпретации своего поведения под задаваемым этими концепциями углом зрения. Звучит неслышимый внутренний голос: “Я не люблю психоанализ, так как он оскорбляет мои возвышенные чувства. Я не приемлю когнитивизм, так как он низводит меня до бесчувственной счетной машины. Я не терплю бихевиоризм, так как он уподобляет меня белой крысе, уворачивающейся от электрического удара” и т.д. В этом смысле личностные теории очень личностны. Они затрагивают самую сердцевину нашего Образа-Я.

Одна из ключевых проблем при рассмотрении личности – проблема отношения “человек – общество”. История ее научного рассмотрения продолжительна и противоречива. В психологических концепциях личности это – движение от фрейдизма, с его темой неизбежного, неизживаемого конфликта названных явлений, к последователям З.Фрейда, не настаивавшим на неизбежности конфликта и рассматривавшим это от-

ношение в более конструктивных версиях (А.Адлер, Э.Фромм, К.Хорни, Г.Салливен и др.), и затем – к гуманистической, экзистенциальной психологии с их ценностной ориентированностью на человека, ищущего смысл жизни и обретающего его в страстном стремлении к самореализации.

На развитии психологических идей в России в полной мере сказалось противостояние идеологий: человек – автор и субъект собственного, аутентичного его природе бытия либо “производное общественных отношений”.

Н.Бердяев указывал, что “русская философия... всегда склонялась к экзистенциальному типу философствования”. “Весь мир ничто по сравнению с человеческой личностью”, – писал философ, поддерживая эту традицию [2, с.450]. Но философско-методологические основания, свойственные отечественной науке советского периода, обусловили приоритет второй посылки, отразившей принцип главенства всеобщего по отношению к единичному, т.е. безусловный приоритет общества по отношению к отдельному человеку.

Если рассмотреть несколько более подробно пережитии советской и постсоветской истории становления взглядов на личность в психологии, можно выделить три основных этапа.

Начальный этап, который был ознаменован победой определенной идеологии в 1917 г., можно охарактеризовать как этап утверждения диалектико-материалистической философии в качестве определяющего методологического направления в науке. Конечно, материалистическая ориентация отечественной психологии объяснялась не только идеологическим диктатом, но и достигнутыми к тому моменту реальными успехами, привлекательностью, мировым авторитетом русской физиологической школы, с характерными для нее материалистическими традициями.

Как следствие окончательной и неоспоримой победы материализма над идеализмом, психика и все феномены, относимые к этому пространству явлений, по причине

их нематериальности, представляли как вторичные, как следствие “свойства мозга отражать”, и в этом усматривался их сущностный признак.

А.В.Петровский, анализируя отношение между предметным полем психологии и содержанием понятия “личность” на этом этапе, интерпретировал его как двойную редукцию в рассмотрении личности и ее развития в сложившейся психологической парадигме: сведение развития личности к развитию психики и сведение последней к развитию познавательных процессов [7, с.48]. Он объясняет сложившуюся ситуацию историческими причинами, а именно тем, что в период, когда закладывались основы советской психологической науки, она была сориентирована на активное освоение ленинской теории отражения и обращена к павловскому учению о высшей нервной деятельности [7, с.47].

Поскольку пространство психической реальности, ограниченное двумя принципами материалистической парадигмы (психика есть свойство мозга и форма отражения...), не создавало объективной возможности для расположения в этом пространстве личностной феноменологии в нередуцированном виде, марксизм, содержащий определенный философский взгляд на человека, с постулируемыми в нем ролью социально-исторического контекста и ролью предметной деятельности был воспринят как спасительный выход из тупика. Но в сформированном на его основе теоретическом конструкте, во-первых, личностное было почти полностью *выведено из сферы влияния организмичности* и, во-вторых, психическое было по сути *лишено самости*, став удвоением “деятельности” и “социумности”.

Таким образом, стремление спасти личность от редукции, невольно возникавшей при ее размещении в пространстве психики, интерпретируемой как “свойство мозга отражать”, привело к ее смещению в область по существу “обезличенной”, “социально-деятельностной” феноменологии. Вследствие социально-деятельностного редукционизма личность

потеряла свою “живую человеческую натуру” и присущность конкретному индивиду, т.е. индивидуальность.

В.П.Зинченко, анализируя сложившуюся модель интерпретации личности, писал, что в отечественной психологии “принималось во внимание только одно направление лично-общественного взаимодействия, а именно социализация индивида. Второе направление – индивидуализация социальной жизни, порождение индивидуальным сознанием нового содержания – в лучшем случае лишь упоминалось”[4, с.51]. Сложные личностные явления объяснялись эффектами интериоризации, закономерностями социокультурного контекста (воспроизведенного во внутреннем содержании человека), иными словами, отражательной “слепочностью” с социальных событий, в которые включается личность. Из сказанного следовало, что личность – это человек, отразивший в себе, в своем ментальном устройстве социальную структуру и способный в результате этого действовать в ней адекватно. Такая “отражательная”, респондентская трактовка личности как социального индивида представлялась как сущностная и вполне достаточная, а коммунистический лозунг “Создадим нового человека!” был освящен психологической теорией.

Эта ориентация ярко проиллюстрирована хорошо подобранными цитатами в статье А.М.Эткинда [18]. Например, фрагмент текста из учебника педагогики П.П.Блонского: “Наряду с растениеводством и животноводством должна существовать однородная с ними наука – человеководство, и педагогика ... должна занять свое место рядом с зоотехникой...”. Или цитата из выступления Бухарина на I Педологическом съезде, в которой еще более прямо задана направленность на “делание людей по образцу”: “Нам сейчас свои силы нужно устремить... на то, чтобы в кратчайший срок произвести определенное количество живых рабочих, квалифицированных, специально вышколенных машин, которые можно было бы сейчас завести и пустить в общий оборот”. Здесь же созвучно всплывают

слова наркома просвещения А.В.Луначарского: “Педология... осветит перед нами самый важный... процесс производства нового человека параллельно с производством нового оборудования, которое идет по хозяйственной линии”.

При этом отвлекалось внимание от того, что социальное становится личностным, только обретя значимость для индивида, ассоциировавшись с его потребностями (имеющими корни своей причинности в индивидуальных организмических характеристиках), т.е. став предметом его потребностей или способом их удовлетворения. Все внешнее по отношению к конкретному человеку само по себе мертво, пока оно не соприкоснулось с его живой натурой, не присвоено им, не стало его частью, обретя в этом процессе личностный смысл. Ставшая привычной идеологически обусловленная сосредоточенность внимания исследователей на проблемах социализации индивида, с которой ассоциировалось в значительной степени представление о развитии личности, отодвинула в тень проблемы того, как социальное, индивидуализируясь в человеке, определяется в своем смысле для него и *получает в нем свое дальнейшее развитие*.

Сохраняющаяся при этом ориентация психологических исследований, в частности, привлекаемых к анализу интерпретационных схем, на упрощенно трактуемый материалистический детерминизм (поиск конечной причины психологических феноменов в материальных реалиях) и естественнонаучную парадигму обуславливали недостаточное внимание к феноменологическому пространству личности (своеобразие переживаний, личностных смыслов и пр.) и порождающим возможностям личности (самоактуализация).

Преодолевая дефицитность содержания, задаваемого такими методологическими ограничениями понятию “личность”, отечественная психология наряду с ним использовала понятия “индивидуальность” и “субъект”. Понятие “индивидуальность” позволило включить в структуру рассматриваемых личностных феноменов индивидное, или организмическое

(В.С.Мерлин и др.), а также задало ориентацию на рассмотрение единичного, своеобразного в личности. Понятие “субъект” фокусировало внимание на поиске и рассмотрении источников, причин активности в самом человеке.

Перечисленные причины позволяют понять, что и почему было редуцировано в содержании понятия “личность” на этапе обращенности к марксистским постулатам, а также объясняют отсутствие полноценной персонологической концепции в отечественной психологии (об этом, в частности, свидетельствует анализ этой области психологического знания, представленный в солидном академическом труде, подводящем итог достигнутому советской психологией, – “Психологическая наука в России XX столетия” [10]; хотя следует сказать, что сами авторы такой вывод не фиксируют).

Сейчас многое свидетельствует об активизации интереса к теме личности в отечественной психологии. Переведены на русский язык известные учебники К.Холла и Г.Линдсея, Л.Хьелла и Д.Зиглера “Теории личности” [16, 17], а также отдельные работы многих известных западных персонологов. Издаются монографии, сборники научных статей, новые учебники, хрестоматии по проблеме личности, написанные известными отечественными психологами [5, 8, 11, 12, 14, 15 и др.]. Привычной стала тема личностно-ориентированного подхода в образовании, в профессиональном становлении и прочих областях социальной практики [1, 13, 19 и др.]. В.А.Петровский даже склонен констатировать как совсем недавно проявившуюся тенденцию – выделение психологии личности “в самостоятельную область, не сливающуюся с общепсихологическими, социально-психологическими, дифференциально-психологическими и педагогическими разработками” [9, с.126].

Направление оформляющегося психологического знания связано с анализом *субъективности* [14] и анализом *субъектности* [8]. Таким образом, научное знание в своем развитии обращено к проблеме единичного, субъективно-

своеобразного индивидуального внутреннего мира и к проблеме субъектности, т.е. тенденции проявить, объективировать субъективное. Сочетание этих тенденций может быть названо “личностностью”. В.А.Петровский, размышляя над содержанием этого понятия, пишет: “Разделенные временем и пространством, говорившие на разных языках Гегель и Достоевский использовали одно и то же слово – личностность – для обозначения собственно человеческого в человеке: истины его бытия, состоящей в возможности быть причиной самой себя, свободно определять себя к жизни и даже смерти” [9, с.127].

“Моральная” готовность отечественной науки к рассмотрению проблемы “личностности” может показаться не совсем уместной в сложных перепетиях нашей нелегкой действительности с повседневными размышлениями о хлебе насущном. Кризисные явления, характеризующие современное состояние нашего общества, казалось бы, входят в противоречие с поисками ответов на вопросы, возникающие при разработке этой темы. Где уж до личности с ее неповторимым внутренним содержанием и желанием проявить, объективировать его во вне! Сначала давайте найдем способы помочь тем, кто плохо приспосабливается, адаптироваться к этому неуютному миру, научим их приспособливаться к социальным реалиям.

Но, как показала отечественная ситуация, рыночная “свобода” с ориентацией на предпринимательство, когда последнее трактуется исключительно как средство наживы, приводит к победе людей с простыми ментальными схемами, подобными условному рефлексу: “нажал рычаг – получил желаемое”. Побеждают индивидуумы с простыми, легко операционализируемыми побуждениями, не обремененные размышлениями о глубинах человеческого духа, ориентированные на быстрое и очень материальное подкрепление. Они не сомневаются, а действуют и выстраивают реальность под себя, “приглашая” одуряющей рекламой и других подстроиться под них, адаптироваться к их миру, встроиться в систему их ценностей. В недрах

“массового” общества зарождаются стертые, стандартизированные индивиды, произведенные усилиями функционеров от “массовой культуры”, задача которых – обеспечивать трансляцию штампов, идеологием, социальных мифов и социализировать тем самым своих сограждан, помогая им адаптироваться, а, по сути, осуществляя социальную дрессуру. Эта дрессура сродни “массовому безумию”, как его характеризовал С.Киркегор. Основанный на недостаточной выраженности внутреннего, этот вид безумия связан с фиксацией человека на проблемах и темах, совершенно не значимых для него лично. Он поглощен стремлением соответствовать внешнему и отвлечен от себя как от личности, поэтому такой человек весь искусственный. Не человек, а трость [2].

Вторя этой теме, но по своему ее интерпретируя, известный американский социолог Ч.Миллс в свое, отделенное от нас десятилетиями, но тоже нелегкое время писал об угрожающей человеку опасности потерять личностное достоинство в сумасшедшей круговерти исторических событий, о проблеме сохранения самости (“личностности”), которой угрожают неуправляемые силы раздираемого конфликтами сообщества, с порождаемыми им иррациональностью, отчуждением людей, нарастающим у них чувством потерянности и бессилия, усиливающейся угрозой глубокой трансформации самой природы человека [6].

В наибольшей мере ориентированное на рассмотрение проблемы “личностности” гуманистическое направление в психологии возникло в США именно из попыток теоретического осмысления кризисных явлений в американском обществе, порожденных вследствие прессинга послевоенных социально-экономических проблем. Как естественный результат кризиса общества возникает кризис личности, а точнее – кризис “личностности”, выражающийся в полной зависимости человека от непредсказуемых событий, держащих его в постоянном напряжении, в страхе за свое бытие и, как следствие, в неспособности его как личности “быть причиной самой себя,

свободно определять себя к жизни” [9, с.127]. Человек оказывается зависимым, реагирующим, теряет не только возможность реализовать свой потенциал, но и даже ориентацию на самореализацию.

Бюлер и Аллен, анализируя переживания, свойственные американцам в 1960-е гг., характеризовавшиеся кризисом американского общества, перечисляют следующие черты массового сознания [5]:

- **кризис ценностей**, проявившийся в потере целей, способных консолидировать людей в силу их связи с удовлетворением существенных для человека потребностей;

- **чувство одиночества**, возникающее из-за неспособности к установлению близких отношений (принадлежность ко многим группам без достаточной глубины слияния, преобладание отношений конкуренции), в то время как “любовь и психологическая близость не могут быть заменены успехами в карьере или в приобретении материальных благ и выступают одним из главных факторов, определяющих смысл жизни” [5, с.22];

- **проблема идентичности**, с которой связаны переживания мучительной неуверенности из-за отсутствия ответов на вопросы: “Кто я?”, “К чему я стремлюсь?”;

- **переживания смыслоутраты** или феномен “экзистенциального вакуума” (В.Франкл), что зачастую ведет к апатии, девиантному поведению, алкоголизму, наркомании, бездумным сексуальным связям и пр.

Анализируя направленность усилий психологов гуманистической ориентации, Д.А.Леонтьев заключает, что их главной задачей было и остается: “...раскрыть ценности, к которым устремлен человек по своей природе, реализация которых позволит человеку не только понять, но и раскрыть, объективировать свою потенциальность” [5, с.23]. Это ценности, которые могут быть поняты на пути изучения личностной субъективности и субъектности, на пути изучения проблемы “личностности”, которая в наибольшей степени ассоциируется с те-

мой самоактуализации, проявленности порожденного во внутреннем мире личности во вне, в фактах объективной реальности.

Само осознание сообществом важности этой проблемы, направленность на ее решение создают основу для выхода из кризиса смыслоутраты, опасность которого угрожает нам с вами на этапе затянувшегося, ставшего мучительным социального перелома. Именно в такие тягостные для человека периоды возникает необходимость обратиться к непреходящим ценностям духовного бытия человека. И первой такой ценностью является сам человек с присущей ему потребностью в самоактуализации, направляющей его развитие в сторону наиболее полного самораскрытия.

При этом также следует учитывать, что соответствие общественного устройства и личностной организации обеспечивает стабильность функционирования самого социума, его устойчивость и возможность движения к совершенствованию. Общественные отношения воспроизводятся и поддерживаются личностью без сопротивления, если они воспринимаются ею как условие и способ реализации ее права состояться как личность, проявить свою "личностность". Резюмируя, можно еще раз обратиться к словам Д.И.Дубровского: "В каждом социальном проекте, явно или неявно, заложена определенная модель человека (с его типичными свойствами, потребностями, устремлениями и т.п.). Если эта модель нереалистична, социальный проект оказывается очередной утопией..." [3, с.102].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Асмолов А.Г., Ягодин Г.А. Образование как расширение возможностей развития личности // Вопросы психологии. 1992. N 1-2. С.6-13.
2. Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному. М., 1997.
3. Дубровский Д.И. Обман (философско-психологический анализ). М., 1994.
4. Зинченко В.П. Проблемы психологии развития (читая О.

Мандельштама) // Вопросы психологии. 1992. №3-4. С. 50-60.

5. Леонтьев Д.А. Гуманистическая психология как социокультурное явление // Психология с человеческим лицом. Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А.Леонтьева, В.Г.Щур. М., 1997. С.19-29.
6. Миллс Ч. Социологическое воображение. М., 1998.
7. Петровский А.В. Развитие личности. Возрастная периодизация // Психология развивающейся личности. М., 1987. С.38-75.
8. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д, 1996.
9. Он же. Очерк теории свободной причинности // Психология с человеческим лицом. Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А.Леонтьева, В.Г.Щур. М., 1997. С.124-144.
10. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В.Брушлинского. М., 1997. С. 164-185; 270-374.
11. Психология и психоанализ характера: Хрестоматия по психологии и типологии характеров // Редактор-составитель Д.Я. Райгородский. Самара, 1997.
12. Рябкина З.И. Личность. Личностное развитие. Профессиональный рост. Краснодар, 1995.
13. Она же. Смысл жизни, жизненный сценарий и выбор профессии в условиях новой социальной реальности // Психологические проблемы самореализации личности. Краснодар, 1997.
14. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека: введение в психологию субъективности. М., 1995.
15. Теории личности в западноевропейской и американской психологии: Хрестоматия по психологии личности / Составитель Р.Я.Райгородский. Самара, 1996.
16. Холл К., Линдсей Г. Теории личности. М., 1997.
17. Хьелл Л., Зиглер'Д. Теории личности. СПб., 1997.
18. Эткинд М.А. Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого // Вопросы психологии. 1990. №5. С.13-22.
19. Якиманская И.С. Требования к учебным программам, ориентированным на личностное развитие школьников // Вопросы психологии. 1994. №2. С.64-76.

ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТЕЙ МАЙЕРС-БРИГГС И УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Психологические описания личности и соответствующие методы психологической диагностики давно и успешно используются в прикладных задачах, связанных с управлением персоналом и развитием организаций. Психологи применяют личностные тесты при подборе и расстановке кадров, формировании и повышении потенциала управленческих команд, в индивидуальном консультировании менеджеров. При выборе диагностического инструментария предпочтение отдается многомерным тестам типа 16-факторного личностного опросника Р.Кеттелла (16PF) или Миннесотского многофазного перечня (ММПИ) и их отечественным адаптациям. Упомянутые многомерные модели личности при использовании требуют высокого уровня профессиональной подготовки. Перевести научные результаты такой диагностики на язык клиента так, чтобы достичь продуктивного понимания с его стороны и не потерять при этом ничего ценного из полученной информации, очень сложно. В последнее время получил распространение еще один подход к описанию личности – типология Майерс-Бриггс, которая, обладая качеством достаточной многомерности, легко понимается клиентами и хорошо зарекомендовала себя в практической работе.

При наличии неоспоримых достоинств обсуждаемого подхода сегодня есть уже много примеров скороспелого и неадекватного его использования. Практическое распространение, как это часто бывает, идет гораздо быстрее, чем теоретическое осмысление и эмпирическая проверка. Данная статья задумывалась с целью в какой-то мере восполнить этот пробел. Она адресована практикам, работающим в сфере управления персоналом и развития организаций, а также специалистам в области психологии индивидуальных различий и психодиагностики.

Типология построена на четырех основных параметрах-признаках, сочетание которых и дает нам представление об особенностях личности. Каждый признак можно представить как пространство между полярностями: экстраверсия – интроверсия, сенсорика (ощущение) – интуиция, логика – чувства, решение – восприятие. Первый из них (“экстраверсия – интроверсия”) введен К.Юнгом для описания того, куда человек в основном направляет свою энергию – на внешний или на внутренний мир. Те, кто предпочитает взаимодействие с внешним миром, называются экстравертами, а те, кто более комфортно чувствует себя в своем внутреннем мире, – интровертами. Дар экстравертов – широта, а интровертов – глубина. В англоязычной литературе, посвященной излагаемой типологии, приняты соответствующие обозначения латинскими буквами: экстраверт – E, интроверт – I.

Второй признак типа личности – предпочитаемый способ восприятия информации, а точнее, особая чувствительность к различным ее аспектам. Одни люди фиксируют свое внимание на том, что в данный момент “говорят” им их органы чувств (ощущения). Они практичные реалисты, ориентированы на настоящее, любят конкретность, их интересуют факты, а не абстракции. Это сенсорный тип, или “сенсорик”(S). Конечно, все люди используют свои органы чувств для получения информации об окружающем мире. Но некоторые из них проявляют гораздо больший интерес не к фактам как таковым, а к их значению, взаимосвязям, возможным последствиям. Они доверяют своему “шестому чувству” (интуиции) больше, чем остальным пяти. Они с легкостью читают между строк, во всем любят искать скрытый смысл. Интуитивы (N), в отличие от сенсорики, больше ориентированы на будущее, чем на настоящее, ценят воображение. Сенсорикам особенно хорошо удается замечать и запоминать большое количество фактов, подробностей, а интуитивы гораздо лучше умеют их интерпретировать или по отдельным фрагментам собирать целостную картину.

Третий признак в типологии связан с тем, как человек предпочитает принимать решения – ориентируясь больше на логику (рациональность) или на чувства. Рациональный тип (Т) стремится к беспристрастности, объективности, старается очистить ситуацию принятия решения от влияния субъективных склонностей, принятых ценностей. Чувствующий (иррациональный) тип (F), наоборот, руководствуется именно тем, что сам считает важным и правильным, нисколько не пытаясь уйти от субъективизма к формальной логике. Например, рационал обычно считает, что истина важнее такта в отношениях, а чувствующий тип так не думает. Он ценит сопереживание и гармонию в отношениях, готов делать исключения из правил, рационал же выше ставит принципиальность, старается предъявлять одинаковые требования ко всем и ко всему.

Три изложенных параметра были предложены и подробно описаны К.Юнгом еще в 1920-е гг. (о современных трактовках юнговской типологической модели см. [4]). На пересечении трех “осей” им были описаны восемь типов личности. Четвертый признак в типологии появился в конце 1950-х гг. с работами И.Майерс и К.Бриггс-Майерс. Этот новый параметр касался того, предпочитает ли человек определенность, однозначность, чтобы быстрее принять решение к действию, или, напротив, его больше устраивает многовариантность, неокончателность, сохранение свободы выбора, возможность отложить решение и просто принять информацию к сведению. Название первого типа в английском языке образовано от глагола “judge” (судить, принимать решение). Мы предпочитаем так и называть этот тип – “решающим” или “судящим” (J), а противоположный ему – “воспринимающим” (P), так как эти термины точнее отражают искомое психологическое содержание, чем принятые в русских переводах и интерпретациях названия “статичный – динамичный”, “действующий – понимающий” и пр. Решающий склонен к упорядоченной, организованной жизни. Он обо всем имеет определенное мнение и не любит оставлять проблемы

перешенными. Того же он ждет и от других. Он склонен видеть мир черно-белым, без полутонов, так как полутона вносят неразбериху в ясную и четкую картину. Естественно, что он не любит неожиданностей и трудно приспосабливается к переменам. Его сильная сторона – в быстром принятии решений, начале активных действий по намеченному плану. Воспринимающий, напротив, предпочитает жить в изменяющемся мире, в котором постоянно возникают новые возможности. Он легко приспосабливается к изменившимся обстоятельствам, к смене “правил игры”. Не любит торопиться с выводами, с решением, откладывая его на потом. Ему кажется, что информации для этого все еще недостаточно, ее никогда не бывает слишком много, ведь она так противоречива. В крайнем своем проявлении этот тип столь долго взвешивает необходимость и обоснованность своих действий, что упускает саму возможность их осуществления.

Таким образом, в пространстве четырех признаков выделяются 16 типов личности. Каждый имеет свою “формулу”, например, ISTJ – интроверт, сенсорный, рациональный, решающий (в мире профессий чаще встречается у бухгалтеров, фининспекторов, военных, полицейских, юристов). Все 16 типов здесь являются равноправными с точки зрения их социальной ценности, каждый находит свое место в общественном разделении труда и в разделении функций в межличностном взаимодействии. Различия между ними заключаются в способах (стилях) восприятия и переработки информации, принятия решений и организации поведения.

Типология Майерс-Бриггс широко используется в прикладных областях (профориентация, семейное консультирование, психология управления) в США с 1960-х гг. Именно тогда получил распространение популярный и по сей день тест-опросник MBTI (Индикатор типов Майерс-Бриггс), и именно тогда обозначилось весьма критическое отношение к данному подходу со стороны академических психологов США. На мой взгляд, этому есть две причины. Первая имеет истори-

ческий характер. Типология “выросла” из идей К.Г.Юнга, а они никогда не находили широкого признания в США, оставаясь своего рода экзотикой, “научообразной мифологией”, в отличие от учения З.Фрейда, которое признано вполне научным и респектабельным. Юнг по ментальности и языку был и остается европейским мыслителем. Вторая причина неприятия подхода Майерс-Бриггс академической наукой в том, что он в ту пору был действительно весьма уязвим в теоретическом и психометрическом смысле. Тем не менее он оказался “необходимым и достаточным” для сотен практических психологов и сотен тысяч их клиентов в США.

В Россию эта типология приходила дважды. Второй раз – уже в последнее десятилетие – она стала распространяться, наконец, в неискаженном виде благодаря выходу на русском языке нескольких книг американских авторов (см., например, [3]) и публикациям группы психологов из Санкт-Петербурга [5]. Первый раз она являлась неузнанной под именем “соционика” с конца 1970-х гг. и получила некоторое распространение в консультативной практике (профориентационной, семейной, управленческой [7]). Несмотря на серьезные недостатки, часть из которых уже обсуждалась в литературе [5], российская “соционика” объективно готовила почву для распространения типологии Маерс-Бриггс и даже предложила ряд продуктивных теоретических идей [6]. Главными же недостатками “соционики” были и остаются механистичность, излишняя жесткость и фатализм в определении типов, непроработанность диагностических методов и игнорирование предшественников (“соционики” утверждали, что создали совершенно “новую науку”, не желая упоминать о более ранней традиции в США, где последователи Майерс-Бриггс, кстати сказать, не считают, что занимаются “новой наукой”, а не психологией).

Разные авторы по-разному определяли, какие из параметров-признаков являются самыми важными, системообразующими. Для одних прикладных задач в такой роли

выступает “экстраверсия – интроверсия”, для других – “сенсорика – интуиция”, для третьих – “решение – восприятие”. Иногда полная “формула типа” из четырех параметров оказывается действительно избыточной и принятые в литературе пространственные описания каждого из 16 типов вызывают вполне понятное желание упростить систему координат. Вслед за Д.Кейрси принято выделять четыре базовых типа: два интуитивных – NT и NF и два сенсорных – SJ и SP. Эта классификация часто оказывается достаточной для практической работы. Четыре типа играют различные роли в жизни организаций. Разные авторы дают им разные названия. Мы здесь используем емкий вариант описания Е.Емельянова и С.Поварничиной [1]. Рациональные интуитивы (NT) – это “провидцы”. Для людей, в профиле которых есть это сочетание признаков, главное – это изучение возможностей развития ситуации, поиск способов изменений. Для NT важно ощущение власти, но не столько над людьми, сколько над ситуацией. Они нацелены на познание основных законов, принципов развития и их использование в управлении. Как руководитель этот тип успешен в планировании и разработке перспектив, анализе проблем и прогнозировании, легко генерирует идеи и столь же легко отказывается от них, если видит более интересные возможности, чувствителен к интеллектуальному потенциалу сотрудников. Слабость NT – в отсутствии серьезного интереса к деталям, доводке, которые он склонен перепоручать другим людям. Рутинная работа его раздражает. Концентрируясь на принципах, он с трудом представляет, что чувствуют другие, и многим видится черствым, отстраненным, не любит ситуаций утраты контроля за событиями.

Тип SJ – “организаторы”, или “традиционалисты”. Это хорошие организаторы конкретной работы. Их больше всего удовлетворяет деятельность, связанная с выходом “готового продукта”, с лицезрением конкретного результата труда. Этот тип склонен создавать и поддерживать стабильные, выверенные опытом организационные и управленческие систе-

мы; отказывается от традиционных моделей с большим трудом; во всем ценит порядок и последовательность; не любит допускать сбоев, тяжело их переживает; в действиях решителен; любит составлять нормативы, регламенты, расписания и контролирует точность их выполнения; незаменим в работе, требующей высокой точности и запоминания большого количества “мелочей”. Полагаясь на опыт, правила и традиции, он может не замечать новые возможности; теряется в ситуациях высокой неопределенности и не всегда готов к риску; резко отрицательно реагирует на людей, не склонных работать “по правилам”, и не понимает, как может не приниматься очевидное. Его решительность и настойчивость могут приводить к обострению отношений в коллективе.

Тип SP – “посредники”. В той же мере, насколько для SJ его деятельности важен продукт, настолько же люди SP типа получают удовлетворение от самого процесса деятельности. В каком-то смысле работа для них – игра, в которой они способны находить различные вариации и неожиданные повороты. Из-за этого они работают неровно – с большей отдачей в одни моменты и с расслаблением в другие. Как и предыдущий тип, это – реалист и доверяет опыту. В связи с развитой функцией восприятия он умеет тонко чувствовать окружающую среду, в том числе назревающие напряжения и конфликты, способен тактично вмешаться и предотвратить их углубление; хорошо включается в переговоры и обладает посредническим талантом. Но в совместной деятельности по принятию решений он слишком отягощен привязанностью к опыту и выверенным схемам, что затрудняет взаимодействие с партнерами интуитивного типа. Он не стремится “побороть” непригодную систему, его талант – в обнаружении внутри нее всего пригодного для решения проблемной ситуации. Как и для другого сенсорного типа, для него характерна неприязнь к высоким теориям, абстрактным способам мышления и целеполаганию, которые могут показаться ему “схоластикой”. Он не любит связывать себя плана-

ми, сроками и обязательствами; не чувствует себя реализованным и скучает в периоды стабильного, безпроблемного развития организации; незаменим при возникновении проблем, продуктивен в их обсуждении, дотошно докапывается до слабых мест, подает ценные идеи о замещении одних способов другими, но не любит оформлять их на бумаге, изнывая в поисках совершенных форм и способов изложения.

Тип NF – **“катализаторы групповой активности”**. У них доминирует ориентация на человеческие отношения. Они стремятся к реализации самих себя и содействуют самоактуализации окружающих. В организациях они – своего рода приводной ремень между генераторами идей, “провидцами” NT и организаторами конкретной работы SJ. Они способствуют воплощению замыслов в результат за счет привлечения к идее энергии человеческих устремлений. Они озабочены тем, что принято называть психологическим климатом, не отделяют возможность развития организации от развития составляющих ее людей и их отношений; стремятся гармонизировать отношения, мотивируют сотрудников чаще “пряником”, чем “кнутом”. Недостатки “катализатора” являются продолжением его достоинств. Он часто оказывается вовлеченным в нужды других людей до такой степени, что у него не хватает времени и сил на свои дела. Его организационные решения часто подвержены влиянию симпатий и антипатий больше, чем организационным целям. Нередко он оказывается между двумя противостоящими группировками, каждая из которых считает его своим сторонником. Заботясь о создании атмосферы инициативы, самостоятельности и свободы в организации, он не всегда склонен контролировать исполнение и жестко настаивать на ответственности; стремится избегать ситуаций с дискомфортными человеческими отношениями.

При индивидуальном консультировании менеджера или руководителя мы, продиагностировав его личностные типологические особенности, можем сопоставить их с особенностями его функциональной роли в организации и уви-

деть незадействованный личностный потенциал и ограничения, непроизводительные затраты энергии вопреки природе своего типа. Но сначала клиенту необходимо 1)обеспечить краткое “введение” в типологию, 2)знакомство с какой-либо из схем описания возможных функциональных ролей руководителя, чтобы затем 3)сопоставить первое со вторым применительно к его конкретной ситуации. Для решения второй части задачи хорошо себя зарекомендовала схема Б.Карлофа и С.Седерберга [2]. Мы исходим из того, что для управления организацией имеют фундаментальное значение пять основных сфер, или направлений усилий руководства и коллектива. Принципиально важно, что все пять сфер не выстроены в иерархию, а “замкнуты в кольцо”, т.е. зависят друг от друга в каждый момент времени и требуют одинакового внимания (здесь не обсуждаются конкретные критерии для каждой из сфер и методы их измерения).

1. Идеология (философия) организации. Позволяет ответить на вопросы: “Для чего мы существуем? Куда идем? К чему стремимся? Какие ценности и средства для нас главные?”

2. Рыночная эффективность. Позволяет ответить на вопрос “Насколько хорошо мы обслуживаем тех, кого взялись обслуживать, тех, для кого существуем ?” Это также можно назвать внешней эффективностью.

3. Управление ресурсами (внутренняя эффективность). “Насколько эффективно мы используем наш капитал и затраты?”

4. Развитие людей.«Насколько эффективно мы используем наши людские ресурсы для достижения целей организации ?” Эффективность здесь понимается не с точки зрения затрат, а с точки зрения развития и использования потенциала людей ».

5. Организационный менеджмент. «Насколько наша организационная структура и способы управления адекватны ситуации? Имеются ли и насколько чувствительны “антенны”, позволяющие вовремя распознать слабые сигналы о том, что мы делаем что-то неправильно?».

На одной из фирм при диагностике руководителя организации и его заместителя обнаружилось, что пер-

вый относится к типу SJ (“организатор”), а второй к типу NF (“катализатор”). Этот факт, а также дополнительное изучение организации позволили сделать вывод, что целесообразно следующее разделение их усилий по пяти перечисленным направлениям: “организатору” – в основном направления 2 и 3, “катализатору” – направления 1 и 4. Направление 5 должно быть объектом внимания обоих руководителей и, возможно, еще кого-то в организации (типа NT), кто пока не проявился в этой функции. Заметим, что до этого фактическое распределение ролей было иным, сложившись стихийно и приводя к нерациональным психознергетическим затратам.

Типология используется и для формирования “команд”. Легко заметить, что между четырьмя описанными психотипами объективно существуют отношения дополнительности, взаимокompенсации, хотя субъективно они часто далеки от взаимопонимания и могут даже раздражать друг друга. Типичная “болезнь” организационного роста – несбалансированная по психотипам управленческая команда, когда есть переизбыток одних типов и недостаток других. Так, в коллективах ученых и разработчиков часто сконцентрированы NT-сотрудники (“генераторы идей, провидцы”), которым без участия SJ трудно выполнить рутинные функции “доводки” идей до стадии готовой продукции. Но наиболее частый случай (в промышленности, торговле) – переизбыток SJ и дефицит NF. Это во многом объясняется историей нашего государства и соответствующими традициями управления. Избыток SJ ведет к закоснощению схем производства и управления, трудностям в проведении изменений, перегрузке нормативными требованиями. В США ранее заметное преобладание сенсорных типов среди руководителей верхнего и среднего звена в последние десятилетия все больше смягчается за счет увеличения на этих постах интуитивных типов (особенно заметно увеличение доли NF). При избытке в организации руководителей типа NF возможна проблема доминирования личных отношений в ущерб деловым, при недостатке их в

организации снижается способность управления “человеческим фактором”, ухудшается психологический климат, возможен “пассивный саботаж” со стороны сотрудников.

Специально подчеркнем, что организационное консультирование в этом случае, как правило, направлено не на перестановку кадров или подбор новых людей в управленческие структуры, что часто просто невозможно. Главная и реальная цель — содействовать более полной реализации личностных ресурсов людей и освоению ими новых способов поведения с учетом принципа взаимодополнительности типов. Добавим, что улучшение взаимопонимания между полярными типами и повышение продуктивности их делового взаимодействия требуют специально организованных тренингов.

Недостаток диагностического инструментария для определения типов (тест MBTI пока не адаптирован для применения в России) сдерживал развитие прикладного использования типологии. Многотиражная публикация в 1994 г. короткого тест-опросника Д. Кейрси с подробными комментариями по применению [5] существенно изменила ситуацию для отечественных практиков. Но, к сожалению, по принятым психометрическим критериям данный тест пока далек от совершенства. Такой вывод позволил сделать материал, полученный автором данной статьи в эмпирических исследованиях на выборках общей численностью более 400 человек. Тест в его первоначальном переводе содержит как минимум восемь вопросов, имеющих серьезный риск неадекватного понимания русскоязычными испытуемыми. Гомогенность шкал оставляет желать лучшего. Из четырех шкал опросника три обнаружили заметную корреляцию между собой [4]. Можно говорить о том, что четыре независимых (по замыслу Юнга и его последователей) параметра типологии при использовании данного теста оказываются на самом деле сгруппированными по принципу 3+1. В наших выборках достаточно отчетливо выделяется тип SJ (“ощущающий, статичный”) с тенденцией Т (“мыслительный”) и, соот-

вый относится к типу SJ (“организатор”), а второй к типу NF (“катализатор”). Этот факт, а также дополнительное изучение организации позволили сделать вывод, что целесообразно следующее разделение их усилий по пяти перечисленным направлениям: “организатору” – в основном направления 2 и 3, “катализатору” – направления 1 и 4. Направление 5 должно быть объектом внимания обоих руководителей и, возможно, еще кого-то в организации (типа NT), кто пока не проявился в этой функции. Заметим, что до этого фактическое распределение ролей было иным, сложившись стихийно и приводя к нерациональным психоэнергетическим затратам.

Типология используется и для формирования “команд”. Легко заметить, что между четырьмя описанными психотипами объективно существуют отношения дополнительности, взаимокompенсации, хотя субъективно они часто далеки от взаимопонимания и могут даже раздражать друг друга. Типичная “болезнь” организационного роста – несбалансированная по психотипам управленческая команда, когда есть переизбыток одних типов и недостаток других. Так, в коллективах ученых и разработчиков часто сконцентрированы NT-сотрудники (“генераторы идей, провидцы”), которым без участия SJ трудно выполнить рутинные функции “доводки” идей до стадии готовой продукции. Но наиболее частый случай (в промышленности, торговле) – переизбыток SJ и дефицит NF. Это во многом объясняется историей нашего государства и соответствующими традициями управления. Избыток SJ ведет к закоснощению схем производства и управления, трудностям в проведении изменений, перегрузке нормативными требованиями. В США ранее заметное преобладание сенсорных типов среди руководителей верхнего и среднего звена в последние десятилетия все больше смягчается за счет увеличения на этих постах интуитивных типов (особенно заметно увеличение доли NF). При избытке в организации руководителей типа NF возможна проблема доминирования личных отношений в ущерб деловым, при недостатке их в

организации снижается способность управления “человеческим фактором”, ухудшается психологический климат, возможен “пассивный саботаж” со стороны сотрудников.

Специально подчеркнем, что организационное консультирование в этом случае, как правило, направлено не на перестановку кадров или подбор новых людей в управленческие структуры, что часто просто невозможно. Главная и реальная цель — содействовать более полной реализации личностных ресурсов людей и освоению ими новых способов поведения с учетом принципа взаимодополнительности типов. Добавим, что улучшение взаимопонимания между полярными типами и повышение продуктивности их делового взаимодействия требуют специально организованных тренингов.

Недостаток диагностического инструментария для определения типов (тест MBTI пока не адаптирован для применения в России) сдерживал развитие прикладного использования типологии. Многотиражная публикация в 1994 г. короткого тест-опросника Д.Кейрси с подробными комментариями по применению [5] существенно изменила ситуацию для отечественных практиков. Но, к сожалению, по принятым психометрическим критериям данный тест пока далек от совершенства. Такой вывод позволил сделать материал, полученный автором данной статьи в эмпирических исследованиях на выборках общей численностью более 400 человек. Тест в его первоначальном переводе содержит как минимум восемь вопросов, имеющих серьезный риск неадекватного понимания русскоязычными испытуемыми. Гомогенность шкал оставляет желать лучшего. Из четырех шкал опросника три обнаружили заметную корреляцию между собой [4]. Можно говорить о том, что четыре независимых (по замыслу Юнга и его последователей) параметра типологии при использовании данного теста оказываются на самом деле сгруппированными по принципу 3+1. В наших выборках достаточно отчетливо выделяется тип SJ (“ощущающий, статичный”) с тенденцией Т (“мыслительный”) и, соот-

ответственно, противоположный тип NP (“интуитивный, динамичный”) с тенденцией F (“чувствующий”). Параметр “экстраверсия – интроверсия” оказался действительно независимым, значимых корреляций его с другими шкалами не обнаружено. Несмотря на то, что тест Кейрси нуждается в доработке, он все-таки может быть использован для первичного обследования. Валидность теста косвенным образом проявилась в том факте, что известные из зарубежных источников профессиональные предпочтения психотипа SJ подтвердились на нашем материале (в числе курсантов военного училища и милиционеров этот тип, как и ожидалось, оказался доминирующим, а среди студентов-психологов он в меньшинстве).

Трудности диагностики усугубляются из-за культурных традиций и стереотипов. По данным американских авторов, в их стране экстравертов втрое больше, чем интровертов; сенсорики втрое больше, чем интуитивных, что во многом обусловлено социальной желательностью, принятыми способами адаптации. Доли логических и чувствующих типов примерно равны, но женщины чаще относят себя к чувствующему типу, мужчины – к логическому. Распространен стереотип: “Мужчина должен быть рациональным, а иррациональность – удел женщин”. И мужчины-иррационалы часто не только стараются выглядеть рациональными, но и сами уверены в своей рациональности. Пребывание на ответственной должности заставляет человека вести себя по типу “решающего, судящего” (принимать множество решений, строго соблюдать сроки, упорядочивать свою жизнь), и ему уже все труднее определить свое истинное “я”, которое вполне может оказаться “воспринимающим”.

Сказанное заставляет кроме опросников для диагностики использовать индивидуальную беседу, в которой респонденту предлагается сделать ряд проб на стиль мышления, представления, воображения. Впрочем, подробности существующих и проектируемых диагностических процедур выходят за рамки данной статьи. Пока же можно сделать вывод о целе-

сообразности использования и дальнейшего развития типологии Майерс-Бриггс в психологии управления и управленческом консультировании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Емельянов Е., Поварницина С. Когда в фирме одни организаторы // Alter Ego. 1993. №1.
2. Карлоф Б., Седерберг С. Вызов лидеров. М., 1996.
3. Крегер О., Тьюсон Дж.М. Типы людей и бизнес. М., 1994.
4. Лузаков А.А. Психологическая типология К.Юнга – система анализа характеров или типология субъективных картин мира? // Основные направления развития региональной системы социально-психологической поддержки населения. Краснодар, 1997.
5. Овчинников Б.П., Павлов К.В., Владимирова И.М. Ваш психологический тип. СПб., 1994.
6. Седых Р.К. Информационный психоанализ. Соционика как метапсихология. М., 1994.
7. Слинько О.Б. Люди в вашем деле: энциклопедия соционического менеджмента. Киев, 1996.
8. Myers, I.B., Myers, P. Gifts Differing. Palo Alto, Calif, 1980.

М.В.Дзюба, В.В.Жданова, Л.Н.Ожигова

СЕМЬЯ В РИСУНКАХ ДЕТЕЙ

*Тот счастлив, король или крестьянин,
Кто находит свое счастье дома.*

Гете

Семья – это основная социальная система, в наибольшей степени влияющая на человека, транслирующая в жизнь индивидов нормы и ценности, принятые в культуре. В современном постоянно меняющемся, часто кризисном обществе семья становится наиболее уязвимой, отсюда рост числа разводов и падение рождаемости, увеличение

преступлений на семейно-бытовой почве. Все социально-экономические изменения влияют на эмоциональное состояние каждого члена семьи. Однако больше всего переживаний достается все-таки ребенку. Особенно сложен период начала обучения в школе, когда ребенок выходит в “большой мир”, включается в широкий культурный контекст.

О значимости периода, связанного с адаптацией ребенка в школе, сказано и написано в отечественной психологической литературе достаточно много [2; 3; 5]. По мнению большинства психологов, именно в этот период закладывается социальный и интеллектуальный фундамент личности [1; 8].

Действительно, начало обучения ребенка в школе – ответственный этап в его жизни. В среднем привыкание к школе имеет продолжительность от 3 месяцев до 1,5 лет. Особенности адаптации связаны со многими условиями и требованиями, предъявляемыми взрослыми к ребенку в его новой социальной позиции. Так, Н.В.Самоукина отмечает, что необходимость контроля своей активности, смена ведущего вида деятельности, новые нормы взаимодействия со взрослыми и сверстниками – все это создает трудности для ребенка, преодоление которых не всегда заканчивается успешным вхождением в школьный коллектив [6]. Если в семье преобладает напряженная, эмоционально дискомфортная обстановка, то это отрицательно влияет на самочувствие школьника, сказывается на его успеваемости, создает условия для возникновения отрицательных черт личности.

Одной из методик, позволяющих оценить особенности восприятия ребенком семейных отношений, его общее эмоциональное состояние, является проективная методика “Рисунок семьи”, которая в игровой форме, через рисование дает ребенку возможность чувствовать себя свободно и в полной мере выразить себя [9].

С целью определения особенностей восприятия семейных отношений и переживаний ребенка в первый

месяц обучения (третья неделя сентября) в средней школе 83 г.Краснодара проведено исследование среди первых классов – 76 детей в возрасте 7 лет (41 девочка и 35 мальчиков). Общая инструкция формулировалась в виде предложения: “Нарисуй свою семью”.

В результате обработки и интерпретации рисунков обнаружено, что в большей массе дети удовлетворены общением и поддержкой, которое оказывает им семья. Большинство детей (67 работ) изображают обоих родителей, а также других членов семьи (братьев, сестер и т.д.). Это говорит о благоприятной обстановке в семье, об отсутствии напряжения у ребенка в момент воспоминания о родных, об определенной психологической близости, необходимой первокласснику. Общий эмоциональный фон на рисунках положительный. Только в четырех работах изображенные лица не имеют ярко выраженных положительных эмоций, но отрицательные эмоции (опущенные губы, насупленные брови, слезы) отсутствуют.

Однако есть работы, в которых ребенок не нарисовал кого-либо из родителей, что свидетельствует об эмоциональной удаленности, неудовлетворенности существующими отношениями. На еще большую эмоциональную отдаленность указывает то, что 26 детей изобразили всех родственников, но не нарисовали себя.

Существенные отличия между рисунками мальчиков и девочек были выявлены при анализе общего объема, который занимало изображение на листе. Больше половины рисунков у девочек занимает 1/4 часть листа, а у мальчиков – 1/3 часть листа. Хотя разрыв в размерах незначительный, можно констатировать, что девочки в момент обследования или в настоящее время в отношениях в семье более напряжены и скованы, чем мальчики. Но среди рисунков девочек есть такие, которые занимают половину листа (19%), что свидетельствует о раскованности и отсутствии напряжения. У мальчиков таких рисунков всего 6%. Как у мальчиков, так и у девочек есть рисунки,

занимающие 1/8 часть листа, т.е. довольно мелкие, выполненные с сильной штриховкой. Предположительно, что именно эти дети переживают наибольшие трудности в адаптации к школе, имеют неблагоприятное эмоциональное или физическое состояние, низкую самооценку и нуждаются в психологической поддержке.

Общий вид изображения семьи на рисунках свидетельствует о довольно низком уровне изобразительной культуры, так как присутствуют только два вида – схематичное и реалистическое, а эстетическое и метафорическое отсутствуют. Схематичное изображение семьи (людей) встречается чаще, чем реалистическое. Оно характеризуется примитивностью, нечеткостью и невыразительностью образов, спутанными линиями и пропорциональными нарушениями. Это связано с недостаточным развитием художественных способностей у детей или невысоким уровнем интеллекта, что может быть диагностировано в дальнейшем [7].

Реалистическое изображение присутствует в работах 32% девочек и только в 3% мальчиков. Это создает впечатление того, что девочки несколько лучше, “правдоподобнее” могут передавать изображение человека, с учетом всех его физиологических (пропорции тела, наличие отдельных частей тела и т.д.) и социальных (одежда, прическа и т.д.) особенностей.

Можно привести рисунок девочки (рис. 1), где изображены все члены семьи в определенной последовательности и с хорошо прорисованными положительными эмоциями.

Из рис. 1 видно, что ребенок воспринимает семейные отношения в соответствии с определенной иерархией, видит степень близости членов семьи. Нарисованный первым папа в понимании девочки занимает главное положение в семье и наиболее близок к маме, т.е. ребенок четко выделяет супружескую подсистему в семье. Детская подсистема тоже имеет свою последовательность, где братья в зависимости от своего возраста приближены или удалены от родителей. Девочка, младшая в семье, воспринимает себя как наиболее

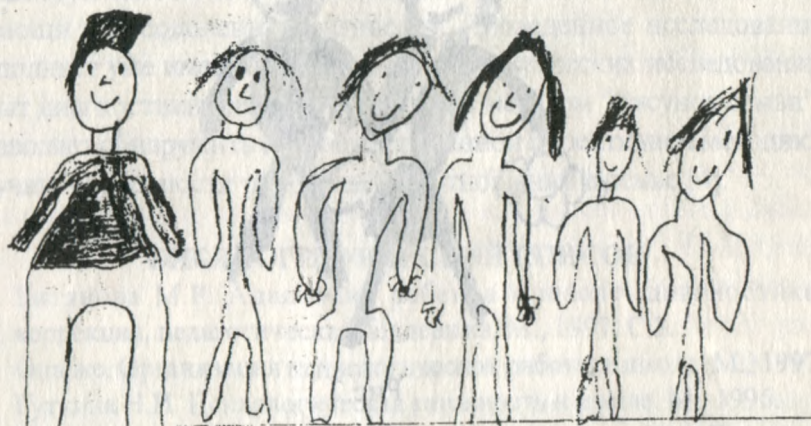

Рис.1

удаленную от родителей, но, возможно, находит такое положение вещей не проблемным, чувствует единство с семьей особенно с мамой и братьями (одинаковое изображение туловищ и волос на голове).

Оказалось, что существуют некоторые отличия в рисунках мальчиков и девочек, по-разному изображающих одежду на людях. Все девочки изображают людей в одежде, соответствующей их полу: юбках и платьях, брюках или шортах, с украшениями или инструментами и т.д. Только две девочки изобразили людей без четкой прорисовки тела и вообще без какой-либо одежды. У мальчиков только половина работ с изображением “половой” одежды, другая половина рисунков схематична, передает только контуры тела без одежды или части тела нарисованных людей имеют сильную штриховку.

Приведем в качестве иллюстрации рисунок мальчика (рис.2), на котором сам ребенок отсутствует, а родители изображены схематично, тела и одежда их сильно заштрихованы, занимают 1/8 часть листа.

Рис.2

В момент рисования мальчик, возможно, переживал негативные эмоции в связи с воспоминаниями о родителях и своих отношениях с ними. Маленький размер изображения связан, скорее всего, с недостаточно высокой самооценкой ребенка, сильным контролем со стороны родителей или, наоборот, недостаточным вниманием. Улыбки на лицах родителей трудно оценить как положительные, так как отсутствует четкая прорисовка лица и эмоции на рисунке искажены, не расцениваются однозначно. Ребенок, видимо, нуждается в особом индивидуальном подходе в общении, в дальнейшем психологическом наблюдении.

В целом же можно говорить с тем, что в большинстве случаев первоклассники имеют довольно благоприятную семейную обстановку. Семья для ребенка действительно является комфортной средой, местом, где можно восстановить силы, получить эмоциональную поддержку. Поэтому, если в период адаптации к школе ребенок и будет переживать трудности или даже поражения, то в семье ему будет оказана помощь в решении проблем.

Результаты исследования не только позволяют сделать выводы о специфике семейных отношений в семьях обследуемых первоклассников, но и могут способствовать организации

дальнейших мероприятий по глубинной диагностике личности адаптирующегося ребенка и оказании психолого-педагогической помощи в преодолении трудностей. Проведенное исследование дополняет уже имеющийся в области практических исследований опыт диагностики гендерных различий методом “Рисунок семьи”, позволяет обнаружить способность данной проективной методики изучать особенности поло-ролевых отношений в семье [4].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Битянова М.Р. Адаптация ребенка в школе: диагностика, коррекция, педагогическая поддержка. М., 1997. С.3.
2. Она же. Организация психологической работы в школе. М., 1997.
3. Гуткина Н.И. Психологическая готовность к школе. М., 1996.
4. Мещеркина Е. “Зазеркалье” гендерных стереотипов // Вы и мы. 1997. №.1. С.20 –23.
5. Рабочая книга школьного психолога / Под ред. И.В.Дубровиной. М., 1991.
6. Самоукина Н.В. Игры в школе и дома: психотехнические упражнения и коррекционные программы. М., 1995. С. 90–92.
7. Степанов С.С. Диагностика интеллекта методом рисуночного теста. М., 1996.
8. Чистякова М.И. Психогимнастика. М., 1990.
9. Шевандрин Н.И. Психодиагностика, коррекция и развитие личности в педагогической практике. Ростов н/Д, 1992. С.123–126.

Е.В.Гаврилова, А.А. Лузаков

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВОСПРИЯТИЯ И ОЦЕНИВАНИЯ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН (ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Игнорирование половых различий в восприятии, понимании, стиле общения приводило и до сих пор

приводит к ошибкам в работе педагогов и руководителей всех уровней. Отечественные гендерные (т.е. направленные на изучение половой, и особенно женской, специфики) исследования в России имеют небольшую традицию, а большинство публикуемых сегодня научных данных получены за рубежом, т.е. в иной социокультурной среде, и потому мало пригодны для практического использования у нас. Поэтому так важно эмпирическое изучение проявлений психологической специфики полов в конкретных группах людей, живущих в конкретных условиях, и на этой основе – вооружение полученными знаниями родителей, педагогов, руководителей.

Среди возможных подходов очень перспективным является изучение субъективной картины мира людей, а точнее – ее фрагментов, отражающих ту или иную сферу реальности. Мир для человека таков, каким он его видит. Этот созданный им мир может не совпадать с реальной действительностью. Поведение, следовательно, зависит от индивидуальных субъективных значений. При исследовании этой “внутренней реальности” эффективно используются психосемантические методы, развивающиеся в России с 1980-х гг. [4;6;3]. Используя многомерную статистику, исследователь получает три–шесть обобщенных категорий, мерок, сквозь призму которых данная группа респондентов фактически воспринимает и оценивает (не всегда осознавая это) конкретную сферу реальности, например, окружающих людей, политиков, автомобили, растения и др. Это называется реконструкцией категориальной структуры сознания. Полученную структуру еще называют семантическим пространством, которое можно изображать графически как своеобразную карту, отражающую субъективную картину мира наших респондентов и то, как в ней “размещены” разные объекты.

Нами проведено психосемантическое исследование, целью которого явилось изучение особенностей межличностного восприятия мужчин и женщин.

Респондентами стали студенты 2–3-х курсов Кубанского государственного университета (социологи, востоковеды, психологи, математики) – всего 52 человека, в том числе 32 женщины и 20 мужчин (количество респондентов 20–25 человек в психосемантическом эксперименте признается достаточным для получения матрицы с надежной корреляционной структурой, пригодной для сопоставления с матрицей другой группы [3]).

В нашем исследовании использовался и апробировался авторский набор шкал-дескрипторов. Он был составлен, исходя из задач более широкого исследования, которое посвящено прояснению психологического содержания духовности личности и ее проявлений (см. [2]). Дескрипторы предъявлялись в форме 43 утверждений, описывающих поведение, предпочтения или переживания человека. Например: испытывать постоянную потребность в новых людях, знакомствах; сплетничать; переживать бессмысленность своей жизни; во всем предпочитать стабильность и постоянство и т.д. Респондентам предлагалось описать нескольких конкретных людей из ближайшего окружения и образы-типажи (всего 12 объектов), используя для этого семибальные шкалы. Точки на шкале отражали вероятность поступка или переживания для описываемого человека. Перечень объектов приводится в пояснении к рисунку.

В результате обработки данных с помощью факторного анализа было выделено четыре значимых фактора, объясняющих 75% общей дисперсии. Полученная структура факторов отражает систему общих категорий (“мерок”), которые наши респонденты используют при восприятии, оценке других людей и самих себя. Прежде чем раскрыть психологическое содержание полученных факторов, сделаем одно важное замечание. Сами основания категоризации (структура факторов) вряд ли являются одинаковыми у мужчин и женщин. Нами была проведена раздельная факторизация мужской и женской матрицы и обнаружены интересные различия в самом строении

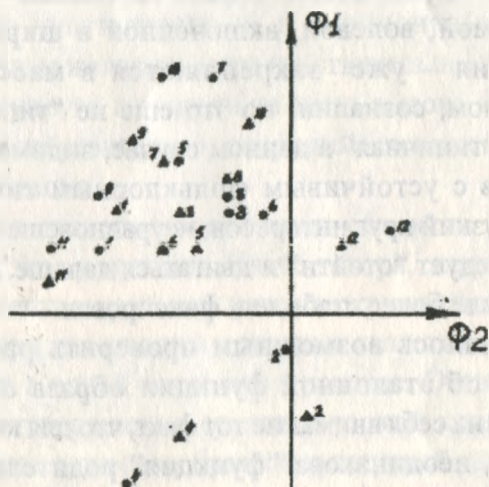
семантических пространств в сознании юношей и девушек. Но эти данные мы намерены осветить в последующих публикациях. Сейчас же мы проанализируем результат факторизации всего массива данных (без разделения на половые группы). Осознанно идя на такое огрубление информации, мы искали наиболее общие основания категоризации, присущие студентам, т. е. делали срез того, что принято называть “общественным сознанием”, “общественным мнением” социальной группы. Половая специфика здесь учитывалась пока только в размещении объектов в полученном общем семантическом пространстве.

Первый двухполюсный фактор был интерпретирован как фактор “соответствие социально одобряемому поведению”. Наиболее полярными по этому фактору оказались “неуважаемый человек”, с одной стороны, и идеальный образ себя и желаемого супруга — с другой. Фактор как обобщенное основание категоризации включает ряд шкал, описывающих поступки и чувства. Так, в число неодобряемых вошли следующие поступки: вскрыть чужое письмо; сплетничать; болезненно реагировать на превосходство других в материальных возможностях; не выполнить в срок порученную работу и т.п. Одобряемыми поступками оказались такие, как: любить дарить подарки; делать кому-то доброе дело, не рассчитывать на благодарность; терпимо относиться к самодовольным людям и т.п. Таким образом, первым основанием категоризации при восприятии людей у наших респондентов является общая оценка человека с точки зрения принятых социальных норм, что подтверждают данные других авторов, полученные с использованием иных шкал-дескрипторов [6].

Второй фактор, учитывая содержание вошедших в него шкал, отражает “чувствительность, эмоциональность” с оттенком дезадаптивности, неприспособленности к реалиям жизни. Противоположный полюс фактора презентрует “толстокожесть”, готовность к жестким требованиям жизни.

Третий биполярный фактор явился третьей координатной осью субъективного семантического пространства. Он отражает “практичную приземленность, стремление к стабильности” или наоборот – “спонтанность самовыражения, стремление к новому, увлекаемость”. Полярными по этому фактору оказались художник, с одной стороны, бизнесмен и мать – с другой.

Четвертый фактор объединил дескрипторы, отражающие качества, необходимые для успешной социальной адаптации именно в последнее время, его можно обозначить как “активность, деловитость, ориентацию на конкуренцию”. Полярными по этому фактору оказались, с одной стороны, бизнесмен (для респондентов обоих полов), а с другой – неуважаемый человек (для мужчин) и типичная женщина (для женщин). Интересно отметить, что у юношей здесь ярче проявилась полярность, радикальность оценок.

Размещение объектов в пространстве первых двух факторов

Примечание. Круги – объекты женщин, треугольники – мужчин. Цифрами обозначены объекты: 1 – типичный мужчина; 2 – типичная женщина; 3 – человек моего поколения и моего пола, который вызывает у меня восхищение (уважение); 4 – человек моего поколения и моего пола,

которого я презираю (не уважаю); 5 – человек старше меня, который оказал (или смог бы оказать) на меня большое влияние; 6 – я сам (я сама); 7 – таким (такой) бы мне хотелось быть; 8 – моя мать; 9 – мой отец; 10 – человек, которого я хотел (а) бы видеть своей женой (мужем)(или мой идеал супруга); 11 – бизнесмен; 12 – художник.

Анализ размещения объектов в четырехмерном пространстве (на рисунке представлено пространство, образуемое пересечением только первых двух факторов) позволяет описать мужскую и женскую специфику восприятия себя, ближайшего окружения и образов-типажей.

Образ “типичной женщины” получил явно негативную оценку у мужчин и достаточно негативную у женщин. “Типичный мужчина” – гораздо более положительный типаж в сознании респондентов обоих полов. В этом странном на первый взгляд факте, как нам кажется, отражен продолжающийся в городах России процесс изменения традиционной роли женщины. Черты нового образа женщины – более активной, независимой, волевой, включенной в широкие социальные отношения – уже закрепляются в массовом, особенно молодежном, сознании, но это еще не “типичная женщина”. Понятие “типичная” в данном случае, видимо, ассоциируется у студентов с устойчивым фольклорным типажом (капризы, сплетни, узкий круг интересов, неуравновешенность), т. е. с тем, от чего следует “отойти” и двигаться дальше. Мужской типаж в этом смысле более стабилен, фиксирован.

Оказалось возможным проверить распространенную гипотезу об эталонной функции образа отца или матери. Обращает на себя внимание тот факт, что для юношей и девушек, очевидно, неодинакова “функция” родителя своего пола по отношению к себе нынешнему и себе идеальному. Девушки идентифицируют с матерью больше свое сегодняшнее “Я”, чем “идеальное Я”. Юноши идентифицируют с отцом больше “идеальное Я”, чем реальное “Я”. В целом же, по нашим данным, идентификация с родителями более ярко выражена у юношей. То же касается и степени сходства

образа идеального супруга (супруги) с собственными родителями: у юношей это сходство заметнее. Подтверждается известный в психологии факт, что “отрыв психологических корней” от семьи, субъективная автономизация у девушек происходит раньше.

Образ желаемой супруги для юношей находится в той же области семантического пространства, что и Я-идеал для девушек, т.е. можно говорить о близости Я-идеала для девушек и образа желаемой супруги для юношей. Таким образом, наши данные не подтверждают распространенное мнение о том, что женщины на самом деле хотят быть другими, нежели их хотели бы видеть мужчины.

Насколько обосновано мнение, что тонкость переживаний сегодня не в почете, что жизнь заставляет быть “толстокожим”? Мужской образ желаемой супруги по сравнению с женским образом идеального супруга оказался, как и следовало ожидать, несколько более чувствительным и эмоциональным. Но по абсолютным баллам желаемая мера чувствительности, тонкости переживаний и супруга, и супруги не очень высока. Видимо, это качество сегодня действительно воспринимается как препятствие к успешной адаптации.

У женщин степень поляризации объектов по первому фактору выше, чем у мужчин. Иначе говоря, женщины более радикальны в оценке моральных качеств окружающих.

Образ матери для юношей и девушек является сходным, т.е. находится почти в одной точке пространства. Очевидно, здесь мы находим подтверждение архетипической природы этого образа, который является своеобразной культурной универсалией, нивелирующей половые (и в значительной степени индивидуальные) различия. Образ отца у юношей и девушек отличается больше, и главным образом из-за четвертого фактора (активность, деловитость, ориентация на конкуренцию). Девушки оценивают своего отца по этому качеству ниже, чем юноши. Очевидно, ролевые ожидания по отношению к

“кормильцу семьи” в нынешних условиях у девушек выражены более ярко. Идеальный супруг для девушек по указанному качеству имеет довольно высокую оценку. Заметим, что и самих себя здесь девушки оценили несколько выше, чем юноши. Студентки также противопоставляют себя “типичной женщине”, негативному образу в их глазах. Что это – переоценка своих способностей или действительно более высокая готовность жить в мире новых экономических реалий? Было бы интересно проследить, насколько объективно такое различие самооценок, но это выходит за рамки данного исследования.

Если учесть, что образы-типажи художника и бизнесмена оказались полярными в семантическом пространстве, можно заметить смещение объектов к полюсу бизнесмена (эта часть пространства более “населена”, более актуализирована в сознании студентов), а художник находится как бы в стороне. Для наших молодых респондентов бизнесмен сегодня больше ассоциируется с реальной жизнью, чем художник.

В заключение отметим, что использованный метод оказался продуктивным для решения поставленных задач. Удалось обнаружить не только содержательные отличия мужского и женского восприятия, описанные в данной статье, но и структурные отличия (в самом наборе используемых “мерок” восприятия), что мы постараемся отразить в дальнейших публикациях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алешина Ю.Е., Волович А.С. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // Вопросы психологии. 1991. №4.
2. Гаврилова Е.В. К психологическому изучению духовности: возможные корреляты в теориях личности / Вестник студенческого научного общества. Краснодар, 1998.
3. Лузаков А.А., Базылева О.В. Категориальные структуры сознания и мотивационные образования личности // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 2. Краснодар, 1997.

4. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М.,1997.
5. Таннен Д. Ты меня не понимаешь! (Почему женщины и мужчины не понимают друг друга.). М.,1996.
6. Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М.,1983.

В.М.Юрченко
**УПРАВЛЕНИЕ
РЕГИОНАЛЬНЫМИ
КОНФЛИКТАМИ
(КОНФЛИКТНЫЙ
МЕНЕДЖМЕНТ)**

Всеобщность и постоянство конфликтов в жизни общества, их принципиальная неустрашимость не означают, что каждый конфликт неустрашим в той форме, тех масштабах и такой напряженности, в которых он реально осуществился. Полностью исключить конфликты из общественной жизни действительно невозможно, но это не значит, что нельзя избежать ни одного из них. Задача разрешения региональных конфликтов исходит из возможности влиять на причины конфликтной ситуации, определенным образом направлять течение самого конфликта с тем, чтобы использовать в своих интересах его результаты или преодолевать отрицательные последствия.

По мнению В.Л.Хесли, “устойчивый демократический режим возможен лишь в случае, если государство сможет разработать эффективную стратегию управления конфликтом и, что было бы оптимальным, его разрешения” [13, с.45].

Рациональное управление конфликтом не может отменить или заменить социальную революцию или локальные коллизии, но оно в состоянии придать объективно конфликтному процессу формы, способные обеспечить минимизацию неизбежных экономических, социальных, политических, нравственных потерь и максимизировать соответствующие достижения. Именно здесь – суть управления конфликтом [15, с.9].

Политика как управление конфликтом означает установление приемлемого общественного консенсуса,

примирение на первый взгляд несовместимых интересов в контексте социального порядка.

Наблюдение за развитием региональных конфликтов показывает, что продуманные действия, направленные на их предупреждение и регулирование, могут приводить к желаемым результатам. С их помощью возможно оттянуть начало конфликта, направить в более безопасное русло его разрушительную энергию, предупредить или ослабить крайне негативные социальные последствия.

Р.Дарендорф считает, что регулирование социальных конфликтов является “решающим фактором уменьшения насильственности почти всех видов конфликтов. Конфликты не исчезают посредством их регулирования, они не обязательно становятся сразу менее интенсивными, но в такой мере, в какой их удастся регулировать, они становятся контролируемыми, и их творческая сила становится на службу постепенному развитию социальных структур” [5, с.145]. Управление конфликтом и конфликтное управление обеспечивают внедрение в общественное сознание качественно новой конфликтологической структуры, отсутствие которой затрудняет движение России в сторону максимально цивилизованных социальных отношений [16, с.57].

Говоря об общих ориентирах конфликтологического мониторинга, специалисты предлагают оценить, какие конфликтогенные факторы и условия необходимо принять во внимание в первую очередь.

К их числу относятся: принципиальная оценка данного исторического этапа (например, для современной России это оценки конфликтных ситуаций с точки зрения преодоления тоталитарного прошлого и демократизации отношений в данном регионе, республике, сфере общественной жизнедеятельности); определение типа разворачивающегося конфликта, особенностей его протекания и отсюда – конкретных способов и средств его урегулирования; оценки приоритетности и

степени остроты конфликта (в отличие от типологизации здесь проходит дифференциация конфликта или конфликтов и вследствие этого установление первоочередности предпринимаемых шагов); определение стадии разворачивания конфликта и основных сил, действующих на этой стадии и влияющих на ее течение; выявление стереотипов и механизмов конфликтогенного поведения (в отличие от предшествующих аспектов, где происходит рационализация и институализация конфликтного противоборства, данный аспект мониторинга своей задачей имеет интернационализацию конфликта) [11, с. 6-21].

В системе мер и способов управления конфликтами большое значение имеет организация переговорного процесса, в котором решающая роль принадлежит институту посредничества. Эту роль могут играть отдельные индивиды, группы лиц, организации. В западной конфликтологии данное направление, в рамках которого рассматриваются разнообразные теоретические и практические вопросы – от границ применения института посредничества до требований, предъявляемых к личности самого посредника, носит название конфликтного медиаторинга.

Специфика переговоров как одного из видов межэтнического общения состоит в том, что возникшие конфликтные отношения являются условием обращения к переговорам, так как в конфликте другие формы общения не приносят больших результатов. Кроме этого в переговорах наиболее очевидно представлены этнокультурные характеристики его участников и ярко выражена их социально-психологическая составляющая. Именно в переговорах мы встречаемся с тем явлением, когда деловая, предметная проблема эмоционально отягощена поверхностными факторами, историей отношений, социально-психологическими качествами личности переговоривающихся, этнопсихологическими правилами взаимодействия, сложившимися эталонами

и стереотипами поведения, способами реагирования и выражения мыслей и чувств, этническими экспектациями и т.д.

В каждой этнической культуре существуют свои представления о значимости тех или иных особенностей поведения партнера по общению. В.С. Агеев, проверяя данную гипотезу, приходит к выводу, что «в условиях межкультурного взаимодействия... “ключи” могут превратиться в препятствие для формирования адекватного представления о личности другого человека, приобрести ту “роковую” и “принудительную силу, о которой часто говорят зарубежные авторы в связи с исследованием межэтнических стереотипов» [1]. Но и в ситуациях общения между представителями одной этнокультурной группы закрепившиеся способы общения, прилагаемые мерки (“ключи”) для распознавания личности другого человека могут выступать в качестве тормоза, препятствия, барьера.

Наряду с этими факторами, определяющими внутри- и межэтническое общение, специалисты обращают особое внимание на невербальное поведение представителей различных культур, которое они считают заданным и ограниченным рамками культуры: “По мере того как культура развивается, обогащается и рафинируется, то же происходит и с невербальным языком. Он модифицируется, кристаллизируется, разворачивает новые символы, знаки, жесты с определенными значениями чувств и отношений, более или менее заданными для данной культуры и ограниченными ее рамками. Лица, не принадлежащие к этой культуре, не будут понимать точного значения ее невербальных знаков” [10, с.57].

В современных условиях активных межэтнических контактов наблюдается феномен привнесения новых способов общения с представителями своей культуры, не соответствующих сложившимся обычаям, что обуславливает движение к срыву коммуникации. Чрезмерная адаптация к нормам общения другой культуры или этнической группы, приводящая к

потере навыков общения, адекватных своей этнокультурной среде, неизбежно ведет к возникновению трудностей в общении с представителями своей этнической, национальной общности.

Важным фактором межэтнического и внутриэтнического взаимодействия являются ожидания, которые выступают в форме устойчивых когнитивно-эмоциональных образований и могут входить в структуру этнических стереотипов поведения, выступать в качестве показателей сложившихся ценностей и т.д. Многие исследователи межкультурного и межэтнического взаимодействия считают, что успех или неудача в общении определяются сходством или различиями в ожиданиях коммуникантов. Данный феномен изучался в связи с различными компонентами этнического сознания. Например, в виде установки, задаваемой экспериментатором в момент восприятия фотоизображения человека [8]. В указанной работе установлено, что на формирование суждений о человеке влияет информация о его национальной принадлежности, иными словами, от представителя той или иной этнической группы ждут проявления определенных черт характера, способов общения и т.д.

Один из известных исследователей этикета, техники общения жителей Северного Кавказа, особенно кабардинцев, черкесов, адыгейцев, Б.Х. Багажников отмечает, что степень, в которой реализует себя традиционно-бытовая культура общения, различна у разных личностей, у разных возрастных и профессиональных групп внутри этноса. В то же время он подчеркивает, что важным регулятором отношений жителей Северного Кавказа в быту и на работе являются этикет общения, различные коммуникативные табу, которые распадаются на три типа: языковые, тематические, контактные. Последние сохраняются повсеместно, особенно в условиях сельской местности, и затрагивают общение: между супругами; между родителями и детьми; между женой и родственниками мужа;

между мужем и родственниками жены.

женщин, чем мужчин. Наиболее яркой формой их проявления является обычай избегания. Одним из способов проявления контактных табу считается разделение гостей на группы по половозрастному принципу: старшие мужчины, старшие женщины, молодые мужчины, молодые женщины. Каждая из этих групп рассаживается в отдельной комнате, что ограничивает контакты. Помимо этого наблюдается половозрастная спецификация коммуникативного поведения, распространяющаяся как на речевые, так и на неречевые средства общения. Особенно коммуникативная специализация наблюдается в общении старший – младший и между людьми противоположного пола (мужчина – женщина). Правилам общения подчиняется использование пространства в общении. “Отсюда, – пишет Б.Х. Багажноков, – своеобразные мизансцены взаимодействия. Ограничение дистанции между членами диады, ведущими беседу, также подчиняется коммуникативным правилам. Например, дистанция общения между мужчиной и женщиной должна соответствовать полутора метрам, при этом исключаются формы телесного контакта. “Это ограничение распространяется в равной мере на малознакомых, близко знакомых, супружеские пары – словом, на все типичные ситуации социального взаимодействия” [4].

А.Н.Чумиков выделяет аналитико-методологический, ситуационно-технологический и процедурный этапы регулирования социальных конфликтов, последовательное и параллельное осуществление которых способно значительным образом понизить конфликтогенность в переходном российском обществе. Налаживание медиаторского механизма, владение переговорным искусством, фасилитаторское мастерство (управление проведением собраний, встреч, совещаний) относятся к последнему этапу – этапу профессионального использования определенных процедур построения межличностных, межгрупповых и иных общественных взаимоотношений, направленных на снижение конфликта и достижение желаемого результата [14, с.18].

Посредник в переговорном процессе не только должен прекрасно знать специфику переговоров, особенности участвующих в них сторон, но и руководствоваться рядом принципиальных соображений всеобщего характера. Во-первых, он должен исходить из того, что в конфликте не бывает абсолютно правой стороны. Для него все участники переговорного процесса находятся в равном положении как субъекты выражения определенных интересов. Не дело посредника давать собственную оценку этих интересов и тем более подразделять их на значимые и второстепенные, хорошие или плохие. Он должен внимательно и уважительно отнестись к любой заявленной позиции и донести ее содержание до другой стороны, если еще отсутствуют условия непосредственного взаимодействия. Именно в процессе взаимного узнавания других позиций и резонов как значимых и достойных уважения возникает первая возможность доброжелательного и заинтересованного обсуждения существующих проблем.

Во-вторых, посредник изначально должен учитывать, что стоящие перед ним задачи придется решать в процессе непосредственного общения с разными людьми. Нельзя заранее предусмотреть все возможные ситуации, мотивы и побуждения, которые для участников конфликта имеют определяющее значение. Здесь потенциально могут иметь значение все без исключения факторы и мотивы собственно человеческого поведения, включающие объективные и субъективные, материальные и духовные, идеальные, рациональные и прочие моменты. Их никогда нельзя представить исчерпывающим образом, и поэтому в характеристике предполагаемого развития событий в конфликте всегда будет присутствовать значительная доля вероятности.

В-третьих, сохраняет прежнее значение правило римских юристов начинать рассмотрение споров с поиска ответа на вопрос: "Кому это нужно?" Только на основе учета и сопоставления интересов участников конфликта можно

рассчитывать, что попытка посредничества не увязнет во множестве частных мнений, иллюзий, предрассудков участвующих в конфликте людей. Правильно понятый интерес участников конфликта представляет собой ключ успешного разрешения конфликтной ситуации, непереносимое условие соглашения, имеющего под собой достаточно прочный фундамент.

Таким образом, требования к медиатору политического конфликта (им может быть международная организация, отдельное государство, орган власти, общественная организация или политический деятель) включают в себя беспристрастность, объективность, обладание рычагами воздействия на стороны, заинтересованные в мирном разрешении конфликта. Что касается лиц, которые непосредственно выполняют посреднические функции, то от них требуется глубокое знание методов и средств, применяемых при разрешении конфликта, выдержка и независимость от конъюнктурных политических колебаний, способность противостоять давлению сторон. Немалое значение имеет личный авторитет. Об исключительно высоких требованиях, предъявляемых к личности посредника, говорит опыт западных стран. Там часто в сложных конфликтных ситуациях большого общественного звучания роль третейского судьи выполняют лауреаты Нобелевской премии. В западных странах существует институт профессиональных посредников [9, с.60].

В странах и районах, где преобладает традиционная социокультура, эти посредники – чаще всего старейшины, религиозные и племенные авторитеты.

Сейчас профессиональные посредники появляются и в России, на Северном Кавказе.

М.М. Лебедева справедливо называет посредническую деятельность делом особо тонкого и деликатного свойства. «Решений в конфликтах, как и результатов этих решений, – пишет она, – бывает несколько, и все они могут быть “правильными”. Неважно, какое из них будет выбрано,

главное, чтобы оно в наиболее полной мере удовлетворяло противоборствующие стороны. При этом следует помнить, что вмешательство в конфликт даже с самыми благими намерениями непременно требует высокого уровня профессионализма, в противном случае можно лишь усложнить его. Поэтому требование, выдвинутое еще Гиппократом к врачам – “Не навреди”, – очевидно, в полной мере относится и к тем, кто занят поисками мирного пути выхода из конфликтных ситуаций» [7, с.59].

Наряду с безупречными личными качествами на успех посреднической деятельности влияет опыт конкретных приемов и способов достижения соглашения. Так, например, с успехом применялся в условиях межнациональных конфликтов на Ближнем Востоке так называемый метод единого текста, авторами которого были специалисты Школы государственного управления имени Джона Ф. Кеннеди при Гарвардском университете.

Практическое применение этого метода не вызывает больших затруднений. Вначале третья сторона с помощью заранее подготовленного проекта вырабатывает вариант договора и дает его одной из состоящих в конфликте сторон. При этом оговаривается, что предложенный вариант не является отражением позиции посредника и не требует принятия по нему обязательного решения. Этот проект можно критиковать, высказывать собственные соображения относительно отсутствующих деталей, предлагать свои варианты. То же самое предлагается проделать и другой стороне. Очередной вариант переделанного сторонами договора многократно возвращается посреднику. В результате достигается оптимальное соглашение, которое становится приемлемым для всех.

Представляют определенный интерес сформулированные теми же специалистами основные принципы ведения переговоров в различных конфликтных ситуациях. При ведении принципиальных переговоров следует

учитывать, что человеческие существа не компьютеры и поэтому, во-первых, необходимо делать “разграничение между участниками переговоров и предметом переговоров”. Во-вторых, не следует концентрировать внимание на позициях, заявленных участниками. Достижение компромиссов между позициями вряд ли приведет к устойчивому соглашению. Поэтому следует “сосредоточиться на интересах, а не на позициях”. В-третьих, надо быть готовым к многочисленным, неожиданным и разнообразным трудностям на пути выработки оптимального решения. Поэтому целесообразно “разрабатывать взаимовыгодные варианты”. В-четвертых, снизить влияние волюнтаризма на ход переговоров можно, обращая внимание участников на то, что неуступчивость не является достаточным аргументом и что соглашение должно отображать какие-то общие справедливые нормы. Поэтому следует “настаивать на использовании объективных критериев” [12, с.28-29].

Профессор Ч. Ликсон, перечисляя семь основных составляющих поэтапного метода улаживания конфликтов, характеризует их следующим образом.

Первый этап – выявление истинных мотивов претензий конфликтующих сторон.

На втором этапе необходимо выяснить, в чем состоит реальная проблема, которая порой скрывается за многими кажущимися.

Третий этап – отказ от установки “победы любой ценой” как позиции людей, которые никогда не выигрывают. Победа в конфликте – такая же нелепость, как добро с кулаками. В конфликтах не побеждают, их улаживают.

Четвертый этап – разработка нескольких вариантов разрешения конфликта. Необходимо оценить эти варианты в конкретной ситуации.

Пятый этап – выбор лучшего варианта улаживания конфликта, причем лучшего работающего варианта, который как можно больше дает каждой из сторон и при

этом реален. Принятое решение должно позволить перейти от конфликтной ситуации к улаживанию конфликта.

Шестой этап – информирование сторон о предложениях по урегулированию конфликта. Необходимо привлечь внимание оппонентов, довести информацию до их сведения и убедиться, что она воспринята.

Седьмой шаг предполагает сохранение взаимоотношений сторон при улаживании конфликта. Участники должны оценить достоинства позиции оппонента, его ценность как личности.

Последний шаг позволяет, по мнению автора, довести дело до конца и предотвратить столкновение сторон [8].

На основе анализа отечественного (особенно в условиях становления государственности Республики Адыгея) и зарубежного опыта этноконфликтологии А. Ю. Шадже определила основные методологические подходы к политическому диалогу разрешения этнических конфликтов. Для его ведения необходимо:

- “осознать, что диалог – рациональный и цивилизованный путь разрешения этнических конфликтов; ни одна страна (или сторона) еще не проиграла от того, что она решала свои проблемы мирным путем;

- уметь отвлечься от взаимных притязаний, проявить мужество и долготерпение для мирного урегулирования конфликта;

- стремиться к поиску такой точки зрения, которая соответствовала бы собственным интересам каждой из сторон; принятию принципов диалогического взаимодействия, которые защищали бы права каждого человека и вели бы не только к разрешению данного конфликта, но и управлению своими дальнейшими отношениями;

- помнить, что искусство соглашения требует патриотической преданности общему делу” [17, с.221-222].

Каждый из конкретных приемов преодоления и регулирования конфликтов наиболее уместен и

эффективен в зависимости от конкретной ситуации, но все они потенциально применимы в условиях зарождающегося конфликта. Все дело в искусстве применения наиболее адекватного способа разрешения конфликта.

В неустойчивом состоянии политического конфликта бывает уместно с точки зрения политической целесообразности не спешить с преждевременными политическими заявлениями или действиями, воспользоваться выжидательной тактикой пока ситуация не прояснится. Конечно, политическое бездействие может оказаться столь же рискованным, как и политическое решение. Однако политический опыт показывает, что преимуществом пользуются те политические деятели, которые избегают суетливости и не спешат раньше других заявить свое особое мнение [6, с.7].

Услугами профессиональных медиаторов в США пользуются в различных конфликтных ситуациях: в случае конфликта предприятий или организаций между собой; при столкновении интересов отдельных граждан или социальных групп и т.п. Для осуществления практической деятельности созданы частные и государственные службы (особые бюро и отделы), субсидируемые правительством, крупными фирмами, общественными организациями или частными лицами. Основанный в 1983 г. Национальный институт разрешения диспутов осуществляет разработку новых методов и средств медиации, эффективных программ обучения ведению переговоров [2, с.92].

Большинство современных медиативных техник направлено на нормализацию отношений между конфликтующими сторонами и достижение конкретного решения проблем, стоящих перед ними. Эти техники часто называют техниками контекстуального вмешательства и именно их чаще всего использует медиатор. Если конфликтующие стороны предъявляют нереальные требования друг к другу, то посредник обычно стремится активно изменить их,

демонстрируя, в чем состоит нереалистичность и неконструктивность позиций сторон. При проявлении враждебности в ходе переговоров, возникает необходимость жестко контролировать ситуацию, оказывая давление на представителей сторон и разъясняя последствия неконструктивного поведения.

При множестве обсуждаемых вопросов медиатор обычно стремится выделить приоритетные и упростить ситуацию, определяя действительные и ложные проблемы, предлагая сторонам обсудить и поторговаться из-за того, что кажется наиболее важным.

В случае невозможности прямого регулирования политических, политико-экономических, этнополитических конфликтов остаются косвенные механизмы, связанные с индивидуальным воздействием на лидеров, с народной дипломатией, системой обучения молодежи и др. Они имеют целью подготовить почву для проведения в дальнейшем действий по непосредственному урегулированию конфликта [14, с.22].

Соглашение о создании Адыгейско-Кубанского научно-образовательного комплекса, подписанное в апреле 1998 г. ректорами Адыгейского и Кубанского государственных университетов, по нашему мнению, самым действенным образом отразится на снижении конфликтного потенциала на Северном Кавказе. Не случайно в этой акции самое деятельное участие приняли Президент Республики Адыгея и губернатор Краснодарского края.

В сложных, постоянно меняющихся условиях развития межнациональных отношений на Северном Кавказе федеративное государство также призвано все время решать медиационную задачу для обеспечения интеграции общества и его поступательного развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агеев В.С. Механизмы социального восприятия // Психологический журнал. 1989. № 2.

2. Алешина Ю.Е. Проблемы теории и практики медиации. Личность. Общение. Групповые процессы: Сб. ИНИОН АН СССР. М., 1991.
3. Андрианов М.С. Анализ процессов невербальной коммуникации как паралингвистика // Психологический журнал. 1995. № 5.
4. Багажноков Б. Х. Психология и техника коммуникативного поведения адыгов // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1982.
5. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социс. 1994. № 5.
6. Запрудский Ю.Г. Конфликтность политического риска // Политический риск. Ростов н/Д, 1997.
7. Лебедева М. М. Трудный путь урегулирования конфликтов // Вестник Московского университета. Серия. 18. 1996. №2.
8. Ликсон Ч. Конфликт: семь шагов к миру. Спб., 1997.
9. Нэх В. Ф. Политический конфликт, технология инициирования, регулирования, разрешения // Вестник Московского университета. Серия 12. 1995. № 5.
10. Ситарам К., Когделл Р. Основы межкультурной коммуникации // Человек. 1992. № 2.
11. Степанов Е.И. Методологические ориентиры экспертизы и регулирования социальных конфликтов // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 6 / Ин-т социологии РАН. М., 1994.
12. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию или переговоры без поражения. М., 1990.
13. Хесли В.Л. Национализм и пути разрешения межэтнических противоречий // Полис. 1996. №6.
14. Чумиков А.Н. Регулирование социально-политических конфликтов в постсоветской России // Власть. 1996. № 10.
15. Чумиков А. Управление конфликтами. М., 1995.
16. Чумиков А.Н. Управление конфликтом и конфликтное управление как новые парадигмы мышления и действия // Социс. 1995. № 3.
17. Шадже А. Ю. Политический диалог как средство разрешения этнических конфликтов // Социально-политический журнал. 1996. № 2.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

Партии справедливо считают “самыми политическими” (Р.Доуз) из всех общественных организаций. В многочисленных исследованиях отечественных и зарубежных ученых досконально изучены процесс партогенеза, типы партий и партийных систем, их функции. “Воплощая право человека на политическую ассоциацию с другими людьми, партия отображает общегрупповые интересы и цели разнообразных (социальных, национальных, конфессиональных и проч.) слоев населения, их идеалы и ценности, утопии и идеологии” [10, с.213].

В последние десятилетия активно заявили о себе региональные партии, многие из них сформировали свои фракции в парламентах. Тем не менее в политологических исследованиях данный феномен пока не нашел адекватного отражения. В отечественных учебных пособиях региональные партии как тип выделены лишь Г.В.Голосовым [1, с.120]. Последний ссылается на С.Липсета и С.Роккана, назвавших конфликт между центром и периферией важнейшим фактором развития партийных систем.

Почему же вопрос приобрел особую актуальность? Можно предположить, по крайней мере, два объяснения.

Первое связано с утверждением регионализма как важнейшего течения глобального политического процесса. Региональные отличия воспринимаются не с позиций иерархии (современные и отсталые), а с позиций ценности многообразия и саморазвития. Наиболее ярко и отчетливо регионализм проявляется на европейском континенте. Возможности политической институционализации регионализма разнообразны. Это и создание специальных органов Европейского союза (Комитет регионов, Совет регионов и общин Европы и др.), и формирование новых административно-территориальных единиц на базе историко-культурных

регионов (Испания, Франция, Польша, Португалия). Специфической формой политической институционализации стало создание региональных партий, выражающих интересы региональных общностей и имеющих, как правило, солидную предысторию в виде общественных движений и региональных объединений.

Второе объяснение – это возросший интерес политологов к хронологическим свойствам политического. Как отмечает А.И.Соловьев, в русле данных подходов политическое выступает как совокупность взаимосвязанных “местосвершений” (локализаций) отдельных действий. Автор утверждает: “Никто не может охватить зрением весь политический мир. Следовательно, от взгляда с той или иной, но вполне определенной точки зрения, а также от степени охвата людьми политических процессов будут зависеть их идеологические и прочие позиции” [11, с.18]. Если продолжить эту мысль, то нахождение субъекта в интересующей нас точке (регион) будет определять возможности его политической оптики.

К крупнейшим региональным партиям европейского континента можно отнести следующие:

Великобритания – Шотландская национальная партия, “Плайд Кимру” в Уэльсе и “Шинн Фейн” в Северной Ирландии;

Испания – Конвергенция и союз Каталонии, “Эрри батасуна” в Стране басков;

Италия – Лига Севера.

На североамериканском континенте сильные региональные партии действуют в Канаде (Квебекская партия и Партия реформ, по сути представляющая интересы тихоокеанского региона страны).

Феномен создания региональных партий, как подчеркивает Г.В.Голосов, весьма распространен и в странах “третьего мира” с многопартийной системой. Так, политические партии Дагомеи (ныне Бенин) до 1974 г. строились исключительно на региональной основе [11, с. 120].

Анализ политической роли региональных партий и функций, выполняемых ими в политической системе, позволяет выявить ряд общих черт.

Большинство региональных партий возникло на волне широких общественных движений, добившихся автономии для своих территорий. Обеспечивая преемственность регионального политического процесса, партии постоянно апеллируют к своим историческим предшественникам. Так, Шотландская национальная партия, возникшая в 1928 г., имеет предтечу в лице Шотландской ассоциации самоуправления, которая лишь за период с 1889 по 1913 г. пятнадцать раз ставила вопрос о самоуправлении на обсуждение британского парламента [5, с.24]. Лига Севера в Италии объединилась под знаменем Ломбардской лиги, в память о союзе североитальянских коммун, победивших в XII в. Фридриха Барбароссу. Игра Лиги на героико-патриотических образах (средневековые шлемы и доспехи, боевые повозки с хоругвями и т.п.) находит отклик в сердцах избирателей).

Основной функцией партий данного типа становится региональная мобилизация. В современной политической науке мобилизация противопоставляется автономному участию, которое понимается как результат рационального самоопределения индивидов. Однако, как отмечает Д.В.Гончаров [2, с.129], в контексте современной политики идеал абсолютно автономного демократического участия рациональных индивидов может восприниматься лишь как утопия. Специфика региональной мобилизации, в сравнении с механизмами мобилизации других социальных групп, определяется тем, что мобилизационный призыв базируется на региональной идентичности. "Призыв общественных проблем" (термин Дж.Розенау) опирается на жизненно важные интересы и потребности региона, являющегося средой существования интересов классовых, партийных и пр. Основу такого призыва чаще всего составляет идеология "одной лодки".

Во многих случаях региональная мобилизация переплетается с этнической (в Квебеке, исторических областях Великобритании, испанских автономиях). Но взаимосвязь регионализма и национализма отнюдь не линейна. Данные опросов, приведенные А.Н.Кожановским [6, с. 73, 83, 107, 124], свидетельствуют о том, что региональная идентификация испанцев превалирует над этнической. Так, чувствуют себя каталонцами 74 % опрошенных, но к каталонцам причисляют и тех, кто родился в регионе от выходцев из других частей Испании. Факт рождения на территории “перевешивает” чуждость культурного облика и даже язык.

Объективно целью деятельности региональных партий является децентрализация политической власти. Степень децентрализации осознается и отражается в программных документах партий по-разному: от радикальных требований отделения (Квебекская партия, “Эрри батасуна”) до федерализации страны (Лига Севера призывает к превращению Италии в федерацию трех республик: Падании, Этррурии и Республики Юга) или автономизации в рамках децентрализованного унитарного государства (Испания, Великобритания). В речах лидеров региональных партий звучат порой угрозы целостности государств. Лидер Шотландской национальной партии А. Сэлмонд заявил: “В 2007 г. исполняется 300 лет со дня подписания Акта об унии. Готов держать пари на что угодно, что 400-й годовщины не будет” [5, с.25]. Лидер баскской партии Х.Арсальос: “То, что мы хотим, – это получить независимость, стать такой же европейской страной, как Португалия, Голландия или Дания” [4, с.3]. Опасения того, что подобные призывы будут реализованы, по меньшей мере, преувеличены. Электоральные успехи региональных партий (за исключением Квебекской партии, которая почти постоянно с 1976 г. возглавляет провинциальное правительство) таковы: коалиция “Конвергенция и союз Каталонии” получила на парламентских выборах 1996 г. 4,61% голосов, лига Севера в том же году – 10 % голосов избирателей [7, с.107].

Региональные партии вынуждены вступать в предвыборные коалиции, блокироваться с другими партиями в парламенте, отказываясь при этом от наиболее радикальных требований. В то же время полученная региональными партиями поддержка достаточно велика, чтобы ее можно было проигнорировать. Пришедшая к власти в 1996 г. Народная партия Испании, недобирая в парламенте до абсолютного большинства 21 голос, вступила в союз с каталонской и баскской региональными партиями, предоставив этим регионам ряд административных и налоговых льгот [8, с.7]. Британские лейбористы, введя положение о деволюции (передаче власти от центра местным органам управления) накануне выборов 1997 г., одержали безусловную победу в Шотландии и Уэльсе. В свете изменений структуры Европейского сообщества малые нации, даже при обладании сильно усеченными признаками государственности, смогут рассчитывать на представительство в европейских структурах.

Процесс политической регионализации в России поставил на повестку дня вопрос о возможности формирования достаточно сильных региональных партий.

Лидеры региональных политических элит прекрасно осознают мотивационный потенциал регионального самосознания и предпринимают энергичные меры по его усилению. Об этом можно судить по лозунгам, высказываемым губернаторами. Д.Аяцков (Саратовская область): “Мы все (т.е. жители области. – Е.М.) сегодня по одну сторону баррикады. Порой в разных окопах, но по одну сторону” [12, С.44]. М.Прусак (Новгородская область): “Мы не красные, не белые, мы – новгородские” [3, с.48–49]. Чувство принадлежности является одной из терминальных потребностей человека. В условиях кризиса, когда ослабевают все социальные связи, повышение значимости принадлежности к территориальной общности становится своеобразной компенсацией других социальных отношений. Рост регионального

самосознания служит важной социально-психологической предпосылкой создания региональных партий.

Первой стала партия “Преобразование Отечества”, созданная свердловским губернатором Э.Росселем. На выборах в Государственную Думу РФ в 1995 г. она набрала 12,07% голосов по Свердловской области, опередив ЛДПР, НДР, КПРФ, “Яблоко” и др. В настоящее время партию “Голос России”, представляющую интересы регионов, создает губернатор Самарской области К.Титов. Аналитики высказывают оправданные сомнения в том, что “Голос России” сможет представлять интересы всех регионов – слишком эти интересы различны. Но само направление эволюции партийной системы РФ путем включения в нее региональных партий вырисовывается достаточно четко.

Рассмотренный в статье феномен может быть связан с кризисом политической системы модернизационного типа как таковой. “Модернизаторский гегемонизм, – пишет А.С.Панарин, – базируется на презумпции, что все подвластно политической воле” [9, с. 92]. Технократическая самоуверенность связана с тем, что модернизационная система последовательно игнорирует высокосложный мир социокультурных феноменов: специфику регионов, этносов, религий и цивилизаций [9, с.92]. Постмодернизм проявляется в дроблении поля политики, он оспаривает презумпцию относительно “решающего преимущества” крупных форм и единых пространств. Чтобы сохранить открытый, конкурентный и плюралистический характер политической среды, общество должно легитимизировать тенденции предельного разнообразия. “Большие партии-монополисты могут позволять себе не замечать ни новых реальностей, ни новых потребностей” [9, с.120]. Региональные партии выступают в роли первооткрывателя и первовыразителя новых политических потребностей, они нарушают монополизм гигантов – выразителей традиционных политических идеологий, придают

партийным системам большую гибкость и в конечном счете жизнеспособность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Голосов Г.В. Сравнительная политология. Новосибирск, 1995.
2. Гончаров Д.В. Политическая мобилизация // Полис. 1995. № 6.
3. Деловые люди. 1998. № 86.
4. За рубежом. 1995. № 17.
5. Итоги. 1996. 16 сент.
6. Кожановский А.Н. Народы Испании во второй половине XX в. (Опыт автономизации и национального развития). М., 1993.
7. Международная жизнь. 1996. № 11–12.
8. Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 9.
9. Панарин А.С. Политология. М., 1997.
10. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. 2-е изд. М., 1995.
11. Соловьев А.И. Мозаичная парадигматика российской политологии // Полис. 1998. № 4.
12. Эксперт. 1997. № 33.

В.С. Колесник

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Научная дисциплина, которая занимается изучением “человека политического”, называется политической антропологией. Она созрела в лоне антропологической науки. В самом широком смысле антропология (от греч. антропос – человек) – это совокупность научных знаний о природе человека и его деятельности. Интеллектуальным предшественником современной антропологии был философский антропологизм XVIII–XIX вв., согласно которому только исходя из человеческой сущности, можно разработать систему представлений о природе, обществе, познании (Л.Фейербах, Ф.Ницше, Н.Чернышевский и др.). Однако уже изначально антропология мыслилась шире, чем просто философское осмысление проблем человеческой сущности. Помимо антропологизма, в ее состав включались другие дисциплины и концепции.

Со второй половины XIX в. понимание антропологии изменилось. Накопление научной информации неизбежно вело к дифференциации гуманитарного знания, к формированию на его стыках все новых дисциплин.

В настоящее время антропологическую науку, как правило, подразделяют на две большие части: физическую и культурную (или иначе – социальную) антропологию. Первая изучает физическое строение человеческого тела и антропогенез (т.е. проблему происхождения и формирования физического типа человека). Вторая представляет собой блок самостоятельных дисциплин (лингвистика, фольклористика, этнография

и собственно культурная, или социальная, антропология), рассматривающих в целостности культуру того или иного народа.

Понятия “культурная антропология” и “социальная антропология” нередко употребляют как синонимы. Первый термин используется в основном в США, второй – в странах Западной Европы, особенно в Великобритании. Однако между ними есть некоторая разница. Если британские антропологи рассматривают культуру как составную часть человеческого общества, то их американские коллеги, вслед за Лесли Уайтом, полагают, что социальность присуща не только людям, но и высшим животным. “Именно культура, а не общество выступает в качестве отличительной особенности человека; научное исследование этой особенности должно быть названо скорее культурологией, чем социологией” [3, с.116].

Исторически сложилось так, что антропологи преимущественно занимались изучением образа жизни дописменных народов. В то же время антропология не прерывала связи с другими общественными науками. Не случайно впоследствии появились такие специализированные подразделения культурной антропологии, как экономическая и юридическая, дополняющие классическую политическую экономию, а также историю государства и права; наконец, сформировалась особая, пограничная с политическими науками, новая для нашего научного сообщества дисциплина – *политическая антропология*.

Ее можно определить как науку о “человеке политическом”, т.е. о субъекте политического творчества, его возможностях и границах, специфике его воздействия на социальную и духовную среду общества. В рамках дихотомии “субъект – система” политическая антропология представляет субъекта, тогда как другие отрасли политической науки акцент делают на системе, институциональных сторонах политики.

ренессанса” – резкого повышения престижа и статуса гуманитарного знания, изживания “технократического синдрома” предыдущих десятилетий.

Это становится понятным ввиду многочисленных опасностей, угрожающих благополучию человека, его существованию на Земле. В связи с этим требуется мобилизация новых знаний о человеке и его среде, преодоление прежних упрощенных представлений о его сущности, его месте в природе, истории.

Среди данных знаний свое место занимает политическая антропология. В ней функциональный подход к политике дополняется ценностным, связанным с проблемами назначения и смысла, целей и средств, допустимого и недопустимого.

В политической антропологии анализируются актуальные проблемы гуманизации политики, защиты человека от жестоких политических технологий, “мегамашины” власти, возможности творческой самореализации личности в политической деятельности. Проблемы человеческого измерения политики, соотношения целей “большой политики” с запросами личности, ценностями индивидуального блага требуют гуманитарной экспертизы, которую, в частности, обеспечивает политическая антропология.

Вопрос о специфике “человека политического”, его отношениях с “экономическим человеком”, с человеком быта и досуга, другими ипостасями общественного человека приобретает важнейшее значение, в том числе в решении проблем разделения власти, разумного разграничения экономики и политики, политики и культуры, политики и идеологии. Новым в нашей общественной науке является и вопрос о специфической мотивации “человека политического”, о политике как призвании и профессии, как цели и как средстве, как творчестве и как ритуале.

Политическая антропология участвует в той революции, которая происходит в социальных и

гуманитарных науках и связана с овладением точными количественными методами, экспериментальным подходом, интеграцией и кооперацией наук. Новые профессии политолога как аналитика, эксперта, прогнозиста, специалиста, готовящего решения, рецепты и технологии, не обошли антропологическую сферу. Политический антрополог оперирует разнообразной статистикой, ведет полевые исследования, мобилизует данные смежных наук. При этом он наследует великую гуманистическую традицию, нравственный пафос, памятуя, что наряду с вопросами “как?” и “почему?” существуют вопросы “во имя чего?”, “какой ценой?”, “в какой перспективе?”.

Как соотносятся в политическом процессе импульсы глобального и отдельного, как они сталкиваются и примиряются, как достигается их относительный синтез – вот что становится темой политической антропологии. Это особенно актуально для нашей страны, самоопределяющейся в мировом цивилизационном процессе между Востоком и Западом, Севером и Югом, индустриальным и постиндустриальным обществом. Российские реформы наряду с внутренними источниками, бесспорно, имеют и внешний импульс, связанный с эффектом цивилизационного влияния и сравнения, интеграционными тенденциями в экономике и культуре.

Пространство бывшего СССР и самой России также представляет собой поле активного диалога различных наций, этносов, культур, пересматривающих свои отношения, свое место в евразийском пространстве. Единый “советский человек” уступил место разнообразию политических и социокультурных типов, без учета специфики которых невозможно строить политику.

Политическая антропология своими средствами защищает культурное многообразие человечества. Она показывает, как преодолеть ложную дилемму: либо единое мировое пространство, либо перманентная напряженность, конфликты, войны. Понимая политику не только как

столкновение групповых интересов, но и как поле напряжения между цивилизациями, культурами и субкультурами, она разрабатывает теоретико-методологические проблемы межкультурного диалога и консенсуса в политике. И поскольку специфика российского политического процесса состоит как раз в том, что он разворачивается в полиэтническом, поликонфессиональном, межкультурном и даже междивизиационном пространстве (имеется в виду положение России между Востоком и Западом), рекомендации политической антропологии оказываются особо значимыми.

Политическую антропологию, как утверждают В.В.Ильин, А.С.Панарин и Д.В.Бадковский, “можно назвать наукой о политическом диалоге культур (субкультур), о человеке политическом как социокультурном феномене” [1, с.90–91].

При рассмотрении предмета и метода политической антропологии упомянутые авторы сопоставляют социологический и антропологический подходы к человеку. При этом подчеркивается, что социология делает акцент на том, чем человек обязан обществу, социальной среде, в недрах которой он формируется, действует. Марксистское толкование человека как “совокупности общественных отношений” укладывается в социологическую парадигму. Не случайно в социологии доминирует структурно-функциональный метод: человек рассматривается как носитель общественных ролей, главной проблемой выступает его приспособление к институтам. основное внимание уделяется вопросам социализации индивида, его адаптации к общественной среде, интеграции в системы ценностей. Общество воспитывает и перевоспитывает человека, “новое общество” формирует “нового человека” в удобном себе духе.

Такой подход никогда не получал монопольного влияния. “Социологическому функционализму” в теории противостояла мощная интеллектуальная традиция в лице персонализма, экзистенциализма, феноменологии,

культурной антропологии, а на практике – институты парламентской демократии, многопартийности, различные неконформистские движения (движение новых левых, молодежные, феминистское, “зеленое” и т.п.).

В нашей стране ничего подобного не было. Философия и этика всеобщего “самоотверженного служения” господствующему строю, подчинение частного общему, индивида коллективу обретали статус неоспоримой и необсуждаемой нормы, на страже которой стояли орудия государственного воздействия.

В качестве реакций на трагические эксперименты с “новым человеком”, попытки тоталитарных государств “национализировать” не только частную собственность, но и человеческую личность выступает, в частности, постмодернизм, в рамках которого реабилитируется культурная традиция, природа и природное со всеми своими правами (“неонатурализм”) и, наконец, природа самого человека (новый антропоцентризм). На Западе постмодернизм в последние годы характеризуется экологической доминантой, выступает как реакция на жесткие промышленные технологии, разрушающие живую среду. Переоценке подлежит все, что имеет отношение к этим технологиям. Экологическое “покаяние” Запада, заставляющее его все чаще возвращаться к восточному опыту или к далекому собственному прошлому, – особая тема европейской культуры, тема, которая осваивается сегодня и нами. Однако наше постмодернистское покаяние – особого рода, характеризуется иной доминантой. Разрушительные промышленные технологии воспринимаются нами как нечто вторичное, производное.

В отличие от Запада мы ведем летосчисление “нового мира” не от промышленных переворотов и научно-технических революций, а от 1917 г., когда была провозглашена цель – создание “нового человека”. Новация большевизма направлена на человека как объект преобразований; речь

идет о жестких политических технологиях, предусматривающих использование перманентного массового террора, геноцида. Наше сегодняшнее потрясение, в отличие от экологического потрясения Запада, в первую очередь относится к тому, что произошло с человеком. Бывшим социалистическим странам, пострадавшим от крупномасштабного эксперимента по созданию “нового человека”, также предстоит развернуть особую форму реставрационной работы, отличную от западного экологического реставраторства: движение за восстановление человека и спасение его от жестких политико-идеологических технологий. Наш постмодернизм выступает в облике посттоталитаризма, характеризуется особой антропологической доминантой. Наша реформа – это в первую очередь восстановление вида *homo sapiens*, она возможна как антропологическое движение. Требуется настоящая духовная революция, коренной пересмотр мировоззренческо-методологических основ, новая картина мира.

Необходим ценностный и методологический переворот, касающийся соотношения личности и общества, личности и государства, человека и среды. Политическая антропология, как считают общественные исследователи, может родиться у нас только в контексте борьбы за решительную гуманизацию политики, под знаком альтернативного социологическому детерминизму антропологического видения.

Антропологический подход в политике строится на основе следующих принципов. Прежде всего это принцип многообразия. Речь идет о плюрализме в противоположность монизму. В отечественной культуре после 1917 г. произошла крупнейшая онтологическая катастрофа, связанная с исчезновением полноправного и полноценного *другого* – отличного от нас и признанного в своем отличии. Марксистское учение рассматривало присутствие другого – социального разнообразия, неоднородности, несовпадения интересов – как доставшийся от прошлого изъян мира, вполне преодолимый в коммунистической перспективе.

Одномерный “новый человек” не приемлет другого, он ищет себе подобные “прогрессивные силы”.

В рамках такой картины мира политика превращается в вечный монолог передового класса. Политика как партнерский диалог, как искусство баланса разнообразных социальных интересов, каждый из которых одинаково законен и требует учета, здесь исключается. Такие понятия, как неопределенность, нелинейность, сложность, вероятностный характер событий, представляют нешуточный вызов новоевропейскому рационализму, из которого вышел и марксизм. Инобытие, инаковость, непредопределенность, неопределенность открывают горизонт такой политической этики, которая не совместима с привычной нам этикой “неуклонного следования”, “монолитности” и т.п. Этатистский рационализм большевизма организовал эффективное наступление всеобщности на особенное и индивидуальное, всюду преследуя и вытесняя их, добиваясь стандартизации и унифицирования.

Все, что носило следы особенного, что сохраняло память о национальной, религиозной, региональной, социально-групповой и семейной специфике людей, было объявлено архаикой и пережитком, препятствующим прогрессу.

Основатели социалистического государства видели идеал в обществе, организованном как единая фабрика.

И сегодня метафора “механизм” сохраняет свое влияние. Непрерывные поиски “отлаженного экономического механизма”, “механизма власти”, механизма взаимоотношений республик и центра основаны на утопии, тайным основанием которой является смерть человека в тоталитарной культуре.

Наряду с принципом многообразия важное место занимает *принцип целостности*, который говорит о том, что человек представляет собой внутреннюю целостность, живет по законам целостности, воспроизводя себя в пространстве и во времени как самодетерминирующаяся, самовоспроизводящаяся, самополагающая сущность. Таким он полагает и воспроизводит себя в историческом процессе.

Следует заметить, что применительно к природе технологический волюнтаризм стал преодолеваться по мере открытий биоценоза и геобиоценоза, соответствующие же прозрения в отношении человека явно запаздывают. Преобразовательный зуд тотальной государственной педагогики продолжает воодушевлять сторонников решительного разрыва с “проклятым прошлым”. Между тем и в философии, и в рамках других, более специальных отраслей гуманитарного знания накоплено немало данных, свидетельствующих о том, что человек представляет собой целостность, которую нельзя безнаказанно “преобразовывать” и побеждать.

Одним из ведущих принципов политической антропологии является *принцип универсализма* – единства человеческого рода. Его провозгласило христианство в борьбе с сектантством иудаизма, провозглашавшего спасение одного избранного народа. Мировая религия учит: нет ни эллина, ни иудея, ни язычника. Перспектива спасения не ограничена какими бы то ни было этническими, расовыми и классовыми различиями людей. С тех пор универсализм не раз подвергался попыткам доктринального пересмотра, что каждый раз ставило цивилизацию на грань катастрофы. Не только в наши дни, но и в прошлом выживаемость цивилизации не имела естественных гарантий, не была закреплена “объективными”, не зависящими от сознания и воли людей законами.

Сегодня проблему человека нельзя решить, не поставив вопрос о смысле его жизни и деятельности, заведомо превосходящем не только его индивидуальные цели, но и те, которые ставит перед ним главный экспроприатор его души – государство. Культура и нравственность, как и религия, должны быть отделены от государства, но не в том смысле, какой имеют в виду сторонники объявления их “частным делом”, стоящим ниже государственного интереса, а в том, какой предусмотрен кодексом мировых религий, поставившим их выше интересов и целей национального государства.

Вопрос о человеке – это вопрос о его всеобщности, надэмпиричности, надсоциологичности. Современный “постсоциологический” человек знает, что категорические императивы нравственности и духовности, стоят выше любых классовых и государственных целей, т.е. выше всего того, что разделяет людей и посягает на универсализм. Горе тем политикам, которые видят в политике последнюю реальность, конечный смысл и критерий деятельности. Подмена высшего низшим, абсолютного – относительным, универсального – групповым есть расхищение бытия и времени, отпущенного человеку и человечеству.

Сегодня особо важно сориентировать политическое сознание и политическую теорию в духе такого принципа, как антропологический *субстанционализм*. Перед обществом, высвобождающимся из тисков тоталитаризма, возникает соблазн трактовать демократию как снятие ограничений. Но демократические права связаны с признанием нерушимости определенных принципов и границ – преодолением социологического функционализма в пользу принципа самоценности и субстанциальности человека.

В переходные периоды, как верно отмечает А.С.Панарин, остро сталкиваются две парадигмы политического мышления: социологическая и антропологическая. Первая ориентирована весь процесс государственного строительства функционалистски на учет новых, назревших потребностей общества, новых государственных интересов и т.п. Вторая означает строительство согласно неизблемым принципам, соответствующим природе человека (незыблемая собственность, незыблемые права и свободы и т.п.) (см. [2]). Характерной особенностью этого подхода является то, что он фиксирует не возможности, а границы, которые, в свою очередь, носят субстанциальный характер: в основе их – не изменчивая государственная польза, а неизменные принципы бытия человека в качестве автономного, неподопечного и самостоятельного.

В таком обществе деятельность институтов постоянно тестируется по критерию соответствия индивидуальному благу, что конкретизируется как воля избирателя и воля потребителя. В обществе законодательно запрещено все то, что грозит подменой этой антропологической реальности социологическими постулатами вроде “общего блага”, “общей воли”, “общего интереса” и т.п.

Таким образом, в рамках социологической парадигмы основной исследовательской и методологической проблемой выступает выявление механизма влияния общества на личность.

Антропологический подход ставит перед собой прямо противоположную задачу: представить индивида как носителя объективно не предопределенного, альтернативного. Кроме того, антропологический подход в политике выступает как искусство давать “объективно возникающим проблемам” имена, идентифицировать их путем соотношения с социальным субъектом, судьбу и статус которого они затрагивают. В теории организаций давно доказано, что проблема не решается до тех пор, пока она анонимна – не представлена “группой давления”, способной влиять на принимаемые решения. Чем больше в гражданском обществе автономно действующих субъектов, тем больший круг проблем оно способно охватить своим вниманием, тем успешнее развеществляется мир, обретая человеческое лицо.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ильин В.В., Панарин А.С., Бадовский Д.В. Политическая антропология. М., 1995.
2. Панарин А.С. Введение в политологию. М., 1994.
3. White T. L. The Science of Culture. N.Y., 1949.

К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ И ЛИЧНОСТНОМУ СТАНОВЛЕНИЮ ЧЕРЕЗ САМОАНАЛИЗ*

В современном мире все более возрастает популярность психотерапии, психологического консультирования, психологической помощи, которые уже вышли за границы профессиональной сферы и становятся неотъемлемой частью социализации, культуры. В связи с этим актуализируется проблема *ответственности* того, кто берется за оказание подобных услуг, и *эффективности* психологической, психотерапевтической работы. Практики и исследователи все более сходятся на признании того факта, что ее успешность определяется не принадлежностью специалиста тому или иному направлению, школе психотерапии или системе взглядов, а прежде всего личностью самого психотерапевта [12; 9; 6; 7; 5 и др.].

Бесспорно значение компетентности, профессиональных знаний и умений. Но этого недостаточно, если у психолога, психотерапевта не сформированы личностные особенности, которые во многом определяют успешность его работы. При этом особое значение придается способности самопознания и самопринятия. Это признается многими классиками психотерапии и современными практиками и исследователями. Дж. Мор указывал, что “способность увидеть и принять себя таким, каков ты есть”, оказывается тем существенным качеством личности, которое более важно для психотерапевта, чем какая-либо теория или школа. Хотя это кажется простым и лишенным всякого пафоса, смысл этих истин глубок и трудности “этого пути чрезвычайны” [12, с. 94].

* В данном тексте термины “психологическое консультирование”, “психотерапия”, “психологическая помощь” употребляются как равнозначные. Взаимозаменяемы слова “психотерапевт”, “психолог”, “консультант” [4, с.20].

3. Фрейд подчеркивал, что для психоаналитика самое важное – уметь проникать в подсознательные уровни собственной души.

Психолог, являющийся примером цельности и единства душевной жизни, обладающий внутренней свободой, переживающий благополучие и гармонию, и есть тот непосредственный психотерапевтический инструмент, который имел в виду А. Адлер, говоря, что метод лечения должен быть в самом специалисте [4; 9]. “Только свободный человек может помочь освободиться другому” [4, с. 29]. А внутренняя свобода психотерапевта проявляется в умении доверять себе – своим побуждениям, интуиции, внезапно возникшим желаниям или догадкам. Это – способность быть самим собой, не прятаться за маску и старание исполнить роль [4; 6; 5].

Развитая рефлексия помогает психологу становиться конгруэнтным, способствует избеганию главного камня преткновения для его личности – видения людей через призму собственных предрассудков [9], снижению опасности избыточной идентификации с клиентами, перенесения их проблем в свою жизнь [7]. Полагая, что невозможно полностью избежать этого, но можно осознать и быть внимательным, настороженным, Р. Мэй уверен в значении для психотерапевта собственного клиентского опыта и *регулярных* занятий самоанализом [9].

Условия жизни и профессиональной подготовки отечественных специалистов не всегда представляют возможность собственной терапии, достаточно глубокой и постоянной. Поэтому необходимо научиться брать ответственность на себя за свой личностный и профессиональный уровень, за состояние психического, физического и духовного здоровья. Понять себя до конца невозможно – слишком извортливо наше “Я”, но реально значительно продвинуться на пути самопознания, а это уже – подспорье для консультанта [9].

Известное обращение к медикам “Исцели самого себя” в отношении психологов может справедливо звучать как “научись справляться со своими собственными трудностями”. Р. Мэй для облегчения этой задачи описывал особенности личности и поведения консультантов, наиболее часто ведущие к “профессиональному неврозу”, к “синдрому сгорания”. Изучив характеристики этой невротической модели и определив, как они проявляются в собственной личности, можно лучше понять свою личностную модель, избежать попадания в замкнутый круг нездоровых паттернов поведения и следить за собой в процессе оказания психологической помощи другим.

Среди существующих предложений о путях самопознания и самоанализа личности психотерапевта наиболее конкретным и оптимальным представляется подход, сформированный в биосинтезе.

Биосинтез – это психотерапевтический подход, тесно связанный с эмбриологией, который развивает Д. Боадело с учениками.

Центральным в биосинтезе является положение о трех энергетических потоках, существующих в организме. Они связаны с тремя зародышевыми листками оплодотворенной яйцеклетки (эктодермой, энтодермой и мезодермой), из которых в дальнейшем формируются системы органов. Эти энергетические течения, или жизненные потоки, проявляют себя: а) двигательный поток – через мышечную систему; б) поток восприятия мыслей и образов – через нервную, нейро-сенсорную систему; в) поток эмоций в важнейших глубинных областях – через внутренние органы туловища, через дыхание.

Интеграция этих трех потоков может быть нарушена вследствие родового или внутриутробного стресса, травмы в младенческом возрасте или в более поздний период жизни.

В биосинтезе выделяют три пути реинтеграции:

- 1) высвобождение дыхания и эмоциональное

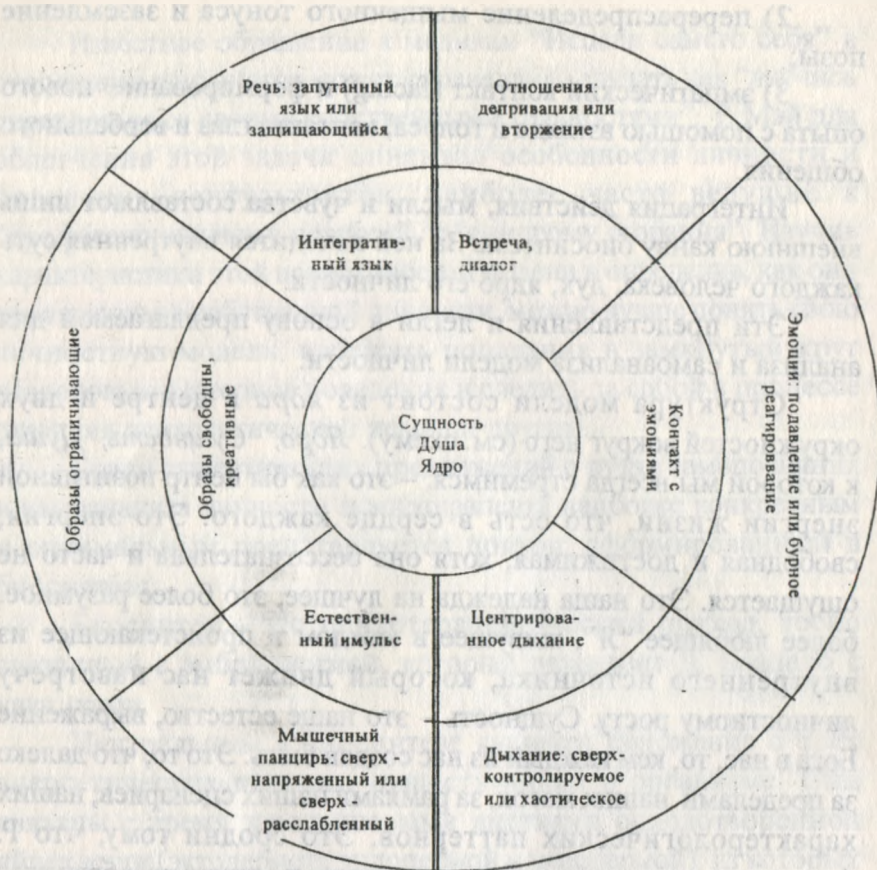
2) перераспределение мышечного тонуса и заземление позы;

3) эмпатический контакт (facing) и формирование нового опыта с помощью взгляда и голоса, контакта глаз и вербального общения.

Интеграция действия, мысли и чувства составляют лишь внешнюю канву биосинтеза. За ней находится внутренняя суть каждого человека, дух, ядро его личности.

Эти представления и легли в основу предлагаемой для анализа и самоанализа модели личности.

Структура модели состоит из *ядра* в центре и двух окружностей вокруг него (см. схему). *Ядро*, *Сущность*, *Душа*, к которой мы всегда стремимся, – это как бы центр позитивной энергии жизни, что есть в сердце каждого. Это энергия, свободная и достижимая, хотя она бессознательна и часто не ощущается. Это наша надежда на лучшее, это более разумное, более любящее “Я”, живущее в каждом и проистекающее из внутреннего источника, который движет нас навстречу личностному росту. Сущность – это наше естество, выражение Бога в нас, то, кем каждый из нас создан быть. Это то, что далеко за пределами наших масок, за рамками наших сценариев, наших характерологических паттернов. Это сродни тому, что Р. Ассаджоли в психосинтетической структуре личности обозначил как высшее бессознательное или сверхсознательное – область, из которой “нам являются высшие формы интуиции и вдохновения – художественного, философского и научного – этические “императивы”, стремление к человеческим и героическим поступкам. Это источник таких высших чувств, как альтруистическая любовь; это источник таланта, а также состояний созерцания, просветления и экстаза” [1]. В. Вульф говорит о Высшей потенциальной сущности – сокрытой полной возможности личности [3]. Сущность не содержит полярностей черное – белое, правильно – не правильно, хорошо – плохо. Ее трудно определить для других людей:

некоторые говорят – “душа”, другие – “нечто глубинное”, третьи – “что-то возвышенное” и т. д. Таким образом, определения, хотя могут быть и разные, очень индивидуальные, суть у всех одна и та же.

Сущность на схеме “опоясана” двумя окружностями. Внешняя окружность представляет собой “маску” – систему защит, которая сформирована в ответ на воздействия, вызывающие напряжение, тревогу, неприемлемые и неразрешаемые состояния. Защиты представлены в виде разных проявлений, жизненных полей – от мышечного

панциря до стереотипных, искажающих образов и представлений о себе и окружающем мире. По сути, именно “масками” люди взаимодействуют между собой, вольно или невольно стараясь отвечать ожиданиям других, все более отдаляясь от собственной сущности.

Внешний круг модели – это то, что удерживает человека от того, чтобы он был истинно тем, чем он является.

Средняя окружность является “мостом”, соединяющим ядро и “маску”, это определенная связь с сущностью, это часть, проводящая к центру естественные импульсы, которые адекватны актуальным ситуациям и состояниям человека, которые приближают его к самому себе, к себе истинному и лучшему, каким он создан быть. Характерная особенность этого уровня – “двусторонность движения”: когда человек действует или чувствует, говорит или дышит в соответствии со своим естеством, то импульс в сторону к Ядру как бы отражается и индивиду возвращается отблеск, отзвук, дающий ощущение, уверенность: “Да, вот оно – как правильно, как хорошо. Это такое чувство, это такие слова, такие отношения, как надо”.

Структура модели предполагает холистический подход, включая важнейшие организмические, личностные, социально-психологические проявления. На схеме это шесть секторов, на которые делятся описанные окружности – “маска” и “мост”. Это шесть полей жизни, которые актуализируются в любой профессиональной ситуации и могут развиваться в более адекватные, совершенные, гармоничные.

Первый сектор внешнего круга представлен *мышечным панцирем*, который либо сверхвыражен, сверхнагружен при излишне напряженной мышечной системе, либо сверхрасслаблен. Обе полярности удерживают индивида от того, чтобы быть истинно тем, кем он является.

Оптimalен уровень напряжения, уместный и достаточный для ситуации, в которой находится человек в данный момент. Навряд ли целесообразно оставаться в

расслабленном состоянии, сидя в медитации, если случился пожар и необходимо быстро продвигаться к выходу.

Таким образом, средняя окружность (“мост”) представлена естественными внутренними импульсами, естественными спонтанными движениями, например: подойти и прикоснуться к человеку, которому сопереживаешь, или встать и размяться после долгого сидения, от которого затекли ноги, устала спина и т.д.

Второй сектор характеризует *дыхание*, которое на одном полюсе сверхконтролируемое, а на другом – хаотическое, без какого-либо ритма. Движение по “мосту” выражается в центрированности дыхания, в естественном его импульсе, когда из разнообразного широкого спектра дыханий (глубокое–поверхностное, частое–редкое и др.) актуализируется оптимальный для данного человека в ситуации “здесь–и–теперь”. Т.е. центрированно не означает какую-то единственно верную форму, но уместную и правильную в конкретной ситуации. Например, если у клиента во время терапевтической сессии происходит высвобождение эмоций, которые сочетаются с хаотическим дыханием, то не стоит обрывать процесс из-за того, что хаотическое дыхание – это плохо.

Третий сектор – это поле работы с *эмоциями*, в котором во внешнем круге также выражены две полярности – подавление или бурное отреагирование, выплескивание эмоций. Работа с “маской” заключается в первом случае в поисках пути, способа, при котором эти эмоции могут быть выражены, возможно, через внутреннее разрешение тех состояний, которые оказались под запретом в результате социализации, например: “Перестань бояться, ты уже большой”. В случае чрезмерного эмоционального реагирования путь лежит к более уравновешенному состоянию, некоторой сдержанности, но ни в коем случае не к подавлению эмоций. При этом осуществляется выход на “мост”, где эмоции проясняются, где индивид находится с ними в контакте, прежде всего с помощью

“я-посланий”. Здесь происходит выяснение того, какая эмоция адекватна, какой ее уровень достаточен для контакта, в чем смысл, значение в жизни какой-то конкретной эмоции.

Э. Минделл подчеркивает важность сосредоточения и изучения именно конкретных переживаний, время от времени овладевающих терапевтом. Задача, на ее взгляд, в их осознании и умении сделать полезными для терапевтической ситуации. В противном случае консультант может подавлять другого человека или действовать с позиции превосходства [8].

Четвертая область на схеме – это область *отношений*, которая в крайних вариантах выглядит либо как депривация, уход от контактов или избегание какого-то вида отношений, либо, в противоположном варианте, – как нарушение “границ”, вторжение в личное пространство другого человека. Например, студент без предварительной договоренности звонит преподавателю домой в двенадцатом часу ночи, чтобы узнать, можно ли пересдать экзамен.

Личность, которая движется навстречу своей Сущности, выстраивает отношения, которые можно назвать Диалогом, Встречей. Это не вторжение, не агрессивное поведение, но и не депривация, не уход от отношений. Именно такой тип взаимоотношений отражен в “молитве гештальтиста” Ф. Перлза:

Я пришел в этот мир не для того, чтобы соответствовать твоим ожиданиям,

А ты пришел в этот мир не для того, чтобы соответствовать моим ожиданиям.

Я – это Я.

Ты – это Ты.

И если наша Встреча состоялась – это большое счастье,

А если нет, этому нельзя помочь. .

Очевидно, что отношения Встречи сами не сложатся. Необходима работа Души обоих партнеров. При этом важно их стремление реализовывать в отношениях принципы, которые подчеркнуты Верноном Вульфом:

– быть в контакте с собственными чувствами, не подавляя их, не отдаляясь от них;

– партнеру давать обратную связь не в виде оценок, интерпретаций особенностей его поведения и личности, но сообщать о собственных чувствах, возникающих в ответ на увиденное, услышанное, например: “Когда ты так говоришь, мне становится обидно”, или “Когда ты меня не дождался, я сначала растерялась, а потом разозлилась”;

– уметь сообщать о своем желании, просьбе, уметь просить и принимать помощь и поддержку, когда это необходимо, а не “тестировать” партнера на догадливость;

– брать на себя только те обязательства, которые намерены выполнять, и сдерживать свои обещания.

Непосредственно с этим сектором увязан пятый сектор “речи”, который на уровне “масок” также представлен двумя полярностями. С одной стороны, это запутанный язык. Прошел час, а вы задаете себе вопрос: “О чем, собственно, мы разговариваем?” Вроде бы и информацию какую-то получили, но чем больше слушаете, тем больше запутываетесь, не понимаете, в чем, собственно, суть, смысл разговора. На другом полюсе язык защиты, удерживающий партнера на расстоянии с помощью слов. И это очевидно, это не путает, не сбивает с толку, собеседник ясно дает это понять. Например, на простой вопрос: “Есть ли у Вас семья, дети?”, звучит ответ: “Каждый имеет право жить так, как считает нужным”. В обоих случаях язык не выполнял функции Диалога.

На пути к Сущности язык представляет собой язык Встречи, который обеспечивает взаимопонимание, оптимальное взаимодействие, помогает пережить радость и удовлетворение от общения.

И наконец, шестая область – это *образы*, представления о самом себе, о других людях, о мире в целом. Для уровня “маски” характерны искажающие, ограничивающие, ригидные, стереотипные образы, не соответствующие реальности.

Такого рода представлением о себе может быть, например, неадекватная, заниженная или завышенная самооценка. Такие искусственные картинки, образы, находящиеся не в резонансе с реальностью, удерживают человека далеко от собственной Сущности.

Средний уровень модели – “мост” – это уровень творческих, более свободных созидательных образов, которые помогают личности быть креативной во всех жизненных проявлениях, учитывать изменяющийся характер мира, его динамичность, потенциал, ресурсы развития других и себя. Безусловно, такой незашоренный, открытый взгляд на мир способствует более успешной самореализации, духовному росту, приближению к самому себе.

Очевидна взаимосвязанность перечисленных областей. Так, для сдерживания определенной эмоции, например, обиды или гнева, необходимо затратить мышечные усилия. При этом изменяется, нарушается ритм дыхания, оно становится более поверхностным. Подавление собственного чувства, отдаление от него зачастую сопровождается проецированием данного состояния на другого человека, приписыванием ему собственных неосознаваемых чувств. Это, в свою очередь, может повлечь формирование неадекватных образов себя и партнера, что, безусловно, препятствует истинности взаимоотношений, приводя к депривации или нарушению границ. Соответственно это отражается в речи, языке, что не способствует развитию Диалога. В языке также может прямо или опосредованно отражаться эмоциональное состояние индивида, но он же может и служить отдалению от собственных чувств.

На практике психолог, психотерапевт, работая, допустим с эмоциями, может узнать у клиента: каким образом эта эмоция отражается в мышцах, какую энергию, какую заряженность она сообщает им. Таким образом, эмоция переводится в мышечное движение, в активность. Или можно эмоцию перевести на уровень языка, спросив о том, что эта эмоция

сообщает, какой образ при этом возникает. А может быть, никакого образа нет, но рука “хочет” резкого движения или всплыло воспоминание из области отношений, когда было 10 лет и т. д.

Эти поля жизни связаны между собой, и важно уметь переключаться с одного на другое и представлять послойность того, как мы думаем, чувствуем, делаем, поступаем.

Итак, есть шесть областей, шесть дорог, по которым можно идти к Ядру. Но иногда возможно помимо них, напрямую выйти на сущностный уровень. Об этом седьмом пути следует знать, помнить, но не переоценивать его: это медитативные практики, особенно эффективные с включением работы с телом, т.е. некоторое сочетание духовных и телесных практик. Это может быть очень полезный путь, но важно, чтобы он не стал формой бегства от действительности, что в конечном счете приводит и к уходу от себя.

Учиться продвигаться к собственной Сущности можно на протяжении многих лет — учиться думать, чувствовать, ощущать, как связано движение от внешнего слоя к сущностному и обратно. Это своего рода пульсация, сложное взаимодействие между разными уровнями, и у каждого это будет происходить по-своему. “Путь лишь тогда Путь, когда его находят и следуют по нему. Не существует правил “как это следует делать”, и каждый настоящий терапевт идет своей собственной тропой познания” [8, с.139], в том числе и самого себя.

Если смотреть на схему, не пытаясь её оценивать, то видно, что не существует понятия “лучшая дорога для путешествия”. Важно, где конкретно мы находимся, где можем работать. Например, иногда открыта дорога “Речь и язык”, но у того же человека может быть абсолютно заблокирована дорога “Эмоции”. И не всегда стоит начинать с более заблокированной дороги, можно начать с того места, где скорее будет достигнуто понимание с человеком, и использовать этот “мост” для пространствания других.

Это еще раз подчеркивает, что работа по самоанализу с опорой на предложенную модель заключается не в оценивании “хорошо – плохо”, “правильно–неправильно”, а в постоянном отслеживании потока собственной жизни во всех ее проявлениях, осозновании и действовании на основе этого.

Вопрос о продолжительности этой работы бессмыслен, так как она бесконечна, как бесконечен Путь к себе протяженностью как минимум в жизнь.

Но путь этот захватывающе интересен, полон открытий, удивительных неожиданностей, хотя труден и часто болезнен. Р.Мэй предостерегает от глубоких заблуждений тех, кто надеется на одноразовое просветление или очищение, которое избавит от всех основных напряжений жизни [9].

Ф.Перлз в книге “Опыты психологии самопознания” пишет: «“Открытие себя” может напомнить кому-нибудь старую историю о вытаскивании самого себя за волосы из болота. Но мы понимаем под этим не мгновенный трюк, вроде вспышки озарения, а трудный процесс, более или менее постоянный и накапливающий свои результаты. Этот процесс не прекращается пока человек жив. ... в некотором смысле – это самая трудная и раздражающая работа из всех, с какими вы сталкивались, но и наиболее увлекательная» [10, с.13,16].

В каких же случаях, когда проводить самоанализ? Когда есть в этом потребность, желание, необходимость. Это уместно и полезно в ситуациях, когда по какой-то причине не удастся достичь понимания, поставленной цели и т.д. Сигналом к этому может быть, например, неясное чувство тревоги или догадка, ощущение “что-то не так” или вопрос “а что сейчас происходит?” и т.д.

Причем не обязательно отправляться сразу по всем шести дорогам, так как возможно, в данной ситуации более актуальны какие-то определенные проявления, стороны. Важно понять, где есть движение вперед, где сильные стороны, на что можно опереться, а где трудности, на что необходимо обратить внимание, что препятствует движению.

В качестве иллюстрации попытаюсь в данный момент провести самоанализ по всем секторам, отслеживая те свои проявления, которые способствуют разрешению стоящей передо мной задачи — написание текста статьи, и те, которые препятствуют достижению цели. Итак, первое, на что я обращаю внимание, — это напряжение в плечах, которое больше, чем необходимо в данной ситуации. Кроме того, я устала от долгого сидения, у меня потребность встать, подвигаться, но я этого не делаю, чтобы не отвлекаться от написания текста. (Хотя я начала анализ с мышечного панциря и далее иду по схеме, изложенной в тексте, очередность анализа секторов вполне произвольна.) Далее обращаю внимание на дыхание: оно скорее хаотично, чем ритмично, с продолжительной задержкой перед вдохом. Концентрация на нем способствует его постепенному выравниванию.

Параллельно отслеживаю, что вслед за этим изменяется мое эмоциональное состояние, которое несколько минут назад было скорее тревожным, беспокойным. Обозначив это состояние, т.е. войдя в контакт с ним, обнаружила напряжение в области шеи и затылка. Данный текст я стараюсь излагать языком убедительным, понятным, доступным, ориентируясь прежде всего на студенческую аудиторию, на будущих коллег. Отношения в данной ситуации — это отношения между мной и потенциальными читателями, от которых я не пытаюсь дистанцироваться, а напротив, стремлюсь приблизиться, не нарушая при этом чужих границ и сохраняя собственные, т.е. выбирая тот уровень открытости, который для меня безопасен. У меня есть надежда на Встречу с теми, кого эта тема не оставит равнодушными. Диалог выйдет за рамки данной публикации, когда мы продолжим обсуждение и собственно работу по самоанализу. Соответственно образы читателей и самой себя в данный момент, возможно, несколько идеализированы, т.е. характеризуются максимальной открытостью, взаимным интересом, осознанием

значимости профессионального и личностного развития посредством самоанализа, а также большим творческим потенциалом.

Таким образом, даже поверхностный анализ позволяет увидеть, где мои сильные стороны, продвигающие меня ближе к собственной Сущности, а где препятствия, трудности, т.е. работа с моделью – это возможность проникнуть в суть вещей, за фасад и понять, что реально происходит, где я действительно нахожусь.

В профессиональной деятельности психологу, психотерапевту важно уметь оценивать себя и свою ситуацию с клиентом, чтобы понимать, что реально происходит, в чем конструктивные, работающие части. Если человек, работающий консультантом, психотерапевтом, постоянно так себя изучает, ему гораздо легче помогать другим людям. По сути это единственный способ избежать тех ловушек, которые расставлены в психотерапевтических отношениях, прежде всего, контрпереноса, проецирования собственных проблем на клиента.

То же самое полезно делать и в отношении клиента, узнавать, кто этот человек, с которым вы работаете.

Оптимально было бы этот процесс познания себя проходить в группе, может быть, в качестве консультанта или в роли клиента, в позиции супервизора. И тем не менее все-таки реально, задавая себе эти вопросы, достигнуть какого-то уровня открытой, эффективной и безопасной работы. При этом важно помнить, что речь идет не об идеальном человеке, не о психотерапевте, не об образцовом способе мышления, чувствования и пр., акцент делается на том, что значит быть самим собой.

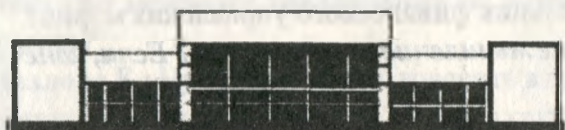
Одна из задач психолога – использовать то, чему он учит клиентов, к чему побуждает их, прежде для себя и не пытаться избегать своей естественности, стараясь быть кем-то, по сути лишая себя внутренней свободы.

“Никто кроме тебя самого не сможет стать твоим освободителем”, – подчеркивал В. Райх [11,с.12].

За анализом, осознанием должно следовать желание изменяться и действовать, и тогда предлагаемый путь, конкретный, доступный, увлекательный, приведет каждого, не безразличного к самому себе, от Психолога, познающего себя, к Психологу, принимающему себя и самоактуализирующемуся.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ассаджолли Р. Психотерапия как духовная практика. М., 1992.
2. Вайзе С. Стенограмма семинара по биосинтезу. М., 1997.
3. Вульф В. Танец жизни. М., 1998.
4. Калина Н.Ф. Основы психотерапии. М.; К., 1997.
5. Кочюнас Р. Основы психологического консультирования. М., 1999.
6. Макаров В.В. Психотерапия и психологическое консультирование // Вестник последипломного медицинского образования. М., 1998.
7. Миккин Г. Риск быть психотерапевтом – риск быть собой // Психологическая газета. 1998. № 5. С.22–23.
8. Минделл Э. Психотерапия как духовная практика. М., 1992.
9. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. М., 1994.
10. Перлз Ф. Опыты психологии самопознания. М., 1993.
11. Райх В. Посмотри на себя, маленький человек! М., 1997.
12. Уотс А. Психотерапия. Восток и Запад. Львов, 1997.
13. David Boadella. Lifestreams: An Introduction to Biosynthesis, 1987.

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Годы учебы пролетают незаметно, кажется, еще вчера выбирал, куда поступить, с тревогой просматривал списки зачисленных в вуз и радовался, найдя свою фамилию и... конец относительно беззаботной жизни и начало нового этапа. Нам захотелось узнать: как сегодня живут выпускники? Мы встретились с первыми выпускницами отделения государственного и муниципального управления в мэрии г.Краснодара, где сегодня трудятся эти симпатичные девушки. Итак, познакомимся: Павлова Елена Олеговна – специалист комитета по науке, образованию и делам молодежи, Белая Ольга Александровна – экономист бюджетного отдела финансового управления.

Первый вопрос традиционный: *Почему вы поступили на факультет управления КубГУ, отделение ГМУ?*

Павлова Е.: Я начинала учебу в МЭГУ, после открытия института управления перевелась туда, так как там были новые специальности. Вот эта новизна и привлекла.

Белая О.: Если честно, то случайно. Хотела стать экономистом, узнала о новой специальности, поняла, что это, возможно, и есть моя ниша.

Как вы попали на работу в мэрию?

Павлова Е.: Выступила на конференции с докладом “Аренда и лизинг как способ управления муниципальной собственностью”, заметили, понравилась, пригласили на работу.

Белая О.: Повезло с руководителем дипломной работы (В.И.Матейук – начальник финансового управления мэрии).

Как изменилось ваше мышление за годы учебы? Если, конечно, изменилось.

Павлова Е.: Когда поступала и начинала учиться, было просто очень интересно, а затем поняла, что то, чему учили, еще и жизненно важно.

Белая О.: Кардинально, и за это спасибо преподавателям.

Что из того, чему вас учили, наиболее запомнилось и пригодилось?

Павлова Е.: Прежде всего запомнились люди, а уже потом предметы. Это Ю.В.Филиппов, Т.Т.Авдеева, именно они заставили и научили нас думать и работать с учетом интересов местного сообщества, показали модели. В.И.Матейук, М.В.Савва, Л.В.Берг, А.Н.Сирота и многие другие. Например, этика делового общения, которую преподавала Т.Н.Арлова, вспоминается на каждом шагу. Такая у нас работа.

Белая О.: Мы еще в начале нашего жизненного пути, поэтому еще не все знания востребованы, но я согласна с Еленой. Передайте огромное спасибо и привет наши любимым преподавателям.

Неужели так все хорошо? Что вы можете подсказать в организации учебного процесса уже с высоты, можно сказать, состоявшихся специалистов, тем более работающих по специальности?

Павлова Е.: На мой взгляд, побольше экономических дисциплин. Кроме того, мало практики, чтобы стать специалистами, надо многое пощупать своими руками. Неплохо бы кроме основной специальности получить еще и дополнительные: иностранный язык, управление персоналом, юрист. И еще хорошо было бы получить от университета помощь в трудоустройстве.

Белая О.: Больше иностранного языка, информатики, практики, бухучета, экономики и права. Наверное, много резервов заложено в дополнительном образовании. Те, кто освоил,

например, язык, имеют больше шансов на рынке труда.

Что вам наиболее запомнилось из неучебной студенческой жизни?

Павлова Е.: Ну об этом нужно говорить в другое время и в другой обстановке. У нас была очень дружная группа. Новогодний вечер и День факультета.

Белая О.: Да, многое вспоминается. Самые яркие впечатления – Новогодний вечер в новом корпусе и День факультета.

А что бы вы посоветовали студентам нынешним?

Павлова Е.: Все в ваших руках. Необходимо самим готовить себя к завтрашней жизни. Удачи вам, друзья!

Белая О.: Маму слушаться, книжки читать (шутка). Замечать, следить, узнавать. Прежде всего необходимо личная заинтересованность в результатах.

С выпускниками беседовал директор университетского центра маркетинга Д.С.Сомов.

Н.Г.Козловская

ТАСИС НА ФАКУЛЬТЕТЕ УПРАВЛЕНИЯ

ТАСИС начинает в России новые проекты для поддержки развития демократического местного самоуправления. С сентября 1998 г. факультет управления КубГУ активно участвует в осуществлении первого крупного проекта Европейской Комиссии “Муниципальный менеджмент” в рамках программы ТАСИС ЭДРУС 9604. Работа над проектом началась в марте 1998 г. и продлится до марта 2001 г. С российской стороны в проекте участвует Министерство региональной политики. Проект направлен на административное и стратегическое развитие восьми муниципальных образований в Северо-Западном и Юго-Западном регионах России.

Основные цели проекта “Муниципальный менеджмент”:

- укрепить муниципальное управление с целью стимулирования экономического и социального развития на местном уровне;
- определить долгосрочные перспективы развития муниципального управления на федеральном, региональном и муниципальном уровнях и предложить варианты реалистических решений соответствующих задач.
- разработать современные технологии менеджмента в муниципальном стратегическом планировании, муниципальном бюджете и финансах, муниципальной экономике и социальной защите.

В Юго-Западном регионе в число пилотных муниципалитетов вошли Выселковский район Краснодарского края, Тульский и Дондуковский округа

Республики Адыгея и город Шахты Ростовской области. Проект также будет способствовать развитию трех учебных центров по обучению преподавательского состава с использованием современных планов и учебных материалов. В рамках проекта уже начата работа по формированию федеральной системы учебно-консультативных центров. Сегодня это Федеральный консультационный центр в Москве, учебный центр "Диалог" в Новгороде и Центр университетской поддержки развития местных сообществ при факультете управления КубГУ. Признанием эффективности работы, проводимой кафедрой государственного и муниципального управления, явился факт придания названному центру статуса Регионального учебно-консультативного центра на юго-западе России. Предполагается, что отобранные учебные центры получат в рамках проекта оборудование.

Обучение преподавательского состава центра предполагает проведение двух стажировок, две недели в РФ и одна неделя в Европе.

Опыт поддержки двух учебных центров будет распространен среди других центров.

В настоящее время преподавателями факультета и экспертами проекта ТАСИС планируется конкретная совместная работа в пилотных муниципалитетах, а также работа по подготовке преподавателей на 1999 г.

ЕЩЕ ОДИН ВЗГЛЯД НА АМЕРИКУ

В последнее время для российских граждан стали привычными многие особенности западной, в частности, американской жизни. Мы с любопытством следим за всеми новинками, поступающими "оттуда". Такая возможность появилась у преподавателя кафедры психологии КубГУ Т.А.Бурмистровой. Ей довелось побывать в университете

Северного Колорадо.

Этот университет небольшой, в нем в пяти колледжах обучаются 10000 студентов. Размеры университета имеют свои преимущества – на одного преподавателя приходится всего 22 студента. А отличительной чертой колорадского университета является взаимодействие студентов и преподавателей не только на занятиях, но и в часы индивидуального консультирования. Причем и преподаватели, и студенты очень ценят эти встречи тет-а-тет.

Первое время нашей коллеге пришлось пережить все трудности “новичка”: привыкнуть к “южному” американскому акценту, научиться пользоваться многочисленными пластиковыми картами, проникнуться иным образом жизни, пережить настоящий “культурный шок” от посещения библиотеки. Но первый, самый тяжелый месяц пролетел. В целом можно было согласиться с замечанием Галины Вишневской: “Америка – страна, удобная для жизни”. Быстро привыкаешь к легкости поиска научной литературы, к возможности иметь свой адрес электронной почты и т.п.

Оказалось, несмотря на все преимущества американской жизни, между нашими странами много общего. Одно- и двухэтажные здания и узкие улицы Детройта напоминали здания и улицы родного Краснодара. Американские студенты так же, как и российские, не всегда приходили на занятия подготовленными, а коллеги-преподаватели были заняты своими, узко специализированными научными проектами. С сожалением Татьяна Александровна обнаружила в университетской библиотеке замечательные книги по психологии, которыми до нее явно никто не пользовался.

Отличия между нашей страной и Америкой, они проявились в форме обучения. Так, студенты американского университета получают подробную информацию обо всех необходимых по специальности курсах, которые они должны прослушать, записываются на них и посещают

аудиторные занятия. Причем на лекции по обязательному университетскому курсу, например, по философии, педагогике, возрастной или социальной психологии, могут присутствовать одновременно студенты разных специальностей. Традиционного для наших вузов деления студентов на группы и курсы нет. А вместо устных экзаменов – тесты по каждому разделу изучаемой дисциплины. Каждый студент должен ответить на вопросы тестов по всем разделам и набрать определенное количество баллов. У американских студентов, по-видимому, сильно развито чувство индивидуализма – они ни за что не станут друг другу подсказывать, а тем более списывать.

Проявляются отличия и в поведении американцев. Так, преподаватели и студенты, мужчины и женщины предпочитают универсальную одежду – майку и шорты или свитер и джинсы, в зависимости от сезона. А занятия студенты могут совмещать с завтраком или обедом и непринужденно жевать бутерброд, преподаватели же во время лекции могут сесть на пол или прилечь на кафедру. В начале такой стиль немного шокирует. По мнению Т.А.Бурмистровой, отсутствие привычной для нас культуры поведения является скорее минусом.

В университете Северного Колорадо студенты могут получить степень бакалавра, проучившись 4 года по базовым дисциплинам, и продолжить свое образование по специальным дисциплинам, в итоге получив степень мастера (магистра) и соответственно доктора.

Студенты, обучающиеся по специальности “психология” и получающие степень бакалавра, впоследствии могут работать ассистентами в реабилитационных, медицинских и административных учреждениях, консультантами в службах занятости, учителями психологии в школах и колледжах. Желаящие работать психологами-консультантами, терапевтами, вести свою частную практику, продолжают свое образование и проходят в мастер-классах

специальное обучение терапии, консультированию и т.д. Российские студенты после 4–5 лет обучения, например в нашем родном университете, могут повысить свой профессиональный уровень в мастер-классе и получить степень магистра. Мечтающим продолжить свое образование в Америке Татьяна Александровна рекомендует учить английский язык и периодически заглядывать в страничку в Интернете: <http://www.unco.edu> <http://www.catalog.unco.edu>.

О своих впечатлениях, об особенностях американской жизни и американского образования Т.А.Бурмистрова поделилась на встрече со студентами факультета управления во время своих коротких “каникул”. Она отметила, что американские психологи помнят и чтят наших соотечественников – Л.С.Выготского и А.Р. Лурия. А в среде просвещения американцы сегодня особенно ценят программы классического европейского, в том числе и российского, образования. На прощание Татьяна Александровна пожелала всем участникам встречи успешно учиться в родном университете, и тогда они смогут достойно представлять нашу страну за рубежом.

О. Лукина

КЛУБ ГРАЖДАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ “ВКЛЮЧИСЬ!”

В 1998 г. состоялось 22 заседания клуба гражданского образования “Включись!”. Представители властных структур, ведущие политологи, экономисты и общественные деятели края освещали вопросы, отражающие приоритеты политики на федеральном и региональном уровнях. Наиболее интересны оказались темы, связанные с анализом выборных технологий, с методами взаимодействия некоммерческих организаций и органов местного самоуправления, с проблемой будущего демократии на Кубани.

Среди участников клуба высоким уровнем подготовки отличаются студенты факультета управления КубГУ. Самые активные из них – А. Калнин (политология, 3-й курс) А. Полянский, Е. Васильева и Д. Кабаргин (политология, 2-й курс).

На первое полугодие 1999 г. запланировано 12 дискуссий на темы “Развитие политической системы: центр – регионы”, “Россия в Совете Европы”, “Кубань – Европа или Азия?” и др.

О. Р. Демчук, У. В. Петрищева

МУЗЕЙ КАК ЗЕРКАЛО СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Свойство зеркала имело:

Говорить оно умело.

А. С. Пушкин

Идея создания студенческого музея была воспринята нами от студентов-музееведов нынешнего Кубанского государственного университета культуры и искусств.

Первоначально предполагалось вести некий сбор элементов студенческого фольклора: “напартной живописи”, КВН-овских песен, рисунков и пр. Однако позже, под влиянием изучения психологии, и в частности психодраматических методов, появилась другая задача: обратить взоры наших посетителей (по большей части студентов) на свой внутренний мир. Для решения этой задачи нам и понадобилась столь многогранная форма музея-зеркала. Зеркало чрезвычайно важный и необычный объект в жизни человека. Помните Алису в Зазеркалье? – *“Если открыть нашу дверь, то в зеркале будет виден маленький кусочек зазеркального коридора. Он очень похож на наш, но дальше-то он может оказаться совсем другим...”*

По мнению известного психолога Я. Л. Морено, начиная с раннего детства зеркало способствует познанию себя и других: *“сначала ребенок принимает свое отражение в зеркале за другого маленького ребенка и считает его таким же реальным, как самого себя. Он не замечает, что черты, которые он видит у этого другого, являются его собственными... Позже, благодаря зеркалу, ребенок начинает выделять себя среди людей и предметов своего окружения и вырабатывает представление о самом себе”*.

Мы надеемся, что приблизительно то же происходит с посетителями “Музея Проявлений Человеческой Психики”: студенты могут узнать себя в собственных “творениях”: бессознательных рисунках, студенческих стихах и песнях, рисунках с парт и т. д.; увидеть, словно в зеркальном отражении, глубины своего внутреннего мира:

Мне временами хочется излить...

Кому-нибудь израненную душу,

Про бренность бытия поговорить,

Вкушая вдохновенно сочный ужин...

И, может быть, это отражение поможет осознать им свою реальность: свои глубинные потребности, свои истинные ценности, свое “зазеркалье”.

Рисунки, сделанные студентами во время лекций

В музее присутствует постоянный консультант-психолог, который, кроме рассказа об экспозиции, помогает посетителям “проникнуть в состояние” экспонатов, “вчувствоваться” в философию личности их создателя. А поскольку создателями являются сами студенты, музей помогает им “слышать голоса” собственного “группового бессознательного”. Эти голоса зафиксированы в Книге жалоб и предложений. Вот некоторые из них: “Здесь темно, тихо и интимно...”, “Мотивирует осознание своего бессознательного, чему необыкновенно рада”.

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ КАК ФОРМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Рамки лекционных и семинарских занятий, к сожалению, лишают студентов и преподавателей “субъект-субъектного” общения. Между тем для формирования будущего специалиста-психолога чрезвычайно важно умение вести диалог, беседу, умение видеть в другом личность, а не объект исследования, человека в целом, а не только его профессиональную роль.

Одной из самых действенных форм нового общения стал дискуссионный клуб. За небольшое время своего существования в клубе уже прошло несколько интересных заседаний. Об этом можно судить хотя бы по темам, которые обсуждались на встречах: “Психолог: путь к профессионализму”; “Проблема изменения личности в процессе изучения психологии”; “Мужчина и женщина: мистика и реальность”.

Дискуссионный клуб открывает студентам-психологам возможность не только сформулировать и осознать свою профессиональную позицию, но и увидеть ее глазами другого, сравнить свое мнение с мнением окружающих, научиться слушать и слышать людей.

- Подведены итоги научно-исследовательской работы кафедры политологии в 1998 г. Защищены 2 докторские и 1 кандидатская диссертации, опубликованы 2 монографии и учебно-методическое пособие.

Преподаватели и аспиранты кафедры приняли участие в 15 международных, российских и региональных конференциях, опубликовали свыше 40 научных работ.

- На факультете прошла открытая лекция депутата Государственной Думы РФ, заместителя председателя Комитета по международным делам А.П.Андреева "Политический процесс в современной России". Студенты отделений политологии, государственного и муниципального управления, гости с отделения международных отношений исторического факультета высказали пожелание сделать открытые лекции традицией факультета.

- Успешно завершил обучение первый иностранный аспирант факультета Халед Шайбани из Йемена. В специализированном совете Ростовского госуниверситета он защитил кандидатскую диссертацию на тему "Политические партии и движения в Йемене" по специальности "Политические институты и процессы".

- Выпускница отделения политологии 1998 г. Лина Шидловская стала аспиранткой Центрально-Европейского университета в Будапеште. Это закономерный итог ее студенческой научной работы. С первого курса Лина участвовала в конференциях, стала лауреатом "Недели

науки-97". Она – стипендиатка фонда "Открытое общество", участница проектов гражданского образования студентов Центральной и Восточной Европы. Сейчас Л.Шидловская занимается сравнительным анализом партийных систем постсоциалистических стран и западных демократий.

- Необходимость научного осмысления происходящих в обществе социальных и психологических изменений мотивировала диссертационную работу заместителя Министра внутренних дел Республики Адыгея Р.И.Иманкулова "Психолого-педагогические аспекты формирования правового сознания (на материале старших школьников)" (научный руководитель – А.Н.Кимберг). Большой интерес вызвали материалы исследования, зафиксировавшие устойчивое расхождение в подростковом сознании ориентации на индивидуальные ценности и закон. Намечены способы управления правовой социализацией подрастающих поколений, что является серьезным вкладом в совместную профилактическую работу правоохранительных органов и системы образования.

- Диссертация Г.Ю.Флоровской "Методология психологического обследования и воспитания личности как субъекта самопознания и саморазвития" (научный руководитель – З.И.Рябкина) относится к работам, выполненным в новой методологической парадигме индивидуально-биографического подхода. Вместе с представленными результатами двадцатилетней психодиагностической работы автора в кадровых службах органов внутренних дел защищалась и новая методология психологической работы диагноста и консультанта, получившая высокую оценку диссертационного совета.

- Сейчас готовятся к защите еще несколько интересных работ аспирантов и соискателей кафедры, выполняемых под руководством профессора З.И.Рябкиной, доцентов А.Н.Кимберга, С.И.Воронкиной, А.А.Лузакова, А.Н.Демина.

- С 15 по 22 февраля 1999 г. на факультете управления КубГУ по приглашению руководства факультета и Центра университетской поддержки развития местных сообществ провела цикл учебно-консультационных занятий Т.М.Говоренкова,

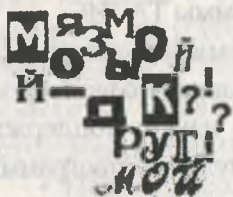
кандидат технических наук, директор Центра “Муниципалитет” Института развития г.Москвы, эксперт программы ТАСИС.

Встречи с преподавателями и аспирантами факультета были посвящены проблемам становления самоуправления в современной России, истории развития муниципальной науки, поддержки развития местных сообществ через образовательные программы. Т.М.Говоренкова выступила с лекциями перед студентами факультета по темам: “История самоуправления в России”, “Демократические традиции самоуправления в дореволюционной России”, “Проблемы коммунального хозяйства”, “Городское планирование. Ипотека”.

Программа пребывания в г.Краснодара включала также проведение лекций перед директорами и преподавателями школ Карасунского округа г.Краснодара.

• 22 февраля в Центре университетской поддержки состоялась встреча Т.М.Говоренковой с представителями мэрии г.Краснодара: В.Н.Прохоровым, директором департамента юридического и кадрового обеспечения муниципальной деятельности, Л.Я.Чикариной, начальником управления социальной защиты мэрии г.Краснодара, В.В.Реммлером, начальником отдела кадрового обеспечения. Во встрече приняли участие сотрудники факультета управления профессор Ю.В.Филиппов, доценты Т.Т.Авдеева и Д.С.Сомов, Н.Г.Козловская; были обсуждены вопросы: подготовка международной конференции “Муниципальная собственность: структура и управление”, издание учебного пособия “Очерки муниципальной культуры”, организация учебы муниципальных служащих.

На встрече с членами редколлегии нашего журнала “Человек. Сообщество. Управление” Т.М.Говоренкова поделилась опытом издания российского журнала местного самоуправления “Муниципальная власть” и подарила факультету управления подшивку журнала за 1997–1998 гг.

Т.Н.Арлова

Дорогие читатели !

Очень хорошо, что редколлегия, понимая важность культуры речи, ввела постоянную рубрику “Язык мой – друг мой?”. Зачем же здесь знак вопроса? В чем, собственно, сомнения? Родной русский язык окружает нас с детства, на нем мы произносим свои первые слова, объясняемся в любви, выражаем себя и понимаем других.

Все это так. Но, к сожалению, приходится констатировать, что в последние годы мы говорим по-русски все хуже и хуже. Правда, не всем это заметно, особенно когда речь идет о самом себе. Известный своей сомнительной афористичностью В.С.Черномырдин недавно заявил: “У меня к русскому языку вопросов нет!” А вот у русского языка к нам вопросы есть, и не мало.

Все, наверное, заметили, что очень популярным в нашем обществе стало слово-паразит “как бы”. Его вставляют чуть ли не через слово и “новые русские”, и эстрадные певцы, и даже интеллигентные люди. Это “как бы” стало, говоря “красиво”, знаковым символом эпохи. Мы живем как бы в демократическом обществе и как бы в правовом государстве, в условиях как бы рыночной экономики, получаем как бы зарплату.

Так вот, подавляющее большинство наших президентов и членов правительства, депутатов и губернаторов говорят на как бы русском языке.

Особенно опасно, что речевые ошибки, тиражируемые радио и телевидением, становятся нормой.

Давайте прислушаемся к своей речи, выявим собственные ошибки и будем говорить ярко, образно и, главное, правильно.

Обратите внимание на ударения в словах иноязычного происхождения:

апостроф, дефис, генезис, саммит, маркетинг, нувориш, феномен, эксперт, каталог.

Запомните!

До́говор – за́говор – сго́вор

Оп́т – оп́том – опто́вый – оптовик

Сре́ды – по сре́дам

Стены – за стена́ми

О́тзыв о диссертации – отзы́в депутата

Обратите внимание на место ударения в форме родительного падежа множественного числа:

Область – областей

Отрасль – отраслей

Ведомость – ведомостей

Местность – местностей

Плоскость – плоскостей

Мощность – мощностей

Простыня – простынь и простыней

Прибыль – прибылей

Ступень – ступеней (в лестнице) – ступеней (в развитии чего-либо)

Доска – досок

Торт – тортов

Дно – доньев

Порт – портов

Сирота – сирот

Торг – торгов (о торговых учреждениях)

Торг – торгов (название действия)

Запомните, как правильно читаются следующие отглагольные существительные:

Договариваться – догово́р (–ы мн.ч.)

Созывать – созы́в

Обеспечивать – обеспе́чение

Сосредоточивать – сосре́доточение

Намереваться – намере́ние

Упрочить – упроче́ние

Л.Н.Ожигова

**САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ –
ТЕМА НАШЕГО ВРЕМЕНИ**

*Психологические проблемы
самореализации личности: Сб.
науч. трудов. Вып. 3 / Под ред.
О.Г.Кукосяна. Краснодар, 1998.*

Человеческая природа далеко
не так плоха, как о ней думают.

А.Маслоу

Вышел третий выпуск сборника научных трудов, посвященный проблемам самореализации личности, в котором представлены работы многих психологов Краснодарского края. Вошедшие в сборник статьи объединяет их общая направленность на постижение феноменологии, закономерностей и механизмов самоосуществления субъекта, содействие формированию и реализации конструктивных потенциалов человеческой личности.

Общий тон сборника – гуманистическая направленность, внимание к личности, признание ценности ее уникального существования – задается с первых страниц, где читатель может ознакомиться с четырьмя статьями академика Российской академии педагогических наук А.А.Бодалева, посвященными одному из сложнейших и интереснейших явлений человеческой жизни – акме. “Акме и популярность”, “О взаимодействии индивидуального, личностного и субъектно-деятельностного развития взрослого человека”, “О микро- и макроакме и интенсивной работе внутреннего мира человека как условия их достижения”, “О личностном акме и факторах,

благоприятствующих или мешающих его достижению” – уже в названиях статей отражена основная позиция автора, обращающего внимание на содержательную характеристику явления “вершины” в развитии человека, пика в проявлении себя как личности в ее социальных ролях.

Своевременно обращение О.Г.Кукосяна (“К вопросу об этическом кодексе психолога”) к проблеме соблюдения психологом в процессе своей профессиональной деятельности основных этических норм и принципов, что в ситуации рыночных отношений и социально-экономического кризиса является наиболее важным. Ведь именно психолог часто оказывается последней инстанцией, которая может помочь человеку, вернуть ему психическое и физическое здоровье, а обществу – личность.

Психологические проблемы самореализации личности рассматриваются в разнообразных жизненных контекстах личностного бытия: профессиональная деятельность, поиск работы, учеба, семейные отношения, преодоление трудных ситуаций, различные периоды возрастного развития. В исследованиях психологов фигурируют такие конструкты личности, как направленность личности, особенности общения, самооценка, ценностные ориентации, профессиональные предпочтения и т.д. В сферу внимания авторов статей попадают различные социально-профессиональные группы: учащиеся, студенты, педагоги, руководители, госслужащие, музыканты, спортсмены, безработные и т.д. Психологические проблемы самореализации личности представлены в сборнике на разных уровнях научного познания: теоретическом, методологическом, эмпирическом. Так, например, в статье “Педагогическая поддержка индивидуализации личности в процессе образования” В.П.Бедерханова рассматривает традиционные социально-педагогические модели развития личности, а затем переходит к теоретическому анализу личностно-ориентированной педагогики и описанию различных пониманий

“педагогической поддержки” в новой парадигме образования. И если работа этого автора являет собой пример глубокого теоретико-методологического описания, то статья, например, Г.Н.Князевой “Экспресс-диагностическое изучение профессиональной направленности педагога” приводит данные конкретного исследования, связанного с изучением доминирующих мотивов в структуре личности педагога, создавая тем самым перед читателем живой образ современного педагога.

Интерес представляет то информационное поле, которое представлено в материале статей сотрудников кафедры психологии КубГУ факультета управления. Многосторонний подход к изучению личности, ее развитию и профессионализации, умелое сочетание классического теоретического и эмпирического материала, обращение к важнейшим реалиям сегодняшнего постоянно меняющегося мира – такие направления характеризуют работы психологов этой кафедры А.А.Кимберга, З.И.Рябикиной, А.А.Лузакова, А.Н.Демина, Н.А.Крыловой, А.Н.Сирота, Л.Н.Ожиговой.

Так, в статье «Массовая школа и анализ подросткового “Я”» А.Н.Кимберга и Г.А.Ляшко представлена концептуально очерченная позиция авторов относительно процессов реорганизации системы образования, перечислены основные трудности становления нового педагогического подхода через призму подросткового сознания. Снижение информирующей роли школы, утрата школой средств влияния на ученика и авторитарная позиция “беспомощного” в этой ситуации учителя – все эти факторы усиливают противостояние личности ученика личности учителя и в целом системе образования, причем каждый возраст имеет свои переживания и задачи развития. Но авторы статьи не заканчивают ее на столь минорной ноте, а предполагают некоторые возможные перспективы решения возникших трудностей.

основных исторически сложившихся на Западе и в отечественной психологии подходов к интерпретации психологической феноменологии. Только синтетическое рассмотрение различных направлений позволяет выделить основные пространства бытия личности и означить основные характеристики самой личности как системно организованного пространства смыслов. Автор работы отмечает, что “надпространственный” характер бытийности личности, ее развитие сопряжено с появлением и возрастанием способности к порождению новых образований внутри пространства смыслов, с креативностью и самоактуализацией, с экспансией Я на внешние пространства.

В работах А.Н.Демина “Психологическое содержание профессиональной ориентации” и А.Н.Демина в соавторстве с Н.А.Крыловой “Типы трудового сознания незанятых женщин” последовательно раскрываются существующие в психологии представления о профессиональной ориентации, разных видах адаптации личности, субъективном факторе в структурировании рынка труда, приводится содержательное описание понятия “трудовое сознание”. Во второй статье опыт исследования сознания незанятых женщин позволил авторам предложить некую эмпирическую типологию трудового сознания и дать глубокую социально-психологическую интерпретацию наблюдаемых феноменов.

А.А.Лузаков и Т.Н.Серегина в статье “О связи когнитивной полнезависимости с чертами личности” обращаются к проблематике когнитивных стилей, которая занимает особое место в системе психологического знания. Полнезависимость и полезависимость, ее связь с чертами личности – такова центральная задача эмпирического исследования, результаты которого представлены в работе. Дискутируемые в науке вопросы, касающиеся связи полнезависимости с социальной зависимостью, с отдельными исследуемыми факторами – самодостаточностью, общительностью и т.д. – частично нашли подтверждение в исследовании, частично

позволяют конструировать цели дальнейшего изучения в этом направлении, так как имеют сложную интерпретацию и требуют разъяснения противоречивых данных.

В работе “Психологические корреляты социально-стратификационных критериев в прототипном восприятии студентов-гуманитариев” А.Н.Сироты представлены результаты практического исследования в области понимания молодежью социальной стратификации общества. Размытость четких границ в современной структуре общества создает необходимость для индивидуального структурирования личностью социальной картины мира. Выявленные в ходе исследования стратификационные критерии могут служить как дальнейшему конструированию моделирования диагностической процедуры, так и изучению стратификационного восприятия.

В статье М.А.Белоконь “Влияние личностных особенностей и жизненного опыта на профессиональное становление практического психолога” поднимается важная проблема, связанная с научным диспутом о приоритете базового психологического образования или о предпочтительном “зрелом” личностно субъекте обучения профессии психолог. На основе сравнения самооценочных представлений студентов дневного отделения психологии и слушателей МРЦПК автор работы обнаруживает стремление к саморазвитию обеих групп обследуемых, положительные и отрицательные стороны как базового, так второго образования.

Л.Н.Ожигова в работе “Профессиональное самоопределение женщины в контексте проблем гендерных отношений” обращает внимание читателей на специфические особенности профессионального обучения и процессов реализации Я-концепции женщины-психолога на первом году “вхождения” в профессию. Трудности самореализации личности и противоречивое сочетание выборов, сделанных девушками в области профессиональных предпочтений, позволяют автору статьи выделить конкретные психологические проблемы самореализации женщины в профессии.

З.И.Рябкина и Л.Н.Ожигова в статье “Женщина-руководитель: проблема самоактуализации в контексте полоролевых характеристик личности” профессиональное развитие человека рассматривают как неотъемлемую часть жизненного пути, реализации Я-концепции в профессии. Но пути и особенности этой реализации отличны у каждого человека. Живой психологический портрет женщины-руководителя и мужчины-руководителя образовательного учреждения заставляет задуматься о многих противоречивых и не всегда позитивных воздействиях культурных полоролевых норм.

Сборник, безусловно, заслуживает внимания как специалистов психологов, так и педагогов, политологов, управленцев, юристов. Раскрываемые в статьях проблемы самореализации личности позволяют увидеть различные грани человеческого бытия в философской, социально-культурной, психологической интерпретации.

З.И.Рябкина

ЧАРЛЬЗ РАЙТ МИЛЛС ПОМОГАЕТ НАМ РЕШАТЬ НАШИ ПРОБЛЕМЫ

*Миллс Ч. Социологическое воображение / Пер. с англ.
О.А.Оберемко; Под ред. Г.С.Батыгина. М., 1998. 263 с.*

Благодаря осуществленному переводу на русский язык мы получили возможность познакомиться с известнейшей и давно ставшей классической работой американского социолога Ч.Миллса. Опубликованная в США в 1959 г., затем она неоднократно переиздавалась и во многом определила “лицо” социологии и смежных общественных дисциплин в последующие годы. Но и сейчас, в конце 1990-х гг., неумный и темпераментный Миллс так своевременно ворвался в нашу научную обыденность.

“Социологическое воображение” — книга методологическая, раскрывающая одну из возможных

стратегий научного осмысления социальной бытийности. Именно сейчас, когда наши социальные науки пребывают в состоянии методологического кризиса, возможность посоветоваться с “критически мыслящим интеллектуалом”, не отделявшим личную судьбу от профессиональной карьеры, страстным полемистом и ниспровергателем догм может быть чрезвычайно полезной.

Центральная теоретическая посылка автора сфокусирована на проблеме единства жизни индивида и хода истории, на проблеме сохранения самости, личностного достоинства в сумасшедшей круговерти исторических событий. Главная опасность, по мнению Миллса, кроется в неуправляемости сил современного общества с порождаемыми им иррациональностью, отчуждением людей, нарастающим у них чувством потерянности и бессилия, усиливающейся угрозой глубокой трансформации самой природы человека. Как актуально звучит сегодня скорбная фраза Миллса: “Даже не впадая в панику, люди часто понимают, что старое мышление и мироощущение терпят крах, а новые веяния сомнительны в моральном отношении”! (с.13).

Одна из существенных стратегических посылок автора связана с его настойчивым стремлением оградить исследователей от опасности сциентистского рутинерства. Он подчеркивает необходимость в определении области исследования исходить из конкретных насущных проблем, переживаемых общественной структурой и входящими в нее конкретными людьми, пытающимися устроить свою личную судьбу в этой структуре. Миллс призывает раскрыть те смыслы, которые придают процессам в обществе конкретные люди, так как только на основе этих смыслов может быть сформулирована реальная научная проблематика.

Действительная свобода менее регламентированной методологии социологического воображения сопоставляется автором с двумя оформившимися в

общественных науках тенденциями “бегства от свободы”: с “Высокой теорией” и с абстрактным эмпиризмом. Если первая создает почти непробиваемую броню интеллектуальной недостижимости, то вторая “укрывает” исследователя непоколебимостью “голых фактов”.

Книга Миллса интересна своими персонажами. Будучи не только социологом, но глубоким и очень наблюдательным персониологом, Миллс представляет на страницах своей работы галерею легко узнаваемых портретов. Описывая свое время, он и здесь оказывается на диво актуальным. Среди “героев времени” – “предприниматель нового типа”, “интеллектуальный администратор и толкач исследовательских проектов”, “техник-изыскатель”. Последний (наиболее раздражающий Миллса) характеризуется им как тип молодого ученого, которому свойственны усидчивость, догматизм, абстрактный эмпиризм и глубокое презрение к “социальной философии”. “Техник” устранился от беспокойного бремени реальных общественных проблем и сосредоточивает свои усилия на овладении частной исследовательской операцией. “Простота и естественная легкость, с какими этой процедуре обучается любой мало-мальски смысленный человек, во многом объясняют ее привлекательность”, – пишет Миллс (с.64). Последующая классификация ответов респондентов по различным основаниям всегда позволяет получить нечто любопытное, что под шапкой “общественное мнение” найдет себе место не только в научном отчете, но и на страницах популярной печати, добавив славы автору.

Интересны размышления Миллса об образовании. Миллс трактует его задачи в связи с необходимостью оказания помощи людям в понимании того, чего они действительно *хотят* добиться в жизни, помощи в совершенствовании навыков “внутренней полемики с самим собой”. Учитель должен обращаться только к тому, что может быть осмыслено учеником, “должен начинать с изложения вопросов,

которые для индивида наиболее интересны, даже если преподавателю они кажутся банальными и пустыми” (с.213). Только тогда есть надежда, что ученики будут способны продолжить начатое учителем. Такое образование Миллс называет “освобождающим”. Его итогом должны быть способные к самообразованию и самосовершенствованию люди. В этом Миллс видит гарантию свободы человека творить историю, действовать в историческом процессе в соответствии с ценностью разума, преодолевать опасность отчуждения.

М.В.Юрченко

РАСШИФРОВАННАЯ ИДЕОЛОГИЯ ВЛАСТИ

Макаренко В.П. Русская власть (теоретико-социологические проблемы). Ростов н/Д, 1998.

Вышла в свет замечательная книга видного отечественного политолога и философа В.П.Макаренко “Русская власть”. 162Автор на основе аксиологического анализа политики и власти определяет теоретико-методологические границы этатистской субкультуры, применяет концепцию “власти–собственности” к анализу русской политической истории, доказывает, что в России власть всегда была переплетена с собственностью, что и обусловило основные цивилизационные отличия России от стран Запада. Разработка методологии и политического знания основана на анализе поворотных пунктов политической истории России – татаро-монгольского ига, собирания русских земель вокруг Москвы, опричнины, реформ Петра I и политики Екатерины II, реформы 1861 г., Февральской и Октябрьской революций 1917 г.

Не претендуя на исчерпывающий анализ книги, остановимся на одном аспекте – феномене политического отчуждения. На наш взгляд, это одна из ключевых политфилософских проблем, рассмотрение которой позволяет автору раскрыть сущность и специфику властно-политический технологии, показать, что процесс

формирования государственной власти всегда связан с развитием политического отчуждения.

Известно, что фундаментом любой устойчивой системы власти является доверие к ней. Веберовская теория легитимности власти, включающая в себя три типа господства и источника доверия граждан – легальное, традиционное и харизматическое, по мнению автора, локальна, “выражает взгляд человека Западной Европы на природу политической власти” и не соответствует опыту других цивилизаций. “Для индивида внеевропейской цивилизации власть была и во многом остается до сих пор феноменом, данным и существующим самим по себе... сила и террор государства полагаются главным фактором власти” (с.85).

В.П.Макаренко уже довольно давно занимается исследованием творчества М.Вебера. Одна из первых книг в отечественном вебероведении – это книга В.П.Макаренко “Вера, власть и бюрократия: критика социологии М.Вебера”, изданная в 1988 г. Резенцируемая работа является своеобразным продолжением этого исследования. На наш взгляд, автор не опровергает, а скорее творчески развивает и существенно дополняет веберовскую концепцию власти. Отмечается, что процесс формирования государственной власти связан с развитием политического отчуждения как универсального феномена, включающего в себя формы мышления, в основе которых лежит объяснение властных отношений экономическими, политическими или идеологическими факторами, а история любой страны рассматривается как “конкретизация общих свойств политического отчуждения” (с.86). Критически относясь к либеральным теориям “общественного договора”, естественных прав человека и вытекающим из них концепциям гражданского и политического консенсуса, так как “они пренебрегают конфликтным содержанием политических систем и государственной власти во всем комплексе ее отношений с обществом”, автор определяет специфику властно-политической технологии как способность

властвующих и подвластных применять все методы насилия, принуждения и социальных целей, правомерность и обоснованность которых всегда дискуссионна.

Нельзя не согласиться с выводом, что “степень распространенности религиозных и светских идеологий в массах несколько не свидетельствует в пользу их истинности” (с.91). Но независимо от того, насколько “истинно” или “ложно” отражается действительность в идеологических доктринах, степень их распространенности в обществе не снижается, иначе говоря, приходится рассматривать идеологию не только как отражение реальности (как правило, искаженное, “ложное”), но и как саму реальность, как социальный факт.

Раскрывая идеологические интересы власти, автор определяет основную тенденцию – стремление к десоциализации граждан, при этом любая государственная власть заслоняется разнообразными идеологиями, но “что бы ни говорила о себе та или иная власть, она всегда опирается на отряды вооруженных солдат и арсенал других средств насилия, которые в любой момент могут укротить несогласных с нею граждан” (с.107). В периоды социальных революций и политических реформ массы дезориентированы, “ведут интенсивный поиск пространства разрыва с властью”, власть же пытается заполнить это пространство идеологическими гибридами типа “атлантизма”, “евразийства”, “интегративной идеологии”, “национально-государственной идеологии” и т.п. “А по сути дела предлагаются разные варианты одного и того же “панацеяного мышления” (с.122). Автор ссылается на статью Л.В.Скворцова “Россия: социальное самосознание на историческом переломе” (“Октябрь”. 1995. №11. С.160), в которой подчеркивается, что «российская “демократия”, выступая против коммунистической идеологии, в конечном счете стала воспроизводить идеи одной правительственной партии, одного класса как носителя демократии, одного персонифицированного гаранта истинного пути государства». В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что

интегративная идеология имеет очень важные преимущества перед так называемыми панацейными и к ним, на наш взгляд, не относится, так как предполагается создание условий, способов мирного сосуществования плюральных политических идеологий на основе согласия о ценностях консенсуса, нацеленную на обеспечение конструктивного взаимодействия различных социально-политических сил, которое постепенно должно превратиться в политическое и культурное сообщество — народ. Именно достижение этого сообщества, основанного на общих ценностях и нормах, является стержневым элементом интегративной идеологии. Интегративная идеология призвана обеспечивать моральное наполнение политики с целью качественной трансформации самой власти в направлении морали, долженствования и патриотизма, с тем, чтобы избираемая и сменяемая властвующая элита могла выдвигать вдохновляющие нацию благородные идеи. И способность масс к гражданскому сопротивлению, когда власть использует методы насилия и манипуляции, о которой пишет автор, это тоже некий идеологический аспект интеграции общества в рамках закона, когда блага гражданского мира ценятся выше, чем корпоративные интересы властвующей группировки. В решении этих сложнейших задач «многое зависит от преодоления схем мышления, накопленных на протяжении XX в. и бытующих в настоящее время в общественном сознании».

На наш взгляд, книга В.П.Макаренко «Русская власть» сама является ярким примером преодоления старых схем стереотипного мышления. В данной работе предлагается оригинальная концепция власти и трансформации посттоталитарных режимов. Книга написана ярким, образным языком, в лучших традициях русской философской и политико-правовой мысли.

Объем данной рецензии не позволяет остановиться на всех теоретических проблемах, исследуемых В.П.Макаренко в своем труде. Их обсуждение можно продолжить на

научно-теоретической конференции или при проведении “круглого стола”.

В.А.Меньшиков

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

6–7 июня 1998 г. по инициативе кафедры политологии факультета управления в Кубанском государственном университете проходила научно-практическая конференция “Политические процессы в условиях современной России”. В конференции участвовали представители различных городов России: в основном преподаватели вузов, аспиранты, студенты. На конференции были заслушаны интересные доклады и сообщения, посвященные актуальным проблемам политической жизни современной России. На основе представленных выступлений, докладов, тезисов опубликованы материалы конференции.

Материалы распределены по следующим разделам: доклады на пленарном заседании; секция первая – выступления по проблемам реформирования политической системы России; секция вторая – анализ политических процессов; секция третья – вопросы взаимодействия экономики и политики на современном этапе России и последняя секция – региональные проблемы политического развития России.

Такой широкий охват российской политической действительности позволяет получить относительно целостную картину происходящего. Бесспорным достоинством конференции является то, что наряду с теоретически значимыми аспектами анализа, существенное место было отведено прикладным вопросам. В этой связи хотелось бы отметить

содержательные доклады заведующего кафедры политологии КубГУ, доктора философских наук В.М.Юрченко "Конфликт и политика: единство предельного различения", заместителя начальника управления по делам общественных и межрегиональных связей мэрии г. Краснодара М.В.Саввы "Этнический статус как фактор конфликта", профессора кафедры политологии Адыгейского государственного университета Х.И.Тугуза "Региональная этнополитика: парадигмы потенциальных конфронтаций" и др.

Опубликованные материалы конференции рассчитаны на широкую аудиторию, интересующуюся вопросами политики, на людей, желающих расширить свои политические знания, получить ответ на некоторые актуальные вопросы. Существенную помощь материалы научно-практической конференции могут оказать специалистам-политологам, преподавателям, ведущим занятия по различным разделам политической науки; практическим работникам государственных и административных политических структур. Для студентов, изучающих политологические дисциплины, этот материал представляет особую ценность. Во-первых, он позволяет получить достаточно широкий круг представлений о происходящих политических процессах в России. Во-вторых, данный материал содержит отдельные аспекты методологического характера, т.е. позволяет подвести методологическую основу для дальнейшего исследования некоторых политических проблем. В-третьих, материалы могут быть широко использованы для подготовки к практическим занятиям по политологии. В-четвертых, советы, рекомендации, предложения, высказанные участниками конференции, окажут помощь в практической политической деятельности.

Абитуриенту–99

Факультет управления КубГУ в 1999 году проводит набор студентов по специальностям:

- Государственное и муниципальное управление
- Менеджмент
- Политология
- Психология
- Социальная работа

На отделениях имеется дневная и заочная форма обучения. Прием студентов осуществляется как в бюджетные группы, так и с возмещением затрат на обучение по договорам. Для лиц с высшим образованием имеется возможность получения второго высшего образования по специальностям факультета за 2,5 года.

Перечень вступительных испытаний по специальностям факультета на бюджетную форму обучения:

Государственное и муниципальное управление*Дневное отделение*

- Обществознание (тест)
- Обществознание (устно)
- Математика (тест)
- Русский язык (тест)

Заочное отделение

- Обществознание (тест)
- Математика (тест)
- Русский язык (тест, зачет)

Менеджмент

Заочное отделение

- Обществознание (тест)
- Математика (тест)
- Русский язык (тест, зачет)

Политология

Дневное отделение

- Обществознание (тест)
- Обществознание (устно)
- Иностранный язык (тест)
- Русский язык (тест)

Заочное отделение

- Обществознание (тест)
- Русский язык (тест)

Психология

Дневное отделение

- Биология (тест)
- Обществознание (устно)
- Русский язык (тест)

Заочное отделение

- Биология (тест)
- Обществознание (устно)
- Русский язык (тест, зачет)

Социальная работа

Дневное отделение

- Обществознание (устно)
- История России (тест)
- Русский язык (тест)

Заочное отделение

- Обществознание (устно)
- Русский язык (тест, зачет)